В.Г. Шевченко
Г.П.Турмов

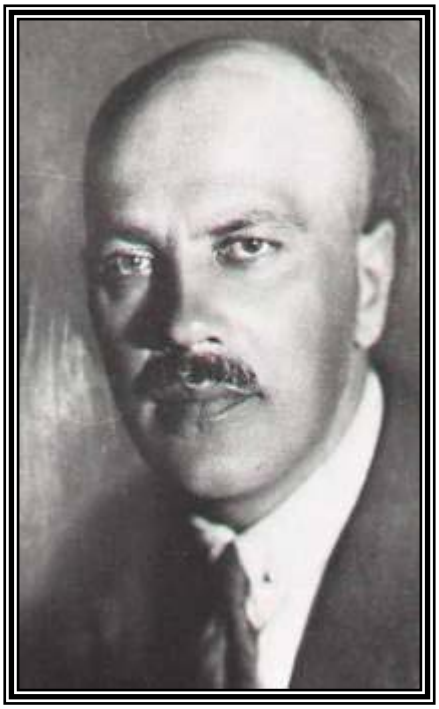
С В А Р Щ И К

В И К Т О Р В О Л О Г Д И Н

120-летию

со дня его рождения посвящается

Санкт-Петербург-Владивосток
2003



120 лет
профессору
ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ
ВОЛОГДИНУ
1883-2003

От автора

Данная рукопись была завершена еще в 1992 г. и шесть лет пролежала "в долгом ящике". Она покоилась бы там по сей день, если бы автор случайно не заговорил о ней со Светланой Георгиевной Вологдиной - женой единственного прямого потомка Вологдиных по мужской линии Валентина Владиславовича. Светлана предложила мне набрать текст на компьютере. И, несмотря на все неурядицы нашего времени, на множество забот (работа, семья, а иногда и хвори), она к моей великой радости эту работу сделала. Главный повод для радости то, что рукопись перестала существовать в единственном экземпляре. Появилась, хотя и робкая, надежда, что, быть может, рассказ о жизни деда когда-нибудь увидит свет. Великое Вам, Светлана Георгиевна, спасибо.

И еще слова благодарности. Глубоко признателен всем, кто дал себе труд познакомиться с рукописью и сделал те или иные исправления и дополнения. Из числа моих добровольных редакторов особенно хочу выделить троюродную тетушку Татьяну Снеллинг, которая не просто помогла многое уточнить, но, предоставив мне множество писем родственников, открыла ряд совершенно новых страниц жизни Вологдиных вообще, и Виктора Петровича в частности. Благодарю также моих троюродных братьев Сергея Сергеевича и Валентина Сергеевича Немковых, сделавших серьезные уточнения и исправления.

Наконец, самые добрые слова автор считает приятным долгом сказать ректору Дальневосточного государственного технического университета профессору Г.П. Турмову, который много сделал для увековечения памяти дорогого и родного нам человека, а также счел возможным напечатать эти мемуары. Большое Вам человеческое спасибо от всех родных Виктора Петровича и, разумеется, прежде всего от автора.

Вы думаете это просто,
придти и людям дать огонь?

Введение

Написать о своем дедушке, Викторе Петровиче Вологдине, я, можно сказать, собирался всю жизнь - ту жизнь, которую пришлось прожить на земле без него. Пока дед был жив, такая идея не возникала, ибо мне, как всякому молодому человеку, казалось, что жизнь вечно будет крутиться по заведенному кругу, а если надо, дед сам расскажет, напишет...

И вот взялся я за перо только на седьмом десятке лет. Все ждал, что придет какое-то особенное настроение - такое, что не рассказать про деда будет нельзя. Время шло и только теперь, когда собственная моя жизнь пошла к концу, понял, что этак все то важное, что хотел рассказать, так и останется при мне. А рассказать про деда я не просто должен, а обязан, ведь сам он о себе почти ничего не поведал людям, ну а жизнь его со временем обязательно станет им интересна. Интересна потому, что когда-нибудь жители Земли захотят узнать, кто был тот человек, который построил первый цельносварной мост в мире, и кто был тот россиянин, что своими руками построил первый сварной корабль на Руси. Тут, надеюсь, и может пригодиться мой рассказ.

Я многое помню, но более существенно то, что у меня есть ряд документов. Прежде всего, это письма - несколько бесценных писем самого деда и его братьев, письма бабушки, а также письма моей мамы. Думаю, что не меньшую ценность представляют довольно многочисленные официальные документы. Большим подспорьем в работе послужили многочисленные фотографии, сделанные самим дедом (он был хорошим фотографом), а также фотоальбомы, автором которых являлся Сергей Владимирович Овсянников [1]. Он ежегодно дарил их нашей маме в день её именин - 17 октября. Большим подспорьем в работе над рукописью были биографические и библиографические материалы, собранные А.К. Шарцем [2] и опубликованные полукустарным способом в 1966 г. в Перми под названием "Вологдины" (1). Существенную помощь оказала мне Татьяна Евгеньевна Снеллинг (урождённая Сосунцова) [3]. Она тщательно ознакомилась с рукописью, сделала ряд важных замечаний и, за что я ей особенно благодарен, прислала из Лондона копии интереснейших семейных документов. Ссылки на прочие источники информации будут приведены ниже по ходу повествования.

Не мыслю свой рассказ о дедушке как некое художественное произведение, а тем более, историческое изыскание.

Прошло десять лет с тех пор, как был закончен первый вариант рукописи. И все десять лет не было никакой надежды напечатать её. Теперь вот судьба свела меня с доброжелательным человеком, которого не оставляет равнодушным история сварки на Руси, – ректором Дальневосточного технического университета профессором Турмовым Г.П. Он предложил опубликовать мои воспоминания. Тем более что в августе 2003 деду исполнилось бы 120 лет!

Немного о построении самой рукописи:

1. В квадратные скобки заключены цифры, отсылающие к материалам, рассказывающим о некоторых персонах и документах, упоминаемых в повествовании, но о которых в тексте рассказано недостаточно. Круглые скобки используются для цифр, означающих номера цитируемых источников.

2. В повествовании широко используются материалы из архива семьи Вологдиных. Чаще всего это письма, иногда документы (справки, выписки и т.д.). Все они

пронумерованы и хранятся соответствующим образом. Чтобы не загромождать рукопись, из неё исключены архивные коды цитируемых документов, ибо их вполне заменяют даты отправки писем, а также сведения о номерах и времени выдачи тех или иных документов.

Пращуры

Виктор Петрович Вологдин – один из членов древнего рода, историю которого мы имеем возможность отсчитывать от Ивана Вологдина – приказчика "Очерского острожка" - человека, защищавшего г. Осу от Пугачева.

Наша родословная представляет внушительное зрелище, ведь древо в целом объединяет более 250 персон. Впервые серьезно генеалогией Вологдиных занялся Григорий Александрович Вологдин [4] – один из дядюшек Виктора Петровича. На листе ватмана он представил именно древо с изящными зеленовато-желтыми листочками, раскрашенными акварелью. Завершена эта работа была 20 мая 1935 года, о чём свидетельствует надпись, собственноручно сделанная автором с помощью тонкого тушевого пера. Хранится сей раритет у меня в архиве. Через 50 лет "подвиг" Григория Александровича повторила его внучка Ирина Александровна Плотникова [5]. В работе ей помогали: Вероника Викторовна Вологдина [6], Валерия Валентиновна Вологдина [7], её сын Сергей Сергеевич Немков [8], Людмила Григорьевна Вологдина [9], а также Виктория Германовна Ляус [10] и Нина Михайловна Антипьева [11] (первая – из потомков Григория Александровича, вторая – Анатолия Александровича [12]). Нас, естественно, будет главным образом интересовать ветвь, к которой принадлежал Виктор Петрович.

Рассказ о пращурах возможен только благодаря той большой работе, которую проделал брат моего прадеда Алексей Александрович Вологдин [13]. Многие годы он с исключительной тщательностью собирал сведения о предках Вологдиных и, что не менее интересно, материалы по истории рода Строгановых. Я имел возможность познакомиться с этими замечательными записями, которые, по-видимому, хранятся в архиве Марии Федоровны Теплоуховой [14] в последней квартире её мужа Валентина Петровича Вологдина на проспекте Энгельса. К счастью, хотя мало и скупо, но всё-таки поведал о своем отце Валентин Петрович (2).

Когда-нибудь будет написана книга, посвященная сложному и чрезвычайно интересному процессу сосуществования знатного рода Строгановых и безвестного до поры до времени рода принадлежавших им крепостных Вологдиных. Жизни их представителей оказывались порою так тесно переплетены, что понять бытие одних невозможно, не считаясь с бытием других.

Строгановы имели в Прикамье 12 миллионов гектаров земли. Это были богатейшие люди Земли Русской, причём богатство их фамилии удерживалось на протяжении четырёх веков. Оно существовало не ради самого богатства. Строгановы организовали и финансировали поход Ермака, они же выплачивали жалованье стрельцам. Иван Грозный даровал им беспошлинную торговлю. Они ссужали деньги Василию Шуйскому, от которого также были получены неслыханные привилегии. Петр Великий замахнулся было на то, чтобы дать укорот богатеям. Но и здесь они нашли выход. На деньги Строгановых было построено четыре фрегата, а принимая государя, они усадили его на подарок - бочку с золотом.

Велик вклад представителей этого славного рода в дела питерские. Барон, генерал-лейтенант Сергей Григорьевич Строганов по проекту Растрелли построил знаменитый Строгановский дворец. Под непосредственным наблюдением его сына – барона (впоследствии графа) Александра Сергеевича бывший его крепостной А.Н. Воронихин воздвиг Казанский собор. Графиня Софья Владимировна учредила в Санкт-Петербурге школу горно-заводских и лесных наук, т.е. явилась основательницей Горного

института. Известный отечественный металлург академик М.А. Павлов, по словам Валентина Петровича Вологдина, считал, что металлургические заводы, построенные Строгановыми в Приуралье, "...сыграли определённую прогрессивную роль, в развитии русской промышленной металлургии"(2, с.314)*).

---

*) Воспоминания Валентина Петровича, о которых идёт речь, были написаны в сталинские времена и, видимо, не случайно он весьма осторожно говорит о роли строгановских заводов, ведь нельзя же было прямо сказать, что "буржуйские заводы" действительно были явлением прогрессивным.

Владения Строгановых простирались по рекам Каме и Чусовой. Они владели лесами, полями, пастбищами, пахотными землями, кладами горных сокровищ, деревнями, сёлами, заводами и людьми. Чтобы не пропадало это великое богатство, рачительные хозяева заботились о приобретении работников, способных содержать земли в порядке. С этой целью скупались крестьяне у разорившихся помещиков других губерний. Они получали фамилии по имени местности, из которой происходили. Так появились Вяткины, Владимировы, Устюговы, Мезенцевы, Казанцевы и... Вологдины. Собственно, настоящая наша фамилия была Коровины, но у Строгановых был строгий порядок - Коровины превратились в Вологдиных, Впрочем, это не совсем бесспорно. Валерий Дементьев - автор книги "Великое устье" (4) столкнулся с тем, что некто А.А. Титов издал рукопись, написанную, по мнению издателя, священником Львом Вологдиным, т.е. человеком, который, хотя проживал в краях вологодских, носил интересующую нас фамилию. Имел ли священник Вологдин, рассказавший о событиях конца XIV в., какое-нибудь отношение к строгановским крепостным, сказать, опираясь на приведенные Дементьевым материалы, к сожалению, нельзя. А жил этот священник, вероятнее всего, в конце XIX в.

Родоначальник Вологдиных Иван Петрович служил у графини Строгановой "прикащиком" в селе Вознесенском Очёрского округа. Он прославил себя тем, что принимал участие в успешной защите города Осы от пугачёвцев.

4 декабря 1946 года Алексей Александрович Вологдин прислал Марии Федоровне Вологдиной ряд выписок из книги Василия Волегова "Материалы для истории Пугачёвского бунта в Пермской губернии" (к сожалению, никаких ссылок на год опубликования нет, но можно предположить, что Алексей Александрович привёл сведения, почерпнутые из "Календаря Пермской губернии на 1884 г.").

Вот, что там сказано: "...Селу Очёрскому Острожку предстояла явная опасность; для защиты его определён был приказчик из людей графа Строганова Иван Вологдин, который от 10 февраля доносил своему начальству, что для предосторожности от злодейской толпы вора Пугачёва повседневно находится у него при карауле крестьян, вооруженных ружьями, луками и рогатинами: обвинцев пеших – 100, очёрцев – 100, на лошадях – 140; всего 340 человек" (4, с.35).

Кто-то из Вологдиных (возможно, тот же Иван Петрович) не только готовил к обороне Очёрский Острожек, но и принимал участие в боевых действиях - отражал нашествие пугачёвцев у села Беляевского Оханского уезда.

В. Волегов по этому поводу сообщал: "Во время Пугачёвского бунта (село) переходило несколько раз из рук мятежников к правительственным войскам. Здесь особенно отличились: строгановские приказчики – Вологдин и Прядильщиков, отразившие с 260 чел. крепостных крестьян 13 марта 1776 года шайку башкир и дворовых осинских крестьян. Причём убитых у Прядильщикова и Вологдина оказалось 4 человека и сожжено 13 домов и 4 гумна в Беляевке. 15-го марта та же шайка, получив подкрепление в с. Горском близ города Осы, под командой Михаила Голдобина и башкира Сайдышева в числе 350 человек вторично напала на Беляевку и также была

отбита тем же приказчиком Вологдиным и его товарищем Карагайским приказчиком Серебренниковым" (С. 38, 42).

Когда я - советский мальчишка впервые прочитал процитированные строки о подвигах нашего предка, мне стало не по себе. Думалось: "Вот ведь, чьи-то пращуры понимали, что надо делать – бились на стороне восставшего народа, а начто: на-ка тебе – воевал против самого Пугачёва..." Гордиться здесь в те поры явно было нечем. Само возникновение таких мыслей явно свидетельствовало о том, что советская власть не зря вдалбливала в ученические головы, что такое хорошо и что такое плохо. Теперь, слава богу, можно с толикой гордости сказать, что предок твой был человеком не робкого десятка, что он мужественно и умело защищал свой дом.

Сын Ивана Григорий был в 1797 году взят Строгановыми в Санкт-Петербург и проработал там оффициантом *) семнадцать с половиной лет.

---

*) Именно так - через два "ф" писалось это слово в документах того времени.

Там он женился на Евдокии [15] - дочери Михаила Евсеевича Пономарёва, кухмистера Екатерины Великой, у которого всего было три дочери. Сведения эти взяты мною из записи, сделанной Марией Фёдоровной Вологдиной – супругой Валентина Петровича. Таким образом, впервые род наш оказался связан с градом Святого Петра 200 лет назад. Отец Григория служил приказчиком, а вот сын получил повышение - стал оффициантом (не лакеем!). Григорий Иванович жил в строгановском дворце (на Набережной Фонтанки, рядом с Невским). Рабочим местом его была контора. Доводилось ему принимать участие в поездках графа. Будучи официантом, он выполнял официальные поручения господ. Одно из самых ответственных поручений он получил по окончании службы в Питере. А окончилась она по его собственному желанию в связи с женитьбой. 11 декабря 1815 года Управляющий Главной Санкт-Петербургской конторой графа П.А. Строганова С. Игнатьев писал Главноуправляющему имения Строгановых Я.Г. Волегову:

"Яков Григорьевич.

Из числа отправляемых в Пермское имение Его Сиятельства людей, посланы к Вам по худому поведению бывших в ведении моём конторщиков Быкова и Бурдина с тем, чтобы Вы употребили их по своему усмотрению в должности, поелику сколь они не развратны в своём поведении, однако, если Вы употребите над ними строгий присмотр, тогда они могут способностями своими принести пользу. Но, впрочем, когда не найдёте средств к исправлению их поведения, тогда можете ими заменить хороших крестьян и отдать в рекруты. Относительно же посылаемых Вологдина с семейством и вдовы Ожихиной, то оные препровождаются на свободное житьё по собственному их желанию с производством по воле графа Павла Александровича первому 500 руб. в год, а второй по 10 руб. в месяц.

О чём известя Вас, пребываю Вам доброжелательным, верный слуга

Сергей Игнатьев"

Когда дошло это письмо до адресата, не известно. А вот другое, отправленное 16 декабря того же года, тот же Яков Григорьевич Волегов получил 2 января 1816 года. (Как видно, в те времена письма ходили куда скорее, чем ныне!) Автором был сам Его Императорского Величества Генерал-адъютант, Генерал-лейтенант и разных орденов кавалер граф Павел Александрович Строганов. В письме значилось:

"Яков Григорьевич.

На сих днях отправился отсюда в Пермское имение мой официант Вологдин, с которым посланы были разные церковные вещи, отбитые у французов в 1812 году вверенным командованию моему корпусом Российских войск. Желая приобретение сие возвратить Богу, поручаю Вам препроводить все означенные вещи в главную церковь села Ильинского (Это село временами выполняло функции центра всей строгановской вотчины) с тем, чтобы оные были там всегда хранимы в нарочно устроенном для них ковчеге красного дерева, который Вам также послан с Вологдиным.
Прилагаемую при сём записку о упомянутых вещах прикажите внесть в общую опись церковного имения, а следующее для сего краткое об оных известие приклеить к ковчегу так, чтобы всякий мог оное читать.

Остаюсь Вам всегда доброжелательным
(на подлинном) граф Павел Строганов, Санкт -
Петербург, Декабря 16 дня 1815 года"

Надпись, приклеенная к ковчегу, была так умилительно светла, что не могу не привести из неё короткую цитату:

"Да будет утварь сия, Божией церкви возвращенная, всегдашним свидетельством нечисти врагов нашего Отечества и купно знаменем побед, которыми Вышний прославил подъятое к отражению их оружие во дни Благочестивейшего Императора Александра II".

Увы, нет сомненья в том, что "утварь сия", возвращенная церкви, была украдена при разгроме церквей нечистыми на руку коммунистами.

Характеристики же, косвенно вытекающие из приведённых документов, таковы, что даже комментировать их неловко. Можно лишь определённо сказать, что прадед моего деда, как минимум, был человеком преданным и заслуживавшим большого доверия, которое он оправдывал.

У Григория Ивановича и Евдокии Михайловны было 8 детей. Должно быть, крепка была любовь дочери царского кухмистера к официанту Вологдину, если согласилась она покинуть столицу, уехать в пермскую глушь рожать и воспитывать там детишек.

Когда я впервые услышал о самой "именитой" из наших родоначальниц, почему-то очень захотелось представить себе её: какова она была – женщина, полюбившая "простого" мужика? Какова она была - прабабушка братьев Вологдиных? Казалось, нет никаких шансов когда-нибудь, что-нибудь узнать об этом. Но прошло всего лет 50 и я получил такой шанс. Произошло это тогда, когда Аделаида Ульяненко, живущая в Питере, познакомила меня с единственным источником, позволяющим судить о нашей прародительнице. Это неопубликованные воспоминания Григория Александровича Вологдина (5) - одного из братьев Петра Александровича, которые он начал писать в восьмидесятилетнем возрасте. Столь велико желание сохранить словесные крохи, рассказывающие о колоритной представительнице нашего рода, что приведу единственные два фрагмента рукописи, посвященных ей.

ВОЛОГДИНА (ПОНОМАРЁВА) Евдокия (Авдотья) Михайловна родилась в 1778 году, умерла в 1872 (5).

"Некоторые эпизоды из своей ранней жизни я начал помнить, - пишет Григорий Александрович, - с четырёх лет. Первый - это приезд очёрской бабушки, матери отца, Евдокии Михайловны. Она была довольно большого роста, очень смуглая, с крупным носом, энергичная (сёстры мои приписывали ей цыганское происхождение, что доподлинно неизвестно). У меня в то время уже был меньший брат Алексей и, когда,

бывало, мы с ним расшумимся, бабушка эта укрощала нас окриком, а иногда и голиком (веником без листьев). Вообще она не любила маленьких детей, чем составляла противоположность бабушке Назаровне, со стороны которой мы всегда встречали любовное отношение" (4, с. 35).

Так вот, оказывается, какая суровая была у нас прародительница. Но не будем спешить с выводами... Снова займёмся чтением воспоминаний... "Наша семья продолжала увеличиваться, и к этому времени, кроме брата Алексея, я имел ещё двух: Анатолия 4-х лет и Владимира 2-х. Так что приехавшую опять к нам очёрскую бабушку мы стали ещё больше беспокоить своим шумом и, чтоб угомонить нас, она часто прибегала к излюбленному средству - голику и выгоняла на улицу. Но вот случилось так, что бабушка изменила своё отношение к нам, стала терпеливее и проявляла даже иногда ласку. Дело в том, что мы обратили внимание на то, зачем бабушка часто ходит в погреб, ничего туда не носит и оттуда выходит с пустыми руками. В погребе было маленькое окошечко и раз, когда она пошла туда, мы тихонько подтянулись к окошку и стали смотреть, что она там делает? Видим, что она зашла за дверь, в угол погреба, взяла из щели стены какую-то коробочку, вскрыла её, взяла оттуда что-то и поднесла к носу, а затем положила коробочку в щель и вышла. Как только прошла она в дом, мы в погреб, вытащили коробочку, вскрыли и увидели в ней нюхательный табак. Значит, она секретно нюхает: надо ей как-нибудь досадить. Когда я учился ещё в школе, то слышал от кого-то из ребят, что если нюхальщику подложить в табакерку старой, растёртой в порошок рогожи, то он будет чихать до крови. Недолго думая, нашли старую рогожу, растёрли и запустили в табакерку, которую положили на место, а затем стали следить, когда опять пойдёт бабушка в погреб. Спустя некоторое время, видим - она пошла, а мы опять к окошечку посмотреть - что будет. И вот, понюхавши, она зачихала беспрерывно, а мы не удержались, прыснули от смеха, чем и выдали себя. Бабушка, продолжая чихать, кинулась на нас, но мы не побежали, а говорим: "Только тронь! Скажем папе, что ты нюхаешь табак". И что же?..

Насколько она была рассержена, сдержалась и стала уговаривать, чтобы мы молчали, не говорили папе, а мы ей: "Не скажем, а ты, бабушка, не гоняй нас голиком!" С тех пор, как, бывало, рассердится она, мы кинем: "Скажем папе-то!" - и она притихнет. Отец, вероятно, и так знал про её слабость, но не подавал вида, а если-б узнал про нашу проказу, досталось бы, конечно, скорее всего нам, а особенно мне, как старшему из четырёх. Надо сказать, что бабушке было около 90 лет (она умерла в Очёрском заводе 94 лет)".

Отец автора приведённых выше строк - Александр Григорьевич сделал такую запись:"Родительница наша Евдокия Михайловна Вологдина скончалась в 13 число января 1872 года в 3 часа утра. Похоронена при кладбищенской церкви в Очёрском заводе 15 числа января. Жизнь её продолжалась около 90 лет"... (С. 10-11).

Уверен, в памяти каждого, кто прочтёт бесценные строки Г.А. Вологдина, сохранится много портретов, но прежде всего удивительно живой портрет пра...пра...прабабки нашей Авдотьи Пономарёвой.

Напомню, у Григория Ивановича и Евдокии Михайловны было 8 детей. Ещё богаче чадами оказалась семья его сына Александра (1817-1896), женатого на Александре Павловне Плюсиной. У них было 11 детей - четыре дочери и семь сыновей. Старший их сын Пётр, родившийся 11 (23) августа в Добрянском заводе, был отцом нашего деда.

Отец

О Петре Александровиче, сыгравшем громадную роль в воспитании и становлении сыновей, надо рассказать поподробней. Мои поверхностные изыскания позволяют утверждать, что история жизни Петра Александровича была многотрудна, не проста и местами совсем непонятна. Но, разумеется, не было у него никаких оснований думать,

что его жизненные достижения смогут чем-то затруднить жизнь сыновей. Эпиграфом к этой главе могли бы послужить следующие слова Л.Н. Толстого: "Деятельность научная и художественная в её настоящем смысле только тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности" (20, С. 372).

Рис. 1. Петр Александрович Вологдин в начале своей деятельности

Став строгановским стипендиатом, Петр Александрович получил право учиться в Земледельческой школе, открытой Московским обществом сельского хозяйства (Источники 1,2). При поступлении талантливому крепостному парнишке было всего 14 лет. В московской школе он занимался 5 лет, прослушал весь курс и в 1862 году окончил её по первому разряду, получив звание "Ученый управитель". Девятнадцатилетнего учёного управителя назначили смотрителем горных рудников Кувинского металлургического (чугуноплавильного) завода. Это было странное назначение, ведь он окончил земледельческую школу. Всё, чему он старательно учился, оказалось ненужным. Мятущийся, беспокойный человек, он до конца дней своих страдал от невозможности осуществить свои мечты.

Счастье его, что был он молод, горазд на выдумки и на редкость энергичен. Надо было переучиваться. Постоянное посещение рудников позволило собрать основательную коллекцию уральских минералов. А любовь к чтению подтолкнула к собиранию книг. Интерес к жизни и быту коми-пермяков привёл к созданию этнографической коллекции акварельных рисунков. Способность к рисованию впоследствии оказалась достоянием многих его детей.

Замечательной чертой Петра Александровича была его склонность к изобрета-тельству. Первым изобретением стала висячая тележка на монорельсе для откатки руды. Он не только сконструировал её, но и построил, а действующую модель представил на Московскую политехническую выставку. Там же демонстрировались все его коллекции. И вот в 29 лет, в 1872 году за всё это смотритель горных рудников из пермской глуши был удостоен Большой золотой медали. Не трудно представить, сколь горд был молодой человек, удостоившийся солидной награды, и ни где-нибудь, а в самой Москве!

Несмотря на то, что работать приходилось не по специальности, начало 80-х годов, видимо, оказалось счастливым временем в жизни прадеда. В ту пору он женился на Людмиле Дмитриевне Швецовой (1857-1951) [9]. Ему был 31 год, а его юной жене всего 17, когда крестили первенца - Сергея. Крёстной была сестра Людмилы Дмитриевны Глафира. Счастье отцовства оказалось ещё одним подарком судьбы. Потом крестины праздновались в семье Вологдиных ещё на протяжении 20 лет. Всего у них было 13 детей, но выжили только шесть - пятеро сыновей и одна дочь. Они дали начало роду, который насчитывал более 100 человек.

Я мало знаю о прабабушке и потому лишь коротко расскажу о ней. ВОЛОГДИНА (ШВЕЦОВА) Людмила Дмитриевна была дочерью известной в Перми акушерки. Оказалась она человеком исключительного мужества. Нелегко было родить 13 детей, но каково было жить после того, как семеро из них ушли в могилы? Каково было жить, когда за революционную деятельность то один, то другой сын, если не попадал в тюрьму, то оказывался выслан или изгнан из учебного заведения? Наконец, каково было жить, когда её оставил муж? В довершение всего во время революции 1917 года Людмила Дмитриевна осталась в Перми одна и её квартиру на Екатерининской (Большевистской) улице полностью разворовали. На седьмом десятке лет ей пришлось покинуть Отечество и почти тридцать лет прожить на чужбине - в Париже, где она и похоронена.

Рис.2. Людмила Дмитриевна Вологдина (Швецова)
(1857-1951)

Но вернёмся к заботам и печалям молодой семьи.

Успех Петра Александровича на московской выставке, связанный преимущественно с горным производством, не мог заставить забыть о тяге к земле. Ему, как строгановскому стипендиату, выделили в Куве немногим более 4 гектар (4 десятины). На этом участке он должен был создать опытно-показательное поле. На нем смотритель рудников проводил солидные опыты по получению высоких урожаев, для чего использовал искусственные удобрения, сеял клевер. Ко всем работам привлекались подрастающие дети. По рассказам моего деда, урожаи были достаточно велики: до 40 центнеров зерновых и 96 центнеров клевера с гектара. Много собирали и семян клевера.

Конструкторский талант прадеда также нашел применение в сельском хозяйстве. Он сконструировал веялку, которая являлась тогда новинкой для уральцев, и, верный своим принципам, построил несколько агрегатов на Кувинском заводе. С его лёгкой руки веялки впоследствии получили в конце Х1Х столетия широкое распространение в приуралье.

Дети вместе с отцом принимали участие не только в сельскохозяйственных работах. Под его руководством сыновья разбивали цветники с дорожками и клумбами, участвовали в строительстве фонтана, самого настоящего фонтана, струя которого била высоко вверх.

Неуёмная энергия Петра Александровича требовала выхода. Ему тесно было на собственной земле. Он предложил посадить в Куве два парка. Один – тополёвый – занял почти гектар. Второй – березовый – был выращен на левом берегу громадного заводского пруда. За ним расположились посадки хвойных. Этот красивейший уголок, по свидетельству очевидцев, сохранился до настоящего времени. Да, душа прадеда определённо была настроена на дела, связанные с землей. И во все свои затеи он обязательно вовлекал сыновей. Однако он был бы непоследователен, если бы забыл о тех, ради кого создавались парки и т.д. – о людях.

Преодолению провинциальной скуки, надо полагать, немало содействовало создание в Куве "Общества семейных вечеров", в который входили драматический кружок, духовой оркестр и хор русских народных песен, который нередко исполнял и красивые пермяцкие напевы. Особенной любовью у местного населения пользовался оркестр. И в оркестре, и в хоре непременно участвовали сыновья Петра Александровича. Успех деятельности "Общества" обеспечивался тем, что для его работы инициатор его создания специально построил дом, который существует до сих пор. В нем находится поселковый клуб.

Собрание книг Петра Александровича увеличилось настолько, что стало именоваться "Кувинская горная библиотека". Насчитывалось в ней не менее трех тысяч томов. Вход был свободным. Пользовались книгами не только служащие завода, но и рабочие. Читателей было около 50 человек.

В собрание входили такие и по тем временам раритеты, как "Арифметика, сиречь наука числительная" Л.Ф.Магницкого, изданная в 1703 году, "Книга о способах, творящих водохождение рек свободное" (1708 г.) и многие другие, одни названия которых способны повергнуть современного читателя в изумление. Любимым времяпрепровождением в семье всегда было чтение. Сначала родители читали детям, а потом старшие - младшим. Круг чтения был весьма широк.

Библиотека чуть было не погибла, когда в 1911 году Строгановы решили закрыть Кувинский завод по причине его нерентабельности. Однако прадед, живший в то время в Сибири, и его сыновья, разбросанные по России, сделали всё, что было в их силах для

спасения ценного собрания. Сохранившиеся книги были переданы Пермскому научно-промышленному музею и библиотеке Пермского краеведческого музея.

Петр Александрович прожил в Куве 20 лет, а затем был переведён в Очёр - на землю пращуров, которую более чем за 100 лет до этого защищал от пугачёвцев его прапрапрадед Иван Петрович Вологдин.

По-видимому, в это же время Петр Александрович перешел на должность делопроизводителя оброчного стола в Управлении государственных имуществ. Конечно, это было исключительно грустное событие. В Куве оставалось очень много такого, что было бесконечно дорого сердцу: заветные четыре десятины, ставшие уже тенистыми парки, дом для проведения семейных вечеров, создававшаяся два десятилетия библиотека.

Впрочем, не думаю, что прадеда долго одолевали ностальгические настроения. В 1885 году он, по предложению инженера-механика Очёрского железоделательного завода Николая Ивановича Мальцева, разработал проект солнечных часов (6), которые были изготовлены каслинскими мастерами чугунного литья.

Очёрские солнечные часы существуют до сих пор. Ныне им уже более 100 лет. Как писала в 1987 г. Пермская газета "Звезда" (6): "Здесь каждый день толпятся любопытные. Если денек солнечный, сверяют свои новейшие хронометры с показаниями чугунных часов. Вычислив по расчетной таблице (она на чугунной плите) время, восхищаются точностью "хода" вечных часов."

Пребывание в Очёре было не слишком продолжительным. В 1887 году семья перебралась в Пермь. Переезд был связан с тем, что Петр Александрович мечтал дать детям хорошее образование, а ведь старшему - Сергею было уже 13...

В Перми глава большого уже семейства стал работать в "Пермских губернских ведомостях", где печатал статьи, очерки и рецензии на театральные постановки. Затем начал сам редактировать неофициальную часть газеты, которая с его приходом стала значительно интересней, ибо в ней появилось больше материалов, посвященных истории края, этнографии, геологии и т.д.*)

---

*). Список основных публикаций Петра Александровича и работ, посвященных ему, приведён в приложении.

Всего перу прадеда принадлежало свыше тысячи статей опубликованных в различных, главным образом уральских, газетах. При этом большинство из них подписано одной только буквой "В", или вообще не имеют подписи.

Поселилась семья в доме номер 10 по Екатерининской улице, которую после революции переименовали в Большевистскую. Переименование не было случайным, ведь квартира Петра Александровича то самое место, где возникла первая большевистская организация Перми. С революционной деятельностью была в большей или меньшей степени связана жизнь почти всех его сыновей. Сейчас, когда принято любой ценой открещиваться от связей с большевиками, с гордостью говорю об этом. Ведь это знак того, что в квартире жили люди, разделявшие самые прогрессивные в то время воззрения, знавшие, что их, возможно, ждут в связи с этим тяжкие испытания. Петр Александрович не был затворником, который всю жизнь провёл на далёких окраинах. Насколько много и часто он разъезжал по стране, не знаю, но вот в Питере, по-видимому, бывал нередко, о чём свидетельствует его знакомство с городским головой Николаем Николаевичем Медведевым, которому он в 1898 г. подарил свою фотографию с дарственной надписью. Надо полагать, что бывал он в столице и в те годы, когда сыновья сдавали вступительные экзамены или заканчивали учебные заведения.

Рис.3. Пётр Александрович Вологдин. Фотография 1898 г.,
подаренная городскому голове Петербурга Николаю Николаевичу Медведеву

Впрочем, кто его знает, быть может, в ту пору молодые люди были более самостоятельны, а их родители более спокойны от уверенности в силах своих детей... Кто знает...

Последние годы жизни Петра Александровича окутаны тайной. Случилось что-то страшное. Он оставил семью. Перебрался сначала в Екатеринбург. Затем в Томск. В Екатеринбурге редактировал газету "Рудокоп", печатался в "Екатеринбургской неделе". В Томске работал в Переселенческом управлении Западной Сибири. В этом городе он и умер. Случилось это 18 декабря 1912 года. Где его могила – не знаю.

Любимых дел у прадеда в жизни было много. Главным он считал воспитание детей. Великой страстью его, помимо журналистики, было собирание народных песен пермяков, их обрядов, заклинаний, примет и сказок. А.К. Шарц - исследователь, имя которого я уже упоминал, в 1965 г. обнаружил большую тетрадь, содержавшую "Песни пермяков, записанные П.А. Вологдиным в Соликамском уезде Пермской губернии". Этнографам ещё предстоит оценить вклад Петра Александровича в сложное и благородное дело. Однако то, что он дал родным детям, несомненно, принесло свои плоды. Во всём, что делали они на земле, без труда угадываются мысли и дела их замечательного отца. При этом особую роль сыграли сказки. Вспоминая об этом, брат деда Валентин писал: "Дети читали приключения, путешествия, слушали сказки. Нужно сказать, что в моей личной жизни сказки сыграли немалую роль. Сказка развивала фантазию, уводила в мир чудесного, в неизведанный мир. Мы научились сами придумывать сказки. Героями их были не Иваны-царевичи, а волшебные "синие руки" - всесильные и могучие. Они помогали нам проникать в неведомые страны, покорять воздух, воду, огонь. Видимо "синие руки" были для нас символом всепобеждающей силы мысли человека».

Братья, сестра и повести о старых письмах

Читатель уже, должно быть, изрядно запутался в генеалогии рода Вологдиных. Чтобы упростить понимание дальнейшего, предлагаю извлечение из древа, позволяющее увидеть имена не отягощенных предками и потомками одних лишь героев этой главы и их жен.

1. **СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ** (24.08.1874 – 06.06.1926), жены – Софья Яковлевна, урождённая ТРЕЙ, а после её смерти – Мария Павловна КАШИНСКАЯ.
2. **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ** (1876 – 1956), жена Таиса Николаевна Окулова.
3. **БОРИС ПЕТРОВИЧ** (10.07.1879 – 10.03.1938), был женат на сестре Софьи Яковлевны ТРЕЙ - Евгении, а позже на Екатерине Ивановне ЗАОЗЕРСКОЙ.
4. **ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ** (10.03.1881 – 25.04.1953), жена Мария Федоровна, в девичестве ТЕПЛОУХОВА.
5. **ВИКТОР ПЕТРОВИЧ** (1883 – 1950) - мой дед и главный герой всего повествования. Был женат на девице Екатерине Александровне БЕЛОПАШЕНЦЕВОЙ.
6. **НАДЕЖДА ПЕТРОВНА** (1897-1972). Была замужем за Евгением Евгеньевичем СОСУНЦОВЫМ.

Итак, теперь понятно, что дед мой был самым младшим из братьев. Младше него была только сестра Надя. Понятно также, что семья Петра Александровича и Людмилы Дмитриевны пополнялась через каждые 2-3 года, лишь Надежда нарушила этот порядок и родилась через 14 лет после деда. В общем же небольшой разрыв в возрасте у большинства братьев обеспечивал одну существенную особенность – преемственность семейных традиций. При этом, конечно же, все братья были на особицу – у каждого свой характер. Меня поразило, как удивительно прорисовались черты личности в юношеских письмах Сергея, Владимира и Виктора. К сожалению,

эпистолярное наследие Валентина до меня не дошло, а послания Бориса относятся к более позднему времени. Но перейдём к делу.

Тётя Глаша

Все имеющиеся в моем архиве письма братьев адресованы тётке Глафире Дмитриевне Швецовой. Она родилась 16 февраля 1858 г. Окончила с серебряной медалью в память Царствования Императора Александра III-го полный курс наук в Императорском Московском Николаевском Сиротском Институте. Об этом свидетельствует имеющийся у меня конверт, отправленный 20 февраля 1879 г. из Соликамска воспитаннице названного дома.

Из надписи на другом конверте, отправленном в сентябре 1896 г., ясно, что "Ея Высокоблагородие Глафира Дмитриевна г-жа Швецова" в то время работала в Перми в женской прогимназии, затем окончила летние Парижские курсы Alliance frangouse и курсы французской литературы в Сорбонне. А было это в 1905-1906 годах.

Тетка пользовалась у племянников не просто большим уважением, она была для них, по существу, второй матерью - человеком, которому они доверяли свои сокровенные мысли, к помощи которого прибегали в трудную минуту, и она всегда и всем помогала. Я хорошо помню тетю Глашу, величественную, совершенно седую старуху. В то время она жила на Крестовском острове в доме Валентина Петровича на Эсперовой улице в доме номер 1 (рис. 31). Её комната была на втором этаже этого просторного дома, а окна выходили в сад. Нам - многочисленной мелкоте - разрешалось заходить к тете Глаше, но у нее нельзя было шуметь и бегать. Вообще же, несмотря на то, что я был мал (было мне тогда лет 5-6), на всю жизнь сохранилось у меня, а думаю и у моих братьев и сестер, чувство настоящего глубокого уважения к заслуженному старому человеку. Это не было чувство благоговения, ибо таковое вообще вряд-ли было свойственно малым детям нашего поколения. Скорее всего наше отношение к тете Глаше было отражением той атмосферы глубокого почтения, которую культивировали взрослые. Интересно, что Глафиру Дмитриевну звали "тетей Глашей" и взрослые и дети.

Сергей

Первое по времени письмо принадлежало и старшему по возрасту - Сергею Петровичу. Написано оно было 18 ноября 1897 г. Сергей Петрович обращается к тетке со словами: "Милая крестна!". Отсутствие буквы "я" в слове крестная - не случайная описка. Скорее это - дань старорусскому произношению, с которым мне, в частности, доводилось сталкиваться у жителей Тверской области.

Далее говорится: "Сердись, не сердись, а я виноват, что до самого конца откладывал. Давно хотел написать, да вот не вышло. Я уже знаю от Анны Яковлевны, что ты на меня сердишься. Каюсь, а повинную голову и меч не сечет!.. пожалуй, розга и сечет".

Письмо это Сергей Петрович отправил тетке в Пермь из Петербурга, где он проходил военную службу, а извинялся он, видимо, за то, что не поздравил ее своевременно с какой-то семейной датой. Во всяком случае это не был день Ангела, который приходится у т. Глаши на апрель 12. С грехом пополам поздравив тетку, племянник информирует: "Теперь я занимаюсь переводами и даже сочинительством. Написал недавно биографию Пирогова". К сожалению, я не знаком с тем, что вышло тогда из-под пера Сергея Петровича, тем более, что в то время он еще не решил, где будет печататься, но из письма ясно, что к делу молодой автор подошел основательно: читал статьи, посвященные Пирогову *), познакомился и с Ушинским, у которого "тоже встречаются интересные статейки, например, о преподавании новых языков и влиянии их на развитие". Он настоятельно советует Глафире Дмитриевне прочесть сочинения самого Пирогова и его автобиографию.

Небольшое письмо Сергея Петровича (4 страницы тетрадного формата) дает возможность и понять, и почувствовать атмосферу и стиль его жизни. Напомню, что он

проходил военную службу. Этой темы автор касается основательно, хотя отмечает: "Военная служба у нас не трудная и работой не очень утруждают, хотя теперь самое трудное время – готовятся отчетные чертежи для всеподданнейшего отчета. Меня, конечно, как рисовальщика, заставили «красить». Кстати, рисовальщиком Сергей Петрович был отменным. Он любил карандашные наброски, акварель. Страстью его было изображение морских волн. Впрочем, подробнее о пристрастии Вологдиных к рисованию расскажу отдельно, поскольку многие наши родственники, и в том числе дед, любили творить карандашом и кистью.

Сейчас это, разумеется, удивительно, но 100 лет назад военнослужащие получали денежные награды. В письме сказано: "К празднику мы получили награды по 12 рублей - и то деньги". Помимо службы и сочинительства, Сергей Петрович, хотя и редко, но все же ходил в театры, немного, но читал, а также бывал на лекциях по физике проф. Боргмана и ходил слушать курс политической экономии проф. Яроцкого.

---

*) В частности, познакомился со статьей некоего Стоюнина, которую он считал одной из лучших работ о Пирогове. Упомянув этого автора, С.П. замечает, что он был учителем Глафиры Дмитриевны.

Наконец, рассказал Сергей Петрович тетке и о делах, касающихся родных знакомых. Он сообщил, что Анна Яковлевна и Матильда Яковлевна Трей [16] были у Досмановой, которая после операции на глазах, удачно сделанной в Петербурге, вернулась в Пермь. (В семействе Треев были еще две сестры [17]).

Удивительная штука эти старые письма - навсегда зафиксированные отрезки чьей-то жизни, доносящие до нас живые картины давно минувшего времени. Как много рассказывают они внимательному читателю и об авторе, и о получателе. Об отношениях этих людей друг к другу и к окружающему миру, о настроении того, кто пишет, о планах, чаяниях и надеждах, о любви и ненависти... Да мало ли ещё о чём...

Сергей Петрович был тем человеком, который в силу своего старшинства прокладывал дорогу в жизни остальным братьям. В 1892 г. он первым отправился в столицу, поступил на металлургический факультет Петербургского технологического института и окончил его 21 мая 1897 г. По окончании института он проходил военную службу. Во время написания письма он уже был дипломированным инженером-технологом. Его трудовая карьера началась с медно-прокатного завода Франко-Русского общества, который по его проекту был полностью реконструирован.

Вскоре, встав на ноги, он стал наставником и организатором жизни младших братьев. Благодаря ему, все они (хотя каждый по-своему) оказались в свое время связаны с Франко-Русским (ныне Адмиралтейским) судостроительным заводом.

По окончании института Сергей Петрович без чрезвычайных событий проработал всего семь лет. Он провел эти годы с большой пользой. Во-первых, в мае 1903 г. ездил во Францию, где занимался языком, работал в научных лабораториях, материально поддержал тётушку Глафиру Дмитриевну, когда она совершенствовалась в языке в Париже. Этого времени ему также хватило для того, чтобы вместе с М.Г. Евангуловым [18] написать главный труд жизни - книгу "**Металлография**"- первый, а главное, талантливо написанный учебник по этому только-только народившемуся предмету. Книга была переведена на многие иностранные языки, а Русское общество технологов выдало за неё молодым авторам премию имени И.А. Вышнеградского [19]. "Металлография" увидела свет в 1905 г., и в том же году Сергей Петровича избрали в Петербургский Совет рабочих депутатов. Вскоре он и участвовавший в охране Совета 24-летний брат Валентин были арестованы.

Суд приговорил Сергея к ссылке в Сибирь, но, учитывая многочисленные ходатайства (семьи, Русского технического общества, Франко-Русского завода и

отдельных лиц), правительство сочло возможным заменить ссылку высылкой из России на 3 года. Так Сергей Петрович оказался... в Париже. Там он работал ассистентом лаборатории замечательного исследователя - автора знаменитого принципа подвижного равновесия Ле-Шателье.

Слушал лекции в Сорбонне и Французском колледже, вел научную работу, посвящённую исследованию свойств огнеупорных материалов. Словом, жизнь его была полнокровна и интересна, а заработки таковы, что он смог помогать Глафире Дмитриевне во время её обучения в Париже... Женат был Сергей Петрович дважды. Первая жена его Софья Яковлевна была дочерью книгоиздателя Якова Ивановича Трея [20]. Она, как и отец, занималась издательской деятельностью - выпускала медицинские книги, журналы и газету "Врач". С Сергеем Петровичем её познакомил брат Дмитрий, бывший его соучеником. А началась любовь с уроков музыки, которые давала Сергею будущая жена. Свадьбу сыграли за год до того, как жених окончил институт. Софья Яковлевна родила четырёх дочерей: Ирину, Веру, Галину и Наталью. Наталья Сергеевна, или просто Наташа, всю жизнь была очень дружна с нашей мамой, и я хорошо знал её. Эта удивительно скромная, спокойная, умная и рассудительная женщина много способствовала становлению моих взглядов на мир.

В связи с парижским периодом жизни семьи Наташа рассказывала такую историю. Когда её, родившуюся в Париже, любопытные дяди из ГПУ спрашивали, зачем семья ездила во Францию, следовал кокетливый ответ: "Я ездила туда родиться". Наташа прожила долгую жизнь, а все её сестры рано покинули этот свет. Галина Сергеевна похоронена рядом с моим дедом. Её похороны состоялись на следующий день после предания земле Виктора Петровича.

Внучка Сергея Петровича Майя Данини (в девичестве Худякова) была талантливой писательницей. Она – автор трёх книг. В одной из них рассказано о вологдинском клане. Но об этом мы поговорим позже.

Вторая жена Сергея Петровича Мария Павловна Вологдина (Кашинская) родилась в 1891 году и прожила более 90 лет. Она окончила Бестужевские высшие женские курсы и Петербургский университет, преподавала химию в Новочеркасском политехническом институте. С нею мне даже довелось переписываться в 1981 г.

Парижская "ссылка" окончилась в 1909 г. Вернувшись в Россию, Сергей Петрович был вынужден осесть в Новочеркасске, ибо ему запрещалось проживание в столице. Он стал преподавателем Донского политехнического института, где организовал лабораторию металлургии, вел практику у студентов по этой дисциплине, читал лекции. Поразительно много сделал он за свою короткую жизнь, и это несмотря на то, что жизнь его протекала в годы глубокой послереволюционной разрухи в настоящем российском захолустье. Ему было мало научной деятельности и преподавания в своём вузе. Помимо этого он преподавал специальные дисциплины и вёл дипломное проектирование в Таганрогском металлургическом институте. На четвёртый год после революции Сергей Петрович организовал курсы для подготовки молодых рабочих и крестьян к поступлению в вузы. Руководил достройкой здания Донского политехнического института, работал деканом металлургического факультета, был членом правления института. Наконец, будучи специалистом высочайшей квалификации, консультировал многие заводы, тресты, научные учреждения.

Рис.4. Профессор Сергей Петрович Вологдин
(1874 – 1926)

В 1923 году С.П. Вологдин был избран Учёным советом Донского университета профессором кафедры технической химии. Носителем этого высокого звания он был меньше трёх лет. 6 июня 1926 года его не стало... Он оставил людям 50 опубликованных работ, касающихся множества актуальных проблем. Часть рукописей так и не

была напечатана. Его интересовало изучение напряжений в мягком железе, причины разъедания котельного железа в местах заклёпок, а это было особенно важно, ибо тогда сварка в котлостроении почти не применялась и их клепали. (Пройдёт некоторое время, прежде чем младший Вологдин - Виктор объявит войну заклёпкам.)
Интересовали его также процесс сгорания топлива в котлах и качество углей Донбасса, производство металлических частей казачьих пик и влияние техники на развите научных знаний, взрывчатые вещества и турбинные лопатки.

О жизни и работе Сергея Петровича в статье, опубликованной в "Известиях Академии наук," рассказал высоко ценивший его деятельность академик И.П. Бардин. Ему посвящена статья в Большой советской энциклопедии. Существуют и другие публикации. Удивительный по тематике список основных работ Сергея Петровича, а также литература о нём приведены в приложении.

И, в заключение, главное, о чём надо сказать. До трудов С.П.Вологдина и М.Г. Евангулова теория металловедения не существовала. Практическая деятельность Сергея Петровича на отечественных металлургических заводах позволила почти 30 лет совершенствовать производственные процессы. Трудно поверить, но отечественная металлургия – в значительной мере детище профессора Сергея Вологдина, сына бывшего крепостного графов Строгановых - Петра Александровича.

Владимир

Вот мы и познакомились с первым братом, а теперь можем перейти к следующему письму, к судьбе второго брата. Написал его Владимир Петрович, он, как известно читателю, был на 2 года моложе Сергея. Знаю о нём очень и очень мало, ибо само имя его в нашей семье многие годы не упоминалось. Я сказал "многие годы", а надо бы сказать, что так было на протяжении всей жизни деда, начиная с 1917 года, да и позже - вплоть до пресловутой перестройки. Объяснялось это причинами двоякого рода. Во-первых, тем, что Владимир Петрович был не больше не меньше, а техническим директором Франко-Русского (ныне Адмиралтейского) судостроительного завода, иными словами он явно был "буржуем, или капиталистом". Во-вторых, Владимир Петрович эмигрировал и жил в Париже, ну а деду, как любому советскому гражданину, иметь родственников за границей не то, чтобы не рекомендовалось, а просто было опасно. Поэтому, несмотря на то, что за рубежом жили с семьями Владимир и Надежда, в графе личного листка "Имеете ли родственников за границей?" Виктор Петрович неизменно писал "нет". И можно сказать, что он почти не кривил душой, ибо наличие чего-то или кого-то предполагает хоть какие-то контакты, а вот их-то и не было. Связи были нарушены столь основательно, что мы действительно долго не знали, жив ли кто-нибудь из наших зарубежных родственников или нет. И такое исключение из жизни живых родственников, конечно же, не проходило даром. Тяжким грузом лежала эта ноша не только на душах наших дедов и бабушек, это принижало, делало невольными двурушниками и нас – «мелкоту». Ну, какой советский школьник не хотел прихвастнуть перед одноклассниками и мальчишками во дворе, что у него есть родственники, живущие аж в самом Париже? Однако мы твердо знали: делать этого нельзя, ибо у взрослых будут не просто большие неприятности, а могут и арестовать.

И все-таки дома никто и никогда не вычеркивал эмигрантов из памяти. Помню, как-то дед с гордостью говорил о том, что Владимир успешно занимался за рубежом инженерной деятельностью. Однако вернемся в 1899 год. Сергею в момент написания предыдущего письма было, как мы помним, 23 года. Столько же было в 99 году и Владимиру, который завершал образование в Кронштадтском инженерном училище императора Николая I. Писал тете Глаше проходивший морскую практику молодой инженер. В верхней части его почтового листка значилось "Espagne. Vigo. Крейсер "Россия". Интересно, что у моего деда почерк был похож на почерк Владимира. Прямые, мелкие, округлые буквы, некоторые из которых запрокинулись влево. Виктор

явно подражал брату, моложе которого был на целых 7 лет. Позже почерк деда присвоил себе я, но вынужден был с ним расстаться из-за ужасного вмешательства в мою жизнь проф. А.С. Мончадского [22].

Интересная особенность письма Владимира - то, что он все или почти все иностранные названия пишет на соответствующем языке, но только не по-русски. Так и чувствуется, что юный человек вдохнул вольный воздух дальних странствий, что для его слуха чарующе звучит загадочное слово "Vigo". Он сам с трудом верит, что именно он "побывал уже в Англии, во Франции и Испании". Ко времени написания письма позади остались Портленд и Плимут. И это дает ему право, в частности, сказать: "Я на опыте убедился, что все, что говорят про английскую нелюбезность – совершеннейшие пустяки, все в высшей степени любезны и предупредительны, правда, что насчет понимания, тут чуть слово переврано, и уже ничего не понимают".

Рис. 5. Владимир Петрович Вологдин – молодой офицер Российского флота

Дальше говорится, что в Англии даже в самых маленьких местечках мостовые "не чета нашим Петербургским - гораздо лучше. Дома тоже роскошные, высокие и красивые, но квартиры вот самые мизерные". Ужасное впечатление оставил у Владимира Петровича английский стол. Он пишет, что англичане "утилизируют кишки, хвосты и тому подобное", и поэтому, когда подавали суп, разливалось такое амбрэ, что Владимир и его спутники предпочитали оставаться голодными. Совсем нетрадиционно описывается знаменитый "English Tea". В письме сказано: "Чай они не заваривают, а варят, и подают в виде бурды вроде домашнего черного пива". Далее автор замечает, что во Франции все более приспособлено на русский манер, хотя в продаже "русского ничего не найдешь". Затем следует поэтическое описание рейда Виго в Испании. Внешне и издалека все замечательно красиво, а "внутри грязь, вонь, шум, помои, да к тому же по улицам разъезжают преимущественно на ослах, движутся по ним самого первобытного вида скрипучие арбы с громадными колесами, " скрип которых, как считал Владимир Петрович, слышен за 2-3 версты.

Оригинален описанный автором письма способ общения с испанцами: "Говорят здесь только по-испански, так что не знающему этот язык приходится коверкать французский на манер испанского". В описании испанской экзотики Владимир Петрович последователен и, конечно, упоминает бой быков. Он замечает: "Я думаю на него отправиться, хотя говорят, что это и противное зрелище". Есть и упоминание о том, что испанцы "в общем, почти все нищие", а крестьянские мальчишки - попрошайки и к тому же курят такие маленькие, что "просто страшно смотреть". На краешке письма приписка: "Отсюда мы идем на Мальту или в Алжир". А заканчивается письмо словами: "Пиши мне поскорее через Петербург, Главный Морской Штаб, Крейсер "Россия", Марка 7 коп.".

Требовательность, жесткость, безапелляционность суждений, пожалуй, были главными чертами характера Владимира. Все братья, занимавшиеся революционной деятельностью, скитались по тюрьмам. Их ссылали и с трудом разрешали вновь возвращаться к учёбе и работе, а он спокойно строил свою карьеру и ни в чём предосудительном замечен не был. Человек с таким характером, разумеется, никак не мог смириться с октябрьским переворотом. С женой и тремя детьми он в 1918 г. "ушел за кордон". Вначале семья оказалась в Швеции. Там заболела инфлюэнцей дочь Нина. Болезнь была столь тяжела, что бедная девушка навсегда осталась в шведской земле. Затем удалось перебраться в Париж. В таком выборе, видимо, сыграло определённую роль сформулированное в письме отношение к французам, у которых (помните!), в отличие от "кишкоедов" англичан, всё более "приспособлено на русский манер".

В 1918 г. 42-летний Владимир Петрович имел солидный опыт инженерной работы ведь именно перед революцией после поражения в войне с Японией интенсивно

создавался новый российский флот, который строился, главным образом, на стапелях Петербурга-Петрограда. Так что у Владимира затруднений с устройством на работу во Франции не было, ведь его знал сам руководитель Франко-Русской компании. Как и в России, он продолжал конструировать корабли и внёс большой вклад в строительство ряда знаменитых на Западе судов. Среди них называли: "Нормандию", "Куин Мэри" и другие. Насколько достоверны эти сведения – не знаю. Однако мне известно, что за свою конструкторскую деятельность по созданию первоклассных кораблей он удостоился личной письменной благодарности президента Франции Раймона Пуанкаре. К тому же Владимир Петрович был человеком достаточно состоятельным, видимо, успев до переворота перевести во Францию свои капиталы.

Я неоднократно пытался выудить у Татьяны Евгеньевны Снеллинг какие-нибудь сведения о жизни семьи Владимира в Париже. Однако она отвечала, что была слишком мала, чтобы что-нибудь знать о его работе. О жизни же в силу особых взаимоотношений с семьей дядюшки она также знала немного. Однако приведу всё существенное, что удалось выяснить. Владимир жил в Париже в престижном 16-ом квартале в красивой квартире, стены которой украшали копии с картин Шишкина, сделанные им самим. Апартаменты были достаточно обширны и хорошо меблированы. (К примеру, гостиная была в стиле Людовика XV.) Тане во время редких визитов к дядюшке запомнилось, что, бывая у него, "...нужно было сидеть на золотых стульях (мебель была под Людовика XV), сидеть очень смирно, и была скука смертельная".

Вместе с Владимиром Петровичем жили жена Таиса Николаевна, сын Борис и дочь Милица, которую дома звали Муся. Дети учились в престижных школах. Кстати, видимо, сын был назван в честь брата Владимира – Бориса Петровича.

Таиса, судя по единственной известной мне фотографии, была стройной красивой дамой. Но, по словам Татьяны Евгеньевны, она была вместе с тем очень трудным человеком ("истеричка", как характеризовала её Людмила Дмитриевна). В 1938 г. Муся после года учения на медицинском факультете университета вышла замуж за эквадорца Эдуардо Семинарио, с которым вместе училась в университете, и уехала на его родину в Гуаякиль. В тот год Владимир Петрович пригласил сестру и Татьяну на юг Франции в Биариц, где его семья любила проводить каникулы, а точнее, отпуск. 11-летней племяннице больше всего нравилось ходить с дядей Володей гулять и плавать.

Рассказывая в письмах о жизни Владимира и Бориса, Таня замечает, что отец был "ярым правым и не хотел иметь ничего общего со своими русскими родственниками". Сын "всегда был страшно балованный и страшный сноб - учился во Франции, в Англии, в Швейцарии. Отец ему всегда помогал, писал даже за него диплом. После технологического института он его устроил в Инглиш фирму "Alsthom". Хотя Борис и "жаловал" Татьяну, но с её точки зрения был "страшно скучный, скупой и крайне правых взглядов". Сложность взаимоотношений Надежды Петровны и Владимира Петровича объяснялась тем, что Владимир скрывал свое относительное благополучие и совсем не помогал матери и сестре. В 1948 или 1949 году у него произошел инсульт, и он до самой смерти был парализован. Жена ухаживала за ним, но вскоре сама умерла. Недавно на их заброшенной могиле на одном из парижских кладбищ побывал Валентин Немков. Да, некому за ней ухаживать: Милица умерла на о. Мартиника, Борис скончался в Париже, да так, что его мертвого не сразу нашли. Здесь остается вспомнить: "Sic transit gloria mundi."*)

Единственный внук Серджио [23] живёт в Эквадоре в городе Гуякиль. Знаю, что у него есть письма деда на русском, которые он не может прочитать, но, несмотря на мои неоднократные просьбы, эквадорский родственник так и не прислал мне ни одной копии и ничего не рассказал про своего деда в довольно многочисленных письмах ко мне. Серджио состоятельный человек, владеет кофейными и банановыми плантациями, разводит креветок. Его компания "Gold Finger" многие годы обеспечивала бананами Петербург.

---

*) "Так проходит мирская слава"

Борис

Следующий брат, о котором я расскажу, Борис Петрович не оставил подобно Сергею и Владимиру письма, написанного в начале жизни. У меня было всего только два его послания. Но вот (в июне 1998 г.) приехавший в Питер Валентин Немков привез из Лондона от Тани Снеллинг целое богатство - много писем от Людмилы Дмитриевны, других родственников и особенно от Бориса Петровича. Богатство это неизмеримо велико и позволило поведать о поразительной и бесконечно славной жизни...

Он окончил в Перми мужскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Произошло это в 1897 году, т.е. как раз в том году, когда Сергей уже завершил своё образование. О его жизни и деятельности обстоятельно рассказал А.К. ШАРЦ. И объясняется это просто, ведь это был единственный из братьев, ставший профессиональным революционером. Названного же автора в первую очередь интересовало именно революционное прошлое братьев (недаром он вообще ни словом не обмолвился о насквозь "контрреволюционном" Владимире). Из рукописи Шарца мы узнаём, что уже в 1899 г. Борис активно участвовал в беспорядках, связанных с избиением властями студентов возле университета 8-го февраля. Результат - отчисление из университета и высылка в Пермь, к родителям. Однако уже в декабре Борис снова вернулся в Питер и продолжил ученье. Прошел год с небольшим и его снова исключили на этот раз за участие в студенческой сходке. Так что лето 1901 года бывший студент Б. Вологдин провёл в Перми. Я предполагаю, что именно в это время он женился на Евгении Яковлевне Трей и, как утверждает Шарц, связался с местной революционной организацией. В 1902 г. Борис вновь оказался в столице и опять (снова в феврале) был арестован по обвинению в подготовке демонстраций и выслан в Сибирь. Правда ссылка длилась всего два месяца, ибо после убийства министра внутренних дел Сипягина дело о высылке студентов было пересмотрено и ему позволили вернуться в Пермь. Аресты и освобождения стремительно сменяли друг друга. Очередной последовал в апреле 1903 г. Новые страдания ждали близких. 10 мая, т.е. вскоре после того как Бориса забрали, Людмила Дмитриевна писала сестре в Пермь:

"Дорогая Глаша!

Опять большая невзгода на мою голову, кажется, пора бы и привыкнуть, да не знаю, как-то не привыкается, и всё же страшно нас всех поразила весть, что он арестован, ужасно, как вспомню, то сердце как-то особенно болезненно сжимается. Верно, долго придётся ему посидеть бедному, т.к. везде слишком не покойно, особенно в наших краях. На днях Сонечку (Софью Яковлевну ТРЕЙ [17] - В.Ш.) проводили в Пермь. Евгения Яковлевна была страшно поражена обыском и арестом Бориса. Она не спала целую неделю..."

Разумеется, мать не сидела сложа руки. Планировала поездку в Пермь, но осталась в Питере, объяснив это так: "Остаюсь я здесь больше потому, что думаю, что можно будет похлопотать о Борисе". (Вот они «хлопоты семьи», в т.ч. за Сергея!- В.Ш.), Я уже была в департаменте полиции, но говорят, что ещё рано. Узнали мы, что Леночку (некую В. Н. Кураеву - В.Ш.) сослали на три года в Архангельскую губернию. Что-то ожидает Бориса? Господи, когда же сердце будет покойно! в нонешние времена трудно ожидать".

Главной опорой Людмилы Дмитриевны в это время были Валентин и Виктор, непременно навещавшие мать, правда, только лишь по праздникам, В Питере в это время жил и Владимир, однако он не баловал её визитами. Сергей же Петрович находился в то время во Франции. Пророчество матери "долго ему придётся посидеть бедному", к счастью, не сбылось. Освобождение последовало в августе того же 1903.

Однако в 1904 г. Борис Петрович снова был арестован и на этот раз по странному стечению обстоятельств опять в том же роковом феврале, но вскоре столь же стремительно освобождён. В 1905 году арест последовал в июне. На этот раз он сопровождался ссылкой в село Емецкое Архангельской области. Правда, уже в октябре осуждённый получил разрешение на проживание в Петербурге. Здесь он снова принялся за учёбу, однако революционную деятельность не оставил - стал пропагандистом на... Где бы вы думали?

Рис. 6. Борис Петрович Вологдин в начале жизненного пути

Да, разумеется, на Франко-русском заводе. В 1907 г., то есть через 9 лет после поступления в университет, юридическое образование вопреки всему было завершено. В 1909 г. молодой адвокат выступал на процессе по Самарской организации РСДРП. Это был удивительный процесс, ибо на нем судили за статьи, листовки и воззвания, которые писал сам адвокат... К сожалению, не знаю, каков был приговор. Знакомство с суматошной жизнью Бориса Петровича в студенческие годы может натолкнуть на мысль, что был он человеком неважно образованным, не получившим систематического образования. Но череда арестов, ссылок и т.д., ведение серьезной революционной работы не помешали ему стать полноценным специалистом-статистиком. Этому немало способствовало то, что он свободно владел семью языками. Так, в одном из писем племянник дает тетке - преподавательнице французского языка – консультацию по написанию некоторых латинских слов и переводу с этого мертвого языка. Он не без гордости замечает: " Я ещё не забыл латыни и греческого и даже иногда читаю на этих диалектах. Летом, например, прочёл "Заговор Катилены" Цицерона. Читаю иногда по-немецки. Сейчас читаю Julirus'a Wolff'a "Till Eulenspiegel". Прочёл Р. Ролана по-французски "Jean Christoff" (кажется, A la foire). Читала-ли ты его что-нибудь? Прекрасный писатель!" Борису были доступны в оригинале книги на немецком и итальянском, английском и французском. К прискорбию, образованность его несла не только лавры.

А вот какие слова сказал Борис Петрович о своей специальности (разумеется, это снова слова из письма Глафире Дмитриевне): «Тебя не удовлетворяет моя специальность; ты находишь её слишком terre-a-terre". Это не верно. Ты забыла, что ещё Гёте сказал в "Фаусте": "Grau ist jedея. Theorie, und grun des Lebens goldnes Baum!"*) - Так и тут. Нет ни одной "теории", которую нельзя было бы назвать скучной, серой, неизменной, при сравнении её с жизнью, которая играет всеми яркими цветами и сверкает солнечным блеском, если это только не жизнь, сопряженная с квартирным, банным, трамвайным и прочими утешениями".

---

*)"Теория мертва, но вечно зеленеет древо жизни."

Тюрьмы и ссылки не прошли бесследно. В конце 1909 г. у Бориса Петровича резко обострился туберкулёз. Кто-то (кто именно - Щарц не сообщает) оказал ему материальную помощь, и он уехал в Швейцарию на длительное лечение. После этого ему довелось работать статистиком в Уфимской губернской управе (1910), зав. отделом народного образования Ярославской губернской управы (с 1912). Весной 1917 из-за нового обострения туберкулёза пришлось уехать в Крым, где в тяжелейших условиях он вместе с женой пережил всю Гражданскую войну. Трудно представить, что передумал умный человек – революционер Борис Вологдин, когда видел все ужасы, творимые бешеным джином братоубийственной войны, вызову которого он немало способствовал. Жизнь Бориса Петровича, конечно же, была глубоко трагична. Есть много свидетельств того, что он хорошо понимал, что напрасно мыкался по тюрьмам, принёс в жертву жизнь свою и жены. Ведь даже в самых кошмарных каторжных снах

не могла присниться ему кровавая диктатура партии и вождей. Он знал, что построенное общество никогда не было "царством свободы, равенства и братства". Но надо было молчать...

Когда пришла советская власть, ему было 38 лет. Теперь он стал зав. справочно-статистическим бюро народного образования Крымревкома, а в 1923 г. избран в Симферополе профессором педагогического факультета Крымского университета. Среди детей бывшего крепостного графов Строгановых Петра Александровича Вологдина появился второй профессор. Ведь, будучи революционером, он даже в революционной деятельности оставался экономистом и блестящим статистиком. Ему принадлежал один из первых очень удачных учебников по этой дисциплине. Могу судить о нём, так как во время борьбы с "вавиловщиной" нам, студентам-биологам, такие книжки в библиотеках не выдавали, и я пользовался пособием двоюродного деда, которое храню по сей день.

В 1926 умерла всего 52 лет от роду его жена, друг и сподвижница Евгения Яковлевна. В том же году покинул землю и старший брат Сергей Петрович. Как было пережить двойное горе?..

Борис нашел единственно верное решение. Но для этого ему пришлось перешагнуть через себя. У людей старшего поколения ещё не ушли из памяти достаточно затёртые и теперь звучащие несколько комично слова "твердокаменный большевик". К числу таких "твердокаменных" относил себя и Борис Петрович. Смолоду он был категоричен в суждениях, никогда и ни в чём не поступался своими убеждениями. Это привело ещё в самом начале века к возникновению вражды между ним и тетушкой Глафирой Дмитриевной, которая, в отличие от сестры Людмилы, придерживалась весьма умеренных взглядов. И вот 11 октября 1927 года появилось покаянное письмо, цель которого, как писал Борис Петрович, "...положить конец тому – к сожалению, длительному недоразумению, которое нас разделяло. Конечно, вина за него падает на меня. Объяснение же надо искать в том диком духе партийной нетерпимости (подчёркнуто мною - В.Ш.), каким я был пропитан в послестуденческие годы. В глубине души я тогда (кажется, в 1902 году в Перми) не только не питал к тебе плохого чувства, но совершенно наоборот».

В каждом слове чувствуется, как трудно давалось автору письмо, но он продолжал: "Теперь, после всего пережитого тобой и мной, во имя этого пережитого ты не откажешься простить мне мою вину, и забудешь прошлое. Может быть это немного смягчит то горе, которое постигло тебя, потому что это наше общее горе".

Таков был сложный путь Бориса к тому, чтобы вместе с братьями приобщиться к семейному братству, во главе которого стояла, которым, будто умелый маэстро оркестром, управляла всеобщая утешительница тётя Глаша. Уже в этом письме Борис сразу заговорил о переезде в Москву.

Как пишет А.К. Шарц, в 1927 г. Бориса Петровича пригласили на работу в тарифно-статистический отдел Госстраха в Москве. Сотрудничал он и в Госплане. Всё чинно, благородно: пригласили, приехал. О том, что стояло за этими округлыми формулировками на самом деле Борис Петрович писал тетушке Глафире Дмитриевне из Симферополя 13 января 1927 года так: "Несколько больше обычного занят работой, так как фактически был руководителем переписи населения по всему Крыму. Ответственными руководителями, т.е. официальными, были управляющий Ц.С. Управл., где я заведую лишь двумя отделами, и его заместитель, особенно последний. Он татарин и партийный, сам же управляющий - русский, беспартийный, настоящий статистик. Татарин в статистике понимает столько же, сколько я понимаю в языке древних вавилонян, но это не мешает ему лезть всюду и распоряжаться. На этой почве у меня возник конфликт с ним, и в результате меня "отставили" от разработки той самой переписи, которую я проводил. Это ещё более побуждает меня думать о переезде в Москву".

Конечно, были и другие серьезные причины, заставлявшие думать о переезде. Первая, без сомненья, состояла в том, что непереносимо тяжко было оставаться в Крыму, где прожил с Евгенией Яковлевной почти 10 лет. К тому же подходило время, когда приемный сын Виктор (кстати, не знавший ничего о своём происхождении) должен был думать о продолжении образования. Наконец, по замечанию Бориса Петровича: "Очень хотелось бы в Москве заняться шире преподавательской работой по статистике".

Желание уехать из Крыма было очень велико - столь велико, что удалось решить даже труднейшую из проблем - жилищную. А 6 апреля 1927 г. рядом с датой на письмах, адресованных тетке, появилось слово "Москва". Борис Петрович писал: "Ну, вот мы и в Москве. И даже прошло уже 1 1/2 месяца, как мы сели на Воробьевых горах". Поселился он в одном из экспериментальных домиков, особенно мало пригодных к жизни зимой, которые стояли между слободой Потылихой и деревней Воробьевкой, неподалёку от места слияния Сетуни с Москва-рекой. Проезд в центр - час. Сначала автобус, потом - трамвай.

Он продолжал информацию: "Я получил место в Главном Правлении Государственного Страхования, где заведую статистическим подотделом". В первом же письме он возвращается к судьбе своего любимого детища "Краткому курсу элементарной статистики" и говорит: "Учебник пришелся кстати и теперь разошелся почти весь. Впрочем, я мог отпечатать его всего 1000 экз. Издавал я его за свой счёт. Думаю теперь о втором издании.

Здесь в Москве я нашел много старых знакомых. Кое-кто из них занимает "высокие" посты, и до них теперь не доберешься, да я и склонности к этому никакой не ощущаю. В Кремле, например, имеет обитание моя бывшая ученица по латинскому языку и когда-то наша хорошая знакомая Л.ФОТИЕВА. Она дочь бывшего управляющего акцизными сборами в Перми. Когда-то мы с Валентином ездили к ней в Суханки в гости на велосипедах. Женя (Евгения Яковлевна Трей - В.Ш.) сидела с ней в одной камере в Литовском замке. Теперь она высокосановная особа, ибо была личным секретарём Ленина".

23 декабря 1927 г. Глафире Дмитриевне было направлено такое сообщение: "К новой службе я уже привык, хотя никак не могу привыкнуть к колоссальному изводу бумаги и чернил, и ко всяким чиновничьим волокитам. В земстве я привык быстро работать, к минимуму формальностей и пустословия, а тут им конца-краю нет!"

К новой службе он "уже привык". Надо было привыкать к новой жизни, а это оказалось более трудной задачей. Племянник в представлении тётки был "большой человек", и она, конечно, просит помочь с решением вопроса о пенсии, ведь многие годы её жизни были отданы народному образованию... И вот ещё одна депеша:

7 июня 1928, Москва, Воробьевы горы.

"…Прежде всего, о твоей пенсии. Я бы пошёл по "инстанциям" обязательно, если бы хоть сколько-нибудь верил в то, что из этого выйдет толк. Когда я жил в провинции, я тоже думал, что в Москве можно искать правды, что "есть ещё судьи в Берлине", но когда я побывал здесь, когда походил по здешним канцеляриям и департаментам, я увидел воочию, что всё это иллюзии".

В этом же письме Борис Петрович упоминает о братьях.

Оказывается, летом 1928 года у него побывал Виктор, приехавший из Владивостока. Он заехал в Ленинград и даже собирался пожить в Москве. Борис также ждал приезда Валентина. Перед лицом тяжких потерь крепче становились узы братства, сильнее чувствовалось, что братья очень нужны друг другу.

Привыкание к новой жизни шло своим чередом:

"30 августа 1928. Приходится быть свидетелем очень больших порций глупости, чванства, ханжества и хамства. Со многими я уже успел порядком попортить

отношения, ибо не всегда считаю необходимым сдерживать себя и подчас у нас выходит что-то вроде "дискуссии". Но, в общем, в работе есть немало интересного".

Жизнь и работа продолжались:

"27 октября 1929 (?) Я пока ещё служу в Коопстрахсоюзе, но уже навострил лыжи и крепко поругался с одним сумасбродным "начальником". Мне это уже надоело, и я хочу положить конец, уйдя на какое-либо иное место. Это тем более, что страховая работа случайно стала моей специальностью и я всё время думаю о возвращении к основной своей профессии - статистике".

Наконец, финал:

26 января 1929 г. (открытка) "Я больше не служу в Коопстрахсоюзе." Стал сотрудником Госплана СССР (по секции культ. строительства).

Госплан - госпланом, но вот уже май на дворе. 3 мая, Москва. Холодно. Приходится каждый день топит печи. И тетушка узнаёт, что: "Солнца нет. Впрочем, для Москвы это обычное явление. И охота была Ивану Калите селиться в такой неприятной местности. Чудаки всё-таки были наши предки: одни лезли в леса и дебри, где вместо неба серое солдатское сукно и солнца вовсе не видно, а другой полез в болото и на кочках построил себе столицу. То ли бы дело пробраться им к Чёрному морю, да там где-нибудь под Чатыр-Дагом вывести столицу с видом на море, с солнцем в течение 9 месяцев, с теплом... Ну, да уж теперь ничего не поделаешь". Разлив на Сетуни и Москве-реке. А вот ещё новость:

"Вышла из печати, наконец, моя книга - "Статистика татаров Союза ССР за 1923-4 и 1924-5 гг." Увлекательное чтение! Верное средство усыпить человека, даже жестоко страдающего от бессонницы". Нет, не печалился Борис Петрович по поводу расставания с Коопстрахсоюзом!

25 июня всё того же 1929-го он извещает тётку, что женился на своей старой знакомой - преподавательнице литературы и директоре школы Екатерине Ивановне Заозерской. Пожелавшая немножечко посплетничать, сестра покойной Евгении Яковлевны - Анна заранее сообщила Глафире Дмитриевне, что Борис в июне женится на очень симпатичной особе, ещё молодой, лет около 35, очень симпатичной и красивой (Борису в то время было 50). Она сообщила также, что Борис познакомился с нею ещё во время работы в Ярославском земстве. В этом письме есть примечательная деталь. Когда-то Сергей Петрович писал крёстной и, оправдываясь, произносил слова о "повинной голове". А вот Борис развил эту тему иначе:

"Всё это время как-то был занят, и не доходили руки, чтобы взяться за перо и ответить на твоё письмо. (Не удивительно, ведь человек женился! До писем ли ему было? - В.Ш.). Надеюсь, всё же, что ты сказавши "да виновен", прибавишь по старой формуле: "но заслуживает снисхождения". Ну, что же... вполне юридически выдержанное извинение...

Прошла, конечно же скромная, свадьба, а там и зима подошла с её небом серого солдатского сукна.

23 декабря 1929 г. заболел. Слёг. Но палочки Коха в мокроте не нашли. "Начал деятельность на новом месте службы. Поле моего статистического опыта существенно расширяется, т.к. мне приходится руководить постановкой статистики школьной (школьные сети), библиотечной, кино и радио, избы-читальни, затем статистика здравоохранения, пенсионного дела, борьбы с беспризорностью, учётом "кадров", т.е. учётом всех технических сил страны и т.п. Теперь вот есть обычай в 24 часа требовать сведения, на собирание которых м.б. нужен год. Неумение работать и планомерно (это в Госплане-то!), своевременно строить работу выдается за "американский темп", а на самом деле это просто российская "шапка набекрень" да за одним уж и люди набекрень".

Наконец, название оказалось найдено: "люди набекрень". Им всегда было до него дело. И некий индивид такого толка, абы чего не вышло, подмахнул приказ и... Бориса Петровича, как он сообщил тётке 1 октября 1930 г., неожиданно "сократили" из

Госплана. В одном из писем он язвительно заметил, что ранее полагал, что сокращают только дроби.

В том же первооктябрьском письме племянник поздравляет тетку "с официальным признанием пед. заслуг в виде назначения пенсии". Сам он тоже начал (несмотря на то, что значительно моложе тетки) хлопотать о пенсии. Нужна была хоть какая-то уверенность в будущем... Бывший работник Госплана Борис Вологдин это понимал. Надоела канцелярщина. Решил заняться тем, к чему душа лежит.

И вот он уже читает лекции для Объединения работников учета (ОРУ), занимается делами, Московского краевого музея, которому нужны статистические характеристики области. Ну, а чтобы не скучать, занимается написанием "Курса элементарной статистики" (готовит третье издание). Наконец, всё в том же письме сформулирована самая страшноватая мысль: "Мечтаю написать нечто вроде мемуаров, так как за 30 лет общественной работы у меня накопился очень богатый материал для них: множество людей, игравших и играющих роль в полит. и обществ. жизни нашего времени знал я на своём веку, многих интересных событий "свидетелем Господь меня поставил"...

Господь-то "поставил", а вот восторга эта идея, разумеется, ни у кого из "сановных" вызвать не могла. Борис Петрович слишком много знал и видел. В сентябре 1936 он продолжал свою автобиографию. Уже были написаны главы "Детство", "Гимназия" и "Университет". Начал писать о рабочем движении...

Увы, мне известна только судьба рукописи, которая называется «Моя автобиография» (ч. I-II), 1879-97г. (7)…Во всяком случае, молодым есть смысл начать поиски...

Братья навещали Бориса на его Воробьевых горах каждый год. И хоть Виктор добирался из Владивостока 10 суток, а все-таки приезжал... В один из таких приездов состоялось поистине сказочное событие. В домике у деревни Воробъевка собрались, а главное, в одно и то же время, редчайшие гости. Собрались и все вместе отправили в Пермь открыточку. Вот она, написанная 12 февраля 1931 года, отправленная 14-го и полученная 17-го. Текст привожу полностью:

"Дорогая тетя Глаша и тетушка!

Во первых строках нашего письма посылаем тебе наш общий родственный привет от трех (четырех) поколений, собравшихся на Воробьевых горах, вблизи тех мест, где ты некогда проводила счастливые дни своего детства. Собрались: бабушка; три сына (имя рек: Борис, Валентин и Виктор). Затем: внуки (Вера, Ирина) и правнуки Владя и Витя. Пили за твое здоровье и расписались на сем листе.

1) Л. ВОЛОГДИНА
2) + (по неграмотности, за статистика Б.ВОЛОГДИНА, и
по личной его просьбе агроном И.В).
3) В.ВОЛОГДИН (подпись деда)
4) (пустой номер - В.Ш.).
5) В. ВОЛОГДИН (подпись дяди Вали)
6) И. ВОЛОГДИНА-ПОНОМАРЁВА
7) В. ВОЛОГДИНА-КУЗНЕЦОВА
8) В. КУЗНЕЦОВА
9) В. ВОЛОГДИН (Владислав - сын Валентина Петр. - В.Ш.) etc.
10) Н. КУЗНЕЦОВА

Здесь нужны некоторые пояснения. Под номером один расписалась Людмила Дмитриевна, 2 - за Бориса - Ирина Сергеевна - старшая дочь покойного Сергея Петровича, 3 - дед Виктор (подпись с характерной петелькой у буквы "д"), 4 - по недосмотру пустой номер (вероятно, должен был расписаться Витя - сын Б.П., 5 - подпись Валентина Петровича, 6 - Ирина Сергеевна Вологдина-Пономарёва, 7 - В.

Кузнецова - Вера Сергеевна (Вологдина - Кузнецова, 9 - Владислав Вологдин - младший сын Валентина Петровича, 10 - Наталья Кузнецова - дочь Веры Сергеевны).

Вот этакий состоялся "съезд" родни. И весело же должно быть было. И не было конца музыке и рассказам, а Вера, конечно, пела, ведь у неё был удивительный голос! Ну, а братья обожали музыку. Но что-то все развеселились и расшалились. И скорее всего кто-нибудь среди общего веселого куража да вспомнил о событии, которое Борис в очередном письме к тётке описал так: "Виктор подвизается здесь и в Ленинграде с очень большим успехом. Его зовут сюда, но он, кажется, не склонен менять свое место жительства, и, конечно, делает правильно: жизнь здесь, несмотря ни на что очень тяжелая. Ты, вероятно, слышала, что в декабре Валентин был арестован, но, как и нужно было ожидать, через 4 дня освобожден, т.к. произошло "недоразумение". «Человеки набекрень» не дремали. В апреле 1932 - го Борис Петрович сообщил по знакомому адресу:

"В моих преподавательских занятиях произошли небольшие изменения: я бросил работу в Плановом техникуме и остался только на высших счётно-эконом. курсах. Причина ухода довольно обычна: пара-другая лодырей и тунеядцев, прикрывающих свое безделие и глупость комсомольскими билетами, взвели не меня обвинение в "аполитичности" моей краткой программы. Представители учебной части, боясь этих бездельников, тоже начали бормотать разные глупости на эту тему. Тогда я заявил им об уходе, прекратив немедленно занятия. Множество слушателей и слушательниц были очень обескуражены таким оборотом дела, даже кое-кто говорил об уходе из техникума, где делать больше нечего, но я бессилен помочь им в этой беде. Интересно, что до сих пор (скоро месяц) нет "приказа" о моём увольнении..."

Мне сдается, что "приказ об увольнении " Бориса Вологдина вообще так и не был издан. Он ещё поработает, ибо такие люди нужны нам сегодня. Как удивительно жизнелюбив он был с его сокращаемыми дробями. Как светлы были его математические выкладки. Невольно думаю об этом, ибо всего десяток дней назад попали в тюрьму руководители Государственной статистической службы России - очередные "люди набекрень".

Прекрасная черта Бориса Петровича - его неумение унывать. Вот, к примеру, как переплетались у него грусть и праздничное настроение:

"Знаменитые сорок сороков молчат, что производит странное впечатление. У нас же в Троицком (село в 1/2 версты от нас) звонят, как положено по уставу св. отцов церкви. Получается впечатление праздника..."

Всегда большим праздником были для Бориса встречи с музыкой. Он не очень часто посещал оперу и концерты, но тем праздничнее была каждая встреча. Вот несколько его высказываний, касающихся музыки.

Побывал на дневном симфоническом концерте с французским дирижером с "вкусной фамилией" Рене БАТОН. "Вчера был в филиале Большого театра, слушал Моцарта "Свадьбу Фигаро". Мы эту оперу когда-то слышали на немецком языке в Риге и я её очень люблю".

"Был на "Борисе Годунове" Мусоргского в театре Станиславского. Замечательно!"

Слушал Нежданову.

А вот интересные мысли о "новой" музыке (из письма от 3 мая 1929 г.): "В театре и на концертах теперь бываю редко. Впрочем, был с Екатериной Ивановной на "Сказке о царе Салтане" в Большом театре, но впечатление получилось совсем тусклое: голосов нет, подъема никакого, серо, не увлекательно. Почему-то очень вызывали Держинскую, но это удивительно, так как голоса-то у неё совсем нет. Вот в концерте Персимфанса (без дирижера) было хорошо, хотя играли странные вещи Стравинского.

Новая музыка удобна для исполнителей тем, что в ней как ни ври, всё будет хорошо и всё можно оправдать. Пишут сейчас пьесы (я их видел своими глазами у К.А.), где

левая рука с бемолями (скажем, в тоне si-bemol), а правая с двумя диезами! Это полутональность! Мнения психиатров по этому поводу мне неизвестны".

И ещё о театре и музыке: "Вот в театр, жаль, редко ходим. Были всего раз на опере "Снегурочка", а то всё нет времени. Хотел, было, я вступить в "оркестр самодеятельности", где дирижером будет известный дирижер Голованов, да опасаюсь много играть на флейте (из-за болезни лёгких - прим. В.Ш.). Так и отказался, а жаль до крайности. В 4 руки совсем не играю: не с кем". Это 1936 год. Борис Петрович дорожил каждой встречей с племянницей Верой Сергеевной Кузнецовой - той самой, что не только определяла вязкость нефти в своем нефтяном институте, но прекрасно пела. Однако "... Вера постоянно "...занята и нелегко застать её дома. Музы умолкли на Воробьевых горах; в театры и концерты мы совсем не ходим. Одно утешение - радио. Валентин с Виктором купили маме радиоаппарат - и по вечерам она слушает превосходные концерты, оперы, не столь первоклассные доклады и проч. Я иногда тоже слушаю их (т.е. концерты) с великим наслаждением. Нет у меня партнёров по игре в 4 руки, а я это занятие очень люблю".

Итак, лишь бы звучала музыка в душе и наяву, а что до остального, то с ним всё в порядке. Продолжая письмо, он замечает: «Как видишь, и здесь - в столичном граде, "белокаменной" Москве письма приходится писать на бумаге весьма сомнительного качества. Но не будем смущаться формой: обратим всё наше внимание на содержание. (Темы качества бумаги Б.П. касался и ранее., напр. в письме от 27 октября 1929 г., когда замечал: «За неимением гербовой - пишем на простой» - В.Ш.). Вот приходит зима с её морозами, затруднениями с дровами, холодами в квартирах и т.п. Об общем тоне нашей жизни ты, конечно, имеешь представление, читая газеты. Конечно, мы здесь, несмотря ни на что, живём легче, чем в провинции. Имеем хлеб черный, а также хлеб, называемый почему-то белым; имеем в изобилии мясо, преимущественно мутонного типа; получаем даже картошку по карточкам, селёдку; кто побогаче, тот охотно покупает консервы и пр. В баню ходим при готовой воде как горячей, так и холодной, а не так как в Перми ou tst permis, где в баню ходят по твоему сообщению «со своей водой». Это известие вызовет здесь сенсацию!

Из бесплатных (зачёркнуто - В.Ш.) дешевых удовольствий здесь можно рекомендовать даровую физкультуру в трамваях (упражнения в беге, в подвешивании, прыжках, испытании крепости скелета, нервов и т.п.)".

Впрочем, дожил революционер Борис Вологдин не только до полутональности в музыке, но и до постройки метро, канала Москва-Волга, до генеральной реконструкции Москвы, но и до 25 апреля 1937 года, когда можно было сказать: "У нас кругом лавки, продовольственные магазины, палатки, ларьки, где продают и мясо, и консервы, и колбасу, и испанские лимоны и апельсины, и вообще чего душа просит. Гастрономические магазины полны всяких кулинарных изделий - были бы деньги, а то всего в изобилии".

Но, разумеется, самым дорогим удовольствием были не колбасы и лимоны, а нечастые встречи с родными: братьями и их детьми. Дом Бориса был подчас своеобразной "перевалочной базой". Так, в августе 1928 ситуация была такова: "Неделю назад проездом с юга был Валентин, а через 2 недели приедет М.Ф.(жена В.П. Мария Федоровна - В.Ш.) с детьми. Они все экскурсировали по Кавказу. Валерия (старшая дочь В.П. - В.Ш.) ездила туда дважды". С гостями, разумеется, порой случались курьезы, как, например, с Валерией: "В Москве она, подобно пошехонским героям, не смогла меня разыскать, хотя я сижу в самом центре Москвы на Кузнецком мосту между Неглинной и Рождественкой..."

И ещё одна запись, сохраняющая большое портретное сходство: "На днях здесь метеором пролетел Валентин, заехал на 3/4 часа на Воробьевы горы в моё отсутствие и затем исчез "утопая в сиянии голубого дня".

Из домочадцев с Борисом в Москве жил приемный сын Витя, о котором я уже упоминал, мать Людмила Дмитриевна, вторая жена Екатерина Ивановна, а также женщина, выполнявшая обязанности домработницы.

Удивительна способность Бориса Петровича кратко, чётко и честно описывать людей. Так о приемном сыне Вите он сказал: "По характеру своему он человек добродушный, искренний и правдивый, что развила и - думаю на всю жизнь - укрепила в нём Женя, всю свою душу отдававшая ему".

Однако: "К сожалению, учится он плохо, работать самостоятельно не умеет, да и ленится и это, несмотря на то, что обладает в некоторых отношениях способностями выше средних, а в технике подчас вызывает справедливое удивление пониманием всяких машин, аппаратов и искусством тихой работы." И наконец: "Он, как многие современные юноши, человек беспорядочный и к работе мало прилежный". Мальчик учился, работал лаборантом. Потом бригадиром на заводе Физприбор. Уехал в Сибирь, где вместе с Александром Федоровичем Теплоуховым (братом Марии Федоровны Вологдиной) работал в лесоустроительной партии. Временами он надолго исчезал и, наконец, незадолго перед кончиной Бориса Петровича погиб.

Людмила Дмитриевна, конечно, попала во Владивосток вместе с семьей деда. Жили все владивостокские Вологдины одной семьей. Но вот у младшей и единственной дочери Надежды, которая жила с мужем в Африке (в Дагомее), родилась мысль - поселиться где-нибудь во Франции и пригласить маму от Виктора. Идея возникла в связи с тем, что сыну Надежды Ярославу надо было получать образование, а малолетняя Татьяна (будущая мисс Снеллинг) нуждалась в бабушкиной опеке. Идея эта начала вынашиваться ещё в 1927 году, но была воплощена в жизнь лишь в начале марта 1930. Оформление выезда породило множество проблем. Мучительные хлопоты, связанные с получением разрешения, легли на плечи Бориса. И все-таки в июне 1932 года прабабушка уехала к Наде в Париж. Выехала она туда вместе с дядей Валей, который в качестве советского делегата отправлялся на Международный съезд энергетиков.

Екатерина Ивановна определённо была Борису Петровичу надёжной спутницей жизни. Однако она постоянно была невероятно загружена педагогической работой. О её проблемах Борис Петрович в 1932 году писал: "Екатерина Ивановна работает по-прежнему, хотя на её пути тоже множество терний. Программы по-русскому и литературе всё время меняются (весь год); то классикам почёт и уважение, то их отодвигают в дальний угол, а первые места отводятся гениальным Безыменским, Шолоховым, Панферовым и др. светилам".

В последние годы Борис Петрович побаливал. Лечился он по протекции Марии Константиновны Аносовой у тогдашнего светила - проф. Зеленина. Матери и сестре Надежде он в конце 1936 г. писал: "Не думайте, что этот интерес к врачам и врачеванию свидетельствуют о моём пристрастии к этому делу или о какой-нибудь тяжкой моей болезни: лечусь потому, что для того и врачи существуют, да и "ремонтироваться" иногда не мешает, как выразилась одна дура, очевидно рассматривавшая дело с точки зрения сохранения казенного инвентаря".

2 ноября 1937 г. именно Борис Петрович сообщил сестре и матери о том, что 29 октября в 8 часов утра тихо скончалась в Ленинграде тётушка. Произошло это в доме Валентина Петровича, где она поселилась после переезда из Перми. В 4 часа дня 30 октября было погребение на Серафимовском кладбище в Новой Деревне. Мне было тогда 8 лет и, разумеется, я помню это печальное событие.

За год перед смертью Глафира Дмитриевна виделась с племянником и сделала его "чем-то вроде душеприказчика: подарила кое-какие книги, шкатулку и др. мелочь". Борис нашел для своей дорогой тётушки такие, очень простые слова: "Если подвести итог всему её прошлому, то надо прямо сказать, что жизнь её прошла не напрасно. Много сделала она в жизни хорошего, много мы видели от нее хорошего, хотя не

всегда это понимали и, может быть, недостаточно ценили. Житейские шероховатости подчас заслоняли то, что она давала окружающим, а давала она много и это ей никогда не забудется".

10 марта 1938 года не стало и самого Бориса Петровича. Он оставил после себя 38 печатных работ, большинство которых посвящено статистике народного образования, экономике, демографии. Должно быть, наиболее интересны такие его сочинения как: "Естественное движение населения. Браки и разводы в Крымской АССР в 1925 г.", "Народное образование в Крымской АССР", "Население Крыма за 150 лет". Вот бы почитать! Но, боюсь, не собраться. Да... Крым ныне - это такая боль России... А проблемы вернувшихся из ссылки татар чего стоят...

Борису Петровичу посвящены четыре опубликованных работы, известно 11 архивных источников, разбросанных по разным учреждениям Москвы, Самары, Ярославля, Крыма... Да, профессор Борис Вологдин так и не был уволен, отставлен от жизни. Еще ждут исследователей его труды и материалы о нём.

В 1931 году в Москву приезжал Валентин. Он со старшей дочерью Валерией собирался ехать в Пермь. Приезд брата, которого уже прочили в академики, сопровождался тем, что ему, по выражению Бориса Петровича "в воздаяние отличных заслуг" был дан автомобиль, на котором мама, Вера и другие совершили несколько прогулок. "Я, к сожалению, был в то время на занятиях и так и не покатался. Автомобиль очень хороший, самого Форда". Трудно сказать чего в этих словах больше: настоящего, почти детского огорчения или вполне "взрослой" иронии. Как бы то ни было, но Борис очень ценил брата, считал его крупным специалистом.

Валентин нередко бывал за рубежом. Интересен его рассказ, приведенный Борисом в письме от 30 апреля 1932 года. "Он много и очень интересно рассказывал про современную жизнь за границей, откуда вернулся в феврале. Но мне кажется, что его суждения и выводы слишком поспешны и едва ли действительность оправдает его предположения. От Англии он вынес впечатление, близкое к тому, что эта страна накануне полной гибели, что англичане не хотят по своей буржуазной тупости и не могут понять близость своей гибели. Лучше - по его мнению - дела в Германии, т.к. немцы народ ловкий и умеющий приспособляться к обстоятельствам минуты".

Брат-политик справедливо полагал, что едва ли действительность оправдает предположения брата-инженера. Впрочем, в ловкости немцев и их умении приспособляться не только Валентин Петрович - весь мир смог убедиться через десяток лет после написания этого письма, убедиться на собственном самом горьком опыте. Дядя Валя, несмотря на то, что в начале жизни во многом следовал революционной тропой, протоптанной Борисом, всё-таки не мог и не должен был стать революционером. В его душе горел другой огонёк, да и не огонек, а всепожирающее пламя инженерного творчества.

Валентин Петрович был самым известным из братьев. О нём написано очень много статей и книг. Известность же привела к тому, что у меня в руках нет ни одного написанного им письма. Все они в архивах и музеях. Мне заниматься поиском уже некогда. Однако дело облегчается тем, что дядю Валю я хорошо знал, ведь и до и после войны мама, брат Виктор, и я жили некоторое время в его доме. К тому же вторым мужем мамы и нашим отчимом был её кузен - сын Валентина Петровича - Всеволод. Так что с дядей Валей (так звала его мама, а вслед за ней и мы с братом) был нам и двоюродным и приемным дедом.

Наш дедушка Виктор Петрович и Валентин Петрович, так уж сложилась судьба, жили и до и после войны на Крестовском острове, неподалёку друг от друга. Параллельно протекало и их научное творчество. Поэтому, рассказывая о Викторе, я, естественно, нередко сразу рассказываю и о Валентине. Дело еще и в том, что после смерти Сергея и Бориса, а также отъезда Владимира Виктор и Валентин оставались единственными в СССР представителями славной когорты братьев Вологдиных. Есть в

этом повествовании глава "Виктор и Валентин". Поэтому здесь ограничусь лишь кратким очерком жизни дяди Вали. При всей его любви к науке он был все-таки на заметных отрезках жизни именно революционером и только потом учёным. Валентин в начале жизни пошёл по стопам революционно настроенных братьев - Сергея и Бориса, но, подобно Сергею, стал всё-таки учёным.

Валентин

Свой рассказ я в значительной мере строю на материалах, приведённых Н. Лебедевым в книге "Профессор Вологдин" (8). Впрочем, рассказы этих авторов дополнены моими собственными воспоминаниями и воспоминаниями моего родного брата - Виктора и троюродных братьев (Немковых), ибо скучно пересказывать хорошо известные факты.

В 1900 г. 19-летний Валентин, окончив Реальное училище в Перми, приехал в Петербург и поступил в Технологический институт, ведь именно этот институт окончил за три года до этого старший брат Сергей. В 900-ом он работал на меднопрокатном заводе Франко-Русского общества, был тесно связан с Франко-Русским судостроительным заводом. Работал в Питере тогда и молодой инженер-конструктор Владимир Вологдин, лишь год назад возвратившийся из знаменитого плаванья. В том же году вернулся из своей первой ссылки в Пермь опальный студент Борис Вологдин.

Виктору тогда было 16 лет. Он доучивался в Пермском реальном училище. Три брата создали надёжный плацдарм, и Валентин максимально полно использовал представившиеся ему возможности. Жил он у Сергея, имевшего квартиру прямо на территории завода. Это было прекрасно, ибо студент Валя Вологдин постоянно был в курсе того, чем занимался брат, регулярно помогал ему и ежедневно варился в крутом рассоле заводского производства. Он бывал в цехах, участвовал в испытании деталей строящихся кораблей, с энтузиазмом помогал брату в работе в химической лаборатории и создании первой металлографической лаборатории в России. Как и в наши времена, студенты нуждались в деньгах, и Валентин подрабатывал, устроившись (надо полагать с помощью Сергея) на завод монтёром. Занимался он изготовлением обмоток электрических генераторов. Это занятие, как нетрудно понять, оказалось решающим при выборе пути в технике, которым пошёл Валентин Петрович.

У Валентина отцовский ген, связанный с изобретательством, не давал ему покоя (тем более, что именно изобретательством занимался и Сергей, творил где-то рядом свои конструкции Владимир). И студент Вологдин также занялся конструированием и изобретательством. Уже в 1903 году появился задуманный и построенный им прибор для определения напряжений в латунных трубках (позже именно проблемой возникновения напряжений в металлических конструкциях занимался Виктор). При проведении металлографических исследований возникла необходимость в приспособлении для вычерчивания кривых. Валентин, не откладывая, откликнулся и сделал такое приспособление, заказчиком же его, оказывается, был тогда профессор, а в последствии академик Н.С. Курнаков [21].

Николай Семенович работал над созданием знаменитого прибора, изготовленного в 1903 г. и получившего название "пирометр Курнакова". Видимо, прообраз его и строил Валентин Петрович. (Впрочем, догадка эта пусть останется на совести автора, не являющегося историком техники).

Уже тогда проявилась самая замечательная черта Валентина – его удивительная способность максимально сокращать расстояние от задумки до воплощения её в металл и прочие материальные формы. С первых шагов в технике Сергей начал пробуждать к жизни другой, дремавший у Валентина ген - пристрастил его к писанию статей в технических журналах. Сын журналиста начал печататься в таком издании как "Электротехник", в отделе "Электрик-любитель". Нетрудно представить, как горд был

молодой человек, державший в руках свою первую печатную работу. Тот, кто пережил это, знаком со странным чувством, которое можно назвать полётом души...

Однако стоило только взмыть душе ввысь, как наступил 1901 год с его "Временными правилами", введёнными правительством как мера для подавления студенческих беспорядков. В соответствии с ними студенты, исключённые из высших учебных заведений, сдавались в солдаты. Студенчество ответило дружным протестом.

4 марта 1901 года состоялась впечатляющая по масштабам демонстрация у Казанского собора. И, разумеется, Валентин и Борис приняли в ней самое активное участие. Валентин делал флаги, писал вместе с курсистками женских Рождественских фельдшерских курсов лозунги, шел в рядах демонстрантов. Потом были казаки, разгонявшие демонстрацию, и два месяца отсидки в ожидании суда, а затем высылка в Пермь. Выслан был, как мы помним, и Борис. Впрочем, уже осенью того же года обоим удалось вернуться и в Питер, и в вузы, а Валентину даже организовать первую собственную лабораторию... Казалось, что уж теперь-то всё наладится. Ведь что такое "собственная лаборатория"? Это собственное средство, позволяющее хозяину впервые в истории человечества заглянуть в неведомые никому уголки мироздания. Заглянуть и удостоверится в том, что виденное не мираж. Такое место на земле обладает для человека, создавшего его, громадной притягательной силой. И не надо обладать фантазией, чтобы понять, что Валентин стремился проводить в лаборатории каждую свободную минуту. Но не тут-то было...

Пришел февраль 1902-го (в том году в Питере появился младший брат Виктор). Валентин усердно работал не только в лаборатории, но и в Пермском студенческом землячестве, где и занимался рассылкой противоправительственных воззваний, печатал прокламации. И снова оба брата – Борис и Валентин оказались сначала в одной камере, а затем Бориса приговорили к трем годам сибирской ссылки, а Валентина, продержав четыре месяца, опять выслали в Пермь. Вскоре его призвали в армию. Служил он в Питере, причём, благодаря ходатайству одного из профессоров Технологического института был инженером-кондуктором. Иными словами - чертёжником (т.е. повторил путь, пройденный в своё время Сергеем). Служба проходила в Инженерном замке. После окончания службы бывший студент Валентин Вологдин вернулся к занятиям и за год сдал экзамены за два курса. Став третьекурсником, он продолжал увлечённо работать вместе с Сергеем над созданием лаборатории брата для занятия проблемами металловедения. Их заботой были станки для проведения ударных испытаний металлов, пирометры, металлографические микроскопы.

Хотя Валентин не оставлял общественной деятельности, душа его явно склонялась к увлечению наукой...

Оторваться от учения и инженерной деятельности заставили на этот раз не собственные побуждения. В жизнь российского общества ворвались проблемы, порождённые Русско-японской войной. Пришёл 1904. В армию Валентина не взяли "в связи с неблагонадёжностью". Это был подарок судьбы.

Однажды ему удалось прослушать доклад изобретателя радио Александра Степановича Попова. Словно кто-то распахнул дверь в какое-то светлое помещение. Эксперименты в маленькой самодельной лаборатории следовали один за другим. Постройка приборов, разработка и монтаж схем, эксперименты по индукции токов - как это всё было увлекательно и прекрасно!

Однако радость творчества омрачило то, что во время одной из демонстраций казак рассёк Валентину голову. А там пришел 1905... Этот год буквально перевернул жизнь четырех братьев Вологдиных.

В 1905 не выдержал - занялся политикой даже державшийся до этого от неё в стороне старший брат Сергей. Читатель, конечно, помнит, что в тот год он был избран депутатом Совета и помнит, что кончилось это для него высылкой в Париж. Быть может, запомнилось и то, что был тогда арестован и Валентин, охранявший Совет. Был

арестован и выслан Борис. Пострадал также Виктор, о чём расскажу особо. Лишь Владимир спокойно продолжал заниматься своим делом и даже праздновал, ибо именно в 1905 г. появился его первенец - сын, названный в честь мятежного брата Борисом. Впрочем, несправедливо думать, что его не волновала судьба братьев. Вероятно, именно он сыграл какую-то роль в изменении наказания Сергею, ведь к его слову уже прислушивались в правлении Франко-Русского завода...

В 1906 г. Валентина снова (в который раз!) выслали в Пермь. Там он поступил техником на электростанцию. И опять продолжил пропагандистскую политическую работу, которую вёл по заданию Пермского комитета РСДРП. Вскоре весь комитет был арестован и лето 1906 г. Валентин Петрович провел в одной камере с известным впоследствии советским вождём, будущим всесильным Председателем ВЦИК Яковом Свердловым.

Кончилось тем, что его выпустили на поруки (под надзор полиции) и он снова отправился в Петербург. Наконец, в 1907 г. образование было завершено. Молодой выпускник получил приглашение остаться для подготовки к профессорскому званию. Удивительно прекрасен, должно быть, оказался для братьев этот год, ведь в том же 1907 окончил университет Борис!

Рис.7. Профессор, член - корреспондент АН СССР Валентин Петрович Вологдин в бытность директором ВНИИ токов высокой частоты

Здесь я прерву относительно подробный и последовательный рассказ о жизни и деятельности Валентина Петровича и сделаю это потому, что, как уже говорил, о дальнейших событиях поведаю параллельно с повествованием о Викторе. Упомяну лишь вот о чём. Дядя Валя при всей его "великости", о которой мы, пацаны, разумеется, знали, был и в самом деле человеком необыкновенным. Его неординарность выражалась прежде всего в том, что он всегда, везде и всюду, если не работал, то был сосредоточен, собран и чем-то озабочен. Печать кипучей работы мысли не покидала его лицо, а энергия всегда буквально... нет, не кипела, а яростно клокотала, стремясь вырваться наружу. Если что-нибудь не ладилось, он мог быть сердит до свирепости. Тогда сверкали глаза и сыпались беспощадные слова... Ну, да ладно. Их мы ещё услышим...

Теперь, по логике, избранной в начале главы, следует рассказать о младшем брате - Викторе. Однако я поступлю иначе и вначале расскажу о единственной и самой младшей в семье - сестре Надежде.

Надежда

Она увидела свет 11 сентября 1895 года. Её матушке Людмиле Дмитриевне исполнилось тогда 38. Была она любимицей матери и братьев. Крёстной её, как и Сергея Петровича, была тётя Глаша - Глафира Дмитриевна Швецова. О Надежде надо было бы написать большой роман - так фантастически сложилась её жизнь. Увы, для этого нет времени и необходимого для такой работы таланта, а потому ограничусь лишь кратким очерком, основой для которого послужило письмо Татьяны Снеллинг. Впрочем, к письму, конечно же, сделаю дополнения, материал для которых прислала та же моя любезная тетушка.

Надежда Петровна родилась в Перми, но зимой 1901 г. переехала с матерью в Санкт-Петербург. Шестилетняя девочка очень скучала по своему тихому, провинциальному городу. Она была слабым ребенком и часто болела. В этом плане ей составляла невесёлую компанию Верочка - дочь Сергея Петровича, серьезная болезнь которой даже потребовала (по совету врача) приобретения коровы. Благо это было возможно, ибо в то время семья старшего из братьев жила в Колпине. Мать же с дочерью обитали на 11 линии Васильевского острова в доме № 44 в кв. 37, а позже 65. Надя, несмотря на

болезненность, росла боевой девочкой. Она жестко и уверенно командовала своей племянницей - Верой.

Жизнь свою они построили так, что зиму зимовали в Питере, опекая братьев, а на лето уезжали домой. Этот отлаженный ритм нарушила весна 1903, когда был арестован Борис, а мать хлопотала о его освобождении. Лейтмотивом начальных шагов жизни Нади были мамашины ахи и вздохи, связанные с отсутствием финансов. Прабабушка писала сестре Глафире в феврале 1901 в Пермь: "Что это ты мне не посылаешь деньги, – совсем сижу без гроша, а здесь это очень неудобно. Да, впрочем, без денег везде плохо", - замечает она глубокомысленно... Глафира несла тогда нелёгкий крест: сдавала дом и флигель, собирала плату с жильцов, платила налоги и постоянно посылала деньги сестре в Питер.

Когда в 1912 не стало Петра Александровича, Людмила Дмитриевна принялась хлопотать о пенсии и добилась-таки. Ей стали платить 200 руб. в год, а Наде - 66. Младшая сестра училась в гимназии в милой её сердцу Перми и в годы ученья в основном была подопечной брата Виктора. Он помогал ей в занятиях. В Перми в 1911 г. Виктор заставлял 16-летнюю Наденьку играть у него дома на рояле упражнения с листа. Велись разговоры о возможной поездке на месяц в Берлин и во Францию... братья мечтали расширить кругозор единственной сестрицы. Будущее было так безмятежно...

В 1913 г. Надя готовилась в Петербурге к вступительным экзаменам на Бестужевские курсы. Юная особа погружена в латынь и французский, историю, философию и т.д. Жизнь в столице, которая была так скучна для ребёнка, определённо обрела для неё свою неизведанную прелесть - Надюша стала завсегдатаем Мариинки, ведь у Владимира и Таисы была абонирована ложа... К тому же в громадном стольном городе было так много родных, что, благодаря нередким визитам, которые очень любила мама, жизнь порой становилась похожа на праздник. Вот, к примеру, 4 октября 1913-го были с мамой в гостях у Виктора. Праздновали именины Надиной крестницы – Веруськи (стало быть, нашей мамы).

Приехала в Лесное и Мария Федоровна с детьми. Конечно, было очень весело. Вообще больше чем у Сергея, Владимира и Валентина Надя любила бывать у Виктора, не только потому, что в его семье росла крестница, но и потому, что компанию дополнял малюсенький и ласковый, как пушистый котёнок, племянник Игорь.

Был сдан строгий предмет - логика, а впереди маячил экзамен по истории. Однако всё больше чувствовалась в городе война. На улицах не пахло порохом, но постоянно были переполнены трамваи, чаще и чаще прибывали эшелоны с ранеными. Госпитали забиты. Надя всей душой рвалась на фронт - мечтала стать сестрой милосердия. Людмила Дмитриевна писала: "Надя всё рвётся в сестры хотя бы в общину. Я ей предоставляю действовать, как она желает. ... Каждой сестре которая работает в лазарете, Надя завидует". И вскоре она своего добилась - начала работать в госпитале. Но братья считали, что из-за этого нельзя терять год. Надо было кончать Бестужевские курсы. Но жизнь становилась всё труднее. Чаще и чаще в письмах Людмилы Дмитриевны шла речь о нехватке денег. Наконец, в 15 году в семье заговорили о продаже пермского дома... Сергей Петрович посвятил этой сложной проблеме большое письмо, отправленное из Новочеркасска.

Вообще дом в Перми - одна из вологдинских семейных легенд. Построен он был "объединёнными усилиями". Надо полагать, вкладывал в него деньги Петр Александрович, а также семейство Трей и Глафира Дмитриевна. Сергей Петрович считал, что мать, воспользовавшись присутствием в Питере Бориса, Валентина Петровича и Марии Федоровны должна была бы подумать о том, как поступить с домом и устроить так, чтобы право на владение им было ясно закреплено за Соней (т.е. Софьей Яковлевной Трей женой - Сергея Петровича), но не были бы нарушены и интересы тетеньки Глафиры. Написан был этот меморандум "не для обиды, или чего-

либо другого, но с единственной целью устранить путаницу", которая, как полагал автор письма, "произошла, конечно, по моей вине". В конце письма говорилось: "Прошу тебя поэтому, мама, на этот раз без всякого раздражения или обиды сделать так, как я прошу. Необходимо выяснить всем братьям сообща, "какую часть на каждого из них придётся принять", чтобы ты была, безусловно, обеспечена необходимыми средствами, равно как и Надя. "Я впредь согласен при выполнении этого условия подчиниться общему решению, и нести соответствующую долю". Это не вполне понятное письмо, написанное, видимо, в 1914 году, как я понял из архивных материалов, касалось проблемы, которая многие годы служила братьям яблоком раздора.

С глубокой душевной болью Сергей писал: "Об одном только прошу тебя, мама, это понять немного и меня и моё желание восстановить нарушенные отношения, устранить всё, что этому может мешать. Неопределённое положение мне очень тягостно и я ещё раз прошу всякие счёты и расчёты покончить".

Опять нарушенные отношения, опять явный кризис. Суть его, нет, не просто, а пожалуй в какой-то мере даже примитивно, истолковала внучка Сергея Петровича Ксения Павловна Пономарёва (Вологдина). С её точки зрения всё дело сводилось к тому, что Людмила Дмитриевна "потребовала", чтобы братья построили ей дом в Перми. Он и был построен, но на деньги семейства Треев. Братья должны были постепенно погасить свои долги. Однако, по сведениям Ксении Павловны, выполнили свои обязательства только Валентин Петрович и Мария Федоровна. Не хочу и не буду пытаться проникнуть в суть давнего конфликта. Мне кажется, наиболее существенным совсем иное. Очень и очень важно, что Сергей в 1914, а Борис в 1926 нашли мужество разрушить серьезные конфликтные ситуации, навести надёжные мосты. Эх, как это важно уметь делать и в наше время!

Владей потомки Вологдиных этим даром - не было бы рассыпавшихся по бесчисленным дорожкам судьбы многочисленных "гордых своей правотой и независимостью" мелких семейных веточек... Жил бы могучий род, которому под силу одолеть любые невзгоды.

В упомянутом письме речь шла о материальном обеспечении и мамы, и Нади. Но Наде, конечно, не было до этого дела. Она ходила на лекции, готовилась к экзаменам, а после этого с радостью спешила в лазарет.

Новый год встречали у Валентина. Братья организовали семейный квартет и, конечно, было безумно весело...

Жизнь Нади в 1916 году была похожа на небольшой смерч: театры, оперные спектакли, разъезды по гостям и снова лекции и лазареты. В том же году она поехала в Москву. Цель поездки была одна: попасть на фронт сестрой милосердия, добиться своего, во что бы то ни стало и, разумеется, невзирая на ожесточенное сопротивление мамы и братьев.

Год 1917 - год февральской революции и октябрьского переворота для Нади ознаменовался блестящей сдачей очередного экзамена, а также тем, что в мае ей всё-таки удалось попасть в VI-ю Кауфманскую общину.

Очевидно, это были общины, названные в честь известного своими подвига ми в Азии генерала Кауфмана. Оказавшись в общине, Надежда, увы, не попала на фронт. Судьба занесла её в Турцию, в городишко Карс.

Затем довелось побывать в Батуме, Тифлисе, во многих других городах и селениях. Родной средой юной бестужевки на годы стали врачи и сестры, больные и раненые. Гибли сотни, тысячи и немудрено было затеряться слабой девчонке в бешеной круговерти гражданской войны. Она не затерялась... Но ни мать, ни братья долго ничего не знали о её судьбе. Прошло почти четыре долгих и мучительных года. Четыре года без единой весточки, почти без надежды... И вот в 1921-ом пришло письмо, адресованное маме из Турции. Вот оно (привожу текст почти без сокращений):

7/IX-1921

"Дорогая мама!

Сегодня совершенно неожиданно получила письмо от Валентина из Берлина, чему была, конечно, несказанно рада. Рада особенно потому, что узнала обо всех вас, что вы живы и здоровы, а то, сидя в этой турецкой дыре и слыша Бог знает что о России, о голоде, приходят на ум самые чёрные, самые мрачные мысли. Написать отсюда я не знала куда и боялась подвести вас своими письмами.

Начну описывать тебе свои мытарства сначала. После ликвидации 4 Кауфманского я уехала с Кавказа на Север, в Новочеркасск, рассчитывая оттуда пробраться домой, чего мне не удалось сделать. В Новочеркасске я жила три месяца и мой приезд оказался там весьма кстати, т.к. недели за три до моего приезда умерла от испанки Софья Яковлевна, и Сергей был, конечно, в страшно подавленном настроении. Я, как новый для него человек, немного развеяла его и развлекла.

Затем я уехала в Ростов, где работала в госпитале, оттуда перевелась в Ессентуки к своему старому приятелю, бывшему старшему врачу 4-го Кауфманского госпиталя. Затем попутешествовала через Кавказский хребет и погостила в Сухуме, а оттуда отправилась морем в Крым, где я встретилась с Борисом, разыскав его. Из Крыма же попала, наконец, сюда. Вот в немногих словах мои похождения за это время. Милая мама, описать всё перечувствованное невозможно.

Здесь вначале пришлось и жить, и работать в самой кошмарной обстановке - в грязи и насекомых по уши. Неудивительно, что вскоре я сама заразилась сыпняком. Ещё во время работы, а потом болезни я познакомилась с моим палатным ординатором - врачом Евгением Евгеньевичем Сосунцовым - теперь моим мужем. Знакомы мы были очень недолго. В конце ноября он был назначен в наш отряд, а в феврале мы уже праздновали свадьбу.

Болезнь особенно сблизила нас и показала мне его отношение ко мне, т.к. большей заботливости и внимания я не могла бы ожидать даже от близких людей. Он старался скрасить обстановку, в которой приходилось болеть. И теперь я ни минуты не раскаиваюсь в сделанном мною шаге, так как живём мы дружно и любим друг друга. Свадьбу отпраздновали 14 февраля 1921 по ст. ст. в галлипольской греческой церкви. В этом торжестве принимал участие весь отряд (главным образом сёстры). Был ужин, танцы, оркестр музыки, одним словом, всё как следует. Мужу моему 30 лет. Учился он в Казани, где отец его был священником.

Он бы понравился тебе, так как такие люди в твоём духе. На "героев моих романов" совсем не похож. Меня балует, насколько это возможно. Сейчас мы мечтаем уехать отсюда в Чехию, в Пражский университет, где Женечка хочет закончить своё образование (его выпустили в 1911 г., когда звание лекаря давали без государственных экзаменов). Ему очень хочется пополнить знания, благо представляется для того возможность, т.к. ему дают стипендию. Я напишу тебе уже из Праги и сообщу точный адрес, а пока пиши на Прагу до востребования (я дала адрес Валентину).

Напиши подробно о себе и обо всех, т.к. Валентин написал только самое главное, что все живы и здоровы. Тете Глаше пишу вместе с тобой и попрошу уже тебя переправить моё письмо. Из Праги пришлю свои карточки, покажу что у меня за муж. А пока крепко, крепко целую тебя, дорогая моя мама, будь здорова, живи и не беспокойся за меня. Целую всех крепко. Привет от Женечки. Твоя, любящая тебя дочь Надя.

Приписка: Меня поразила смерть Нины (дочери Владимира Петровича, похороненной в Швеции - В.Ш.), от которой Т.Н. (Таиса Николаевна – В.Ш.) до сих пор не может очнуться.

Екатерина Александровна (наша бабушка - жена Виктора Петровича - В.Ш.) писала тоже, что умер в Москве от сыпняка Леонид Александрович (брат Е.А. - В.Ш.). У Виктора все были живы и здоровы". Письмо имеет ещё одну приписку: "Перешли письмо тете Глаше, так как здесь я подробно пишу обо всём. Владимир устроился довольно хорошо в Париже".

Прочитав это письмо, только и остается сказать: "Неисповедимы пути Твои, Господи!". Но ведь и это было всего лишь только начало – начало нового пути, новых испытаний... Великое счастье, что не дано человеку знать своё будущее, ведь многие, обладай они таким знанием, скорее всего отказались бы жить... Впрочем, Надя явно была не из их числа.

Читаю и перечитываю послание из турецкого города со странным названием Галлиполи, и воскресают в памяти, оживают, наполняются плотью и кровью картинки из булгаковского "Бега". Сколько горя и страданий за каждой строчкой письма. Идет бешеная гонка - бег - бег стремительный, неудержимый и нельзя остановиться: ведь это против довлеющего принципа, против логики - бег должен продолжаться во что бы то ни стало. И пусть лукавый летописец с ясным взглядом стучит корявым пальцем по клавишам машинки... Вершится бег... и верится с трудом, что это не какая-то, участвующая в войне "за Великую и Неделимую" литературная героиня встречается с братьями - революционерами, а просто крёстная моей мамы - Надежда сначала утешает в горе Сергея, потерявшего жену, а потом разыскивает в Крыму Бориса, чтобы перед последним сумасшедшим броском через море поговорить и проститься навсегда.

Рис. 8. Надежда Петровна Вологдина (Сосунцова). Примерно в таком возрасте она приезжала в Ленинград из Парижа.

О чём был этот разговор мы, понятно, никогда не узнаем, но вот суть его все равно ясна... Перекоп штурмовали красные - красные революционные войска. Борис был членом РСДРП и, должно быть, с добавлением маленького "б" в скобках. Это его сподвижники и он взывали к разуму и энергии народа с тем, чтобы поднялся он на борьбу с тиранией и вспыхнул бунт, который возглавили талантливые организаторы и полководцы. А разбитые, жалкие, поверженные, но гордые своей безнадежной преданностью России, борцы за законную власть прощались с Родиной. Наде было в чём упрекнуть Бориса, так много сделавшего для разрушения империи... А Борис... что мог он - мученик, харкавший кровью, что мог сказать он в своё оправдание. Да должен ли он был оправдываться?

Дочь Надежды Петровны Таня как-то писала, что мама была уверена, попадись она красным, её бы непременно расстреляли. Пожалуй, так оно и было бы. Ведь в 1918 году старший врач Евгений Сосунцов - её муж участвовал в походе дроздовцев, потом попал в Константинополь и вместе с Деникиным в Галлиполи.

С 1922 по 1923 годы молодые супруги занимались наукой. Но не только ею. 4 июля 1922 г. родился старший брат Тани Снеллинг - Ярослав. Наконец, Карлов университет бы окончен. Сбылась мечта Е. Е. Сосунцова. Он стал дипломированным врачом. Однако, как всегда в жизни, в бочке меда... да, была ложка дегтя. Чтобы получить право практиковать, надо было принимать чешское подданство. Но этого они не хотели. Было принято решение ехать во Францию, где серьезно обосновался Владимир Петрович. Можно было рассчитывать на его поддержку...

В Париже эмигрантов снова ждала нелегкая жизнь. Евгений Евгеньевич работал на заводе и учил язык. К счастью, преподавала его очень милая женщина, не бравшая за уроки ни копейки. Всё это было вполне переносимо, но... Все беды начались сначала. Ни чешский, ни тем более русский диплом не действовали во Франции. Практиковать оставалось только в колониях, куда французские врачи не хотели ехать. И вот тут-то пригодились связи Владимира Петровича. В судьбе молодого врача из Росси принял участие бывший директор Франко-Русской больницы в Петербурге доктор Крессон (Cresson). Таня Снеллинг сообщила, что именно дочь этого отзывчивого человека стала при Миттеране премьер-министром.

Доктор Сосунцов подписал контракт, согласно которому после двух лет работы вне Франции он имел право полгода отдыхать, после чего снова должен отбыть на два года.

Говорят: "Лиха беда начало!". Начало было положено и 21 (двадцать один!) год доктор Сосунцов проработал в Западной Африке.

В 1927 году, когда семья жила в Дагомее (Бенине) родилась Татьяна (кстати, она ровесница моей жены Елены). У меня в руках было письмо Надежды Петровны, в котором она рассказывала о рождении дочери. (Потом я подарил его самой Тане). В нём красочно рассказывалось и о появлении новорожденной, и о том, что в день этот в садике, возле их жилья, негры убили громадную змею. В 1928 году у Надежды Петровны возникла мысль о переселении в Париж. Она очень скверно переносила африканский климат. К тому же, как мы помним, Ярославу надо было продолжать образование, а лучшей няньки для Тани, чем бабушка, не было на всей земле. И вот в домик на Воробьевых горах начали приходить письма из Африки. Там, у сына Бориса уже жила приехавшая из Владивостока от Виктора, покинув меня несчастного, Людмила Дмитриевна.

Здесь мы немного вернёмся назад - к жизни и заботам Бориса Петровича. 27 июня 1931 года из Москвы было отправлено письмо. Пожалуй, не письмо, а выплеснувшийся на бумагу настоящий крик души, хотя выдержано послание в самых спокойных тонах. Адресованы два листочка Марии Федоровне Вологдиной. Связано их появление именно с тем событием, о котором мы выше повели речь.

Старуха-мать приехала к больному сыну. И надо было устраивать её на жительство, устраивать надёжно. Дать человеку возможность спокойно дожить свой век. К тому же должно заметить, что прабабушка вообще не очень жаловала своих невесток, а с молодой женой Бориса, видимо, и вовсе не сошлась характером.

Обращаясь к Марии Федоровне, Борис предлагал несколько решений и при этом старался честно представить все недостатки характера матери. Из письма также ясно, что это - не первый разговор на эту тему. Но приведу цитату, проясняющую суть. Вот она: "Речь идёт о возможности для вас дать приют маме на следующих условиях. Вы предоставляете ей помещение, по возможности изолированное; своё "хозяйство" она ведёт - если захочет - и если вы сочтёте нужным сама, т.е. ежедневно моет пол в своей комнате, раз в неделю моет окна, и т.д.; в ваши хозяйственные дела она не имеет права вмешиваться ни в одном пункте и его не касается. Это будет для неё источником воздыханий, горестных восклицаний, призывов к смерти и т.д., но, Мария Федоровна, разве это так непереносимо? Я согласен, что это может иногда раздражать, но мало ли что нас раздражает, и с чем мы всё же вынуждены мириться. Вы человек достаточно твёрдый и сумеете поставить её на должное место, игнорируя её подчас нелепые бестактности (которые, кстати, часто адресованы столько же к другим, сколько и к нам, т.е. ко мне, Валентину и проч.) как-никак, но когда человек прожил 3/4 века, да ещё такой трудной жизни, как мамаша, можно дозволить человеку "поскулить", даже посплетничать, позлословить (достаточно безвредно), наговорить колкостей (вовсе не острых, а мимолётных); можно – думаю – позволить даже быть эгоистом, поскольку это не затрагивает чужих существенных интересов".

Итак, характер у матери моего деда и его братьев был не сахарный. Ещё бы - за плечами было почти 80 лет жизни. Но примечательно, что у автора письма нет ни тени сомнения в том, что она может ежедневно мыть полы и раз в неделю - окна... Вот это здоровье!

Продолжая письмо, Борис Петрович, затрагивая сложный характер матери, пишет: "Должен Вам сказать, что я никогда не тяготился всеми этими сторонами совместной жизни с мамой, считая их пустяками и, реагируя либо шуткой, либо "призывом к порядку".

И всё же положение у Бориса было столь трудным, что он заканчивает письмо так: "Имейте в виду, что я с мамой на эту тему не говорил ни слова, да это и бесполезно. Придётся действовать, не считаясь с её воплями, слезами и проч. Но - если от вас принципиально будет положительный ответ - я скажу ей прямо, что она едет не в

качестве одной из "хозяек", а в качестве моей иждивенки и вашей бесплатной квартирантки, с лишением и ограничением всех прав по домоводству".

(Забавно всё-таки, какую жесткую печать накладывает на человека специальность: только юрист мог написать "с ограничением всех прав"!).

Во втором письме Бориса Петровича, адресованном брату Валентину, не указан год, но есть дата - 25 марта. В этот день сын "...подал в Адм. отдел заявление мамы со всеми необходимыми документами и внёс деньги". А были это документы на выезд из СССР во Францию. По-видимому, было найдено "Соломоново решение": Людмилу Дмитриевну забирали дети-эмигранты, а Глафиру - Мария Федоровна и Валентин Петрович. Так это было или не так, но судьба навсегда разлучила сестер, а также мать с её "советскими" детьми... В июне 1932 Людмила Дмитриевна всё-таки сначала перебралась к Валентину Петровичу и только оттуда уехала во Францию.

С этого времени раздел семьи на две части окончательно завершился. Между тем, упоминать в анкетах о наличии "родственников за границей" в СССР становилось всё более опасно. Об этом красноречиво говорит такое замечание Татьяны Снеллинг: "Мама видела В.П. (Валентина Петровича - В.Ш.) в Берлине в 1923г., потом в Париже 2 или 3 раза. Тайком. Я помню его визит вечером, когда мне было года три". Следствием этих встреч, надо полагать, и был краткосрочный арест дяди Вали.

Надежда Петровна с помощью Людмилы Дмитриевны воспитала Славу и Таню. Немного расскажу о них. Удивительно устроена штука, называемая жизнью. Формально мне со Славой - Ярославом Евгеньевичем Сосунцовым довелось совершенно независимо пройти почти параллельные жизненные пути. Сосунцов окончил Сорбонну. Защитил диссертацию, посвященную папоротникам. Он работал в университете, причём не только в исследовательской лаборатории, но и преподавал (а это именно то, чем я - биолог - занимаюсь всю жизнь). Он беззаветно любил горы. Предметом его любви были Пиринеи. Ну, а я провёл 37 полевых сезонов в горах Памиро-Алая... Впрочем, на этом наши параллелизмы кончаются. По словам Татьяны, Слава был "polymoth", или человек, который интересовался поэзией, литературой, музыкой, фотографией (его снимки гор печатались во многих журналах), владел шестью языками.

Он был много и плодотворно работавшим художником, писал стихи. Его картины демонстрировались в США, Германии, Италии, Бельгии и, конечно, Франции. Он участвовал в выставках, был удостоен многих призов. Здесь предоставлю слово Тане. В письме от 2.01.98 она пишет: "Он был авангардный человек во всех отношениях. Картины его абстрактны, стихи непонятны. Он был вполне "интеллектуальным" анархистом, не признавал традиций, шаблона и моды – незаурядный, индивидуальный и исключительный человек - продукт известной эмиграции, парижского иронического духа и Русского ума. Очень он был сложный, довольно замкнутый, порой застенчивый (вологдинская черта) и очень скромный, несмотря на блестящий ум". Был он, по словам Тани, хороший сын и брат, а на память людям оставил прекрасный сад. Таков племянник Виктора Петровича Вологдина, которого он никогда в жизни не видел. Слава Сосунцов погиб в Пиринеях (попал под лавину) в 1976 году. Нашли его только через 5 лет...

О Тане. К своему стыду обнаружил, я почти ничего не знаю о ней. Она, как и брат, училась в Сорбонне. В 1950 г., т.е. 23 лет от роду переехала в Англию и тогда же, надо полагать, стала миссис Снеллинг. 25 лет проработала в Министерстве иностранных дел откуда и ушла на пенсию. Три раза была в России и не только знает всех Вологдиных и иже с ними, но, как она пишет: "Несмотря на то, что я вас всех узнала, когда мне было 65 лет, я сразу почувствовала Вологдинский дух и Вы мне все очень дороги, так как в детстве я так много слышала о том поколении, о котором пишет Валерий..." (строки из письма от 12.09.97., адресованного Светлане Вологдиной и мне).

Здесь пришла пора проститься с Надеждой Петровной, прах которой покоится в земле Франции. А умерла она совсем недавно - в 1972 году. Впрочем, с нею мы ещё встретимся, когда пойдёт речь о её визитах в Россию.

Виктор

Снова вернёмся к письмам, оставленным юными братьями Вологдиными. На этот раз прочитаем письмо главного героя этого сочинения Виктора Петровича Вологдина, которое он написал 24 апреля 1905 года в Кронштадте. На нем есть две позднейших пометы. Одна гласит: "Чит. 1 дек.1965 г. Мар. Федор. Вологдина, вдова Валентина Петровича Вологдина". Суть второй, сделанной иным почерком, такова: "Владим. учился тоже в 96 г.". Речь идет о том, что Владимир, как и Виктор, только ранее, учился в Кронштадтском Императорском училище. Ну, а все письмо Виктора и посвящено этому училищу. Замечу, что Владимир в своем послании, с которым мы уже познакомились, скорее всего описывает либо учебное, либо, что более вероятно, первое "самостоятельное" плавание.

Дедушка поступил в училище в 1902 году. Было ему тогда 19 лет. О чем же писал все той же удивительной женщине - тёте Глаше Виктор? Ну, прежде всего он, подобно большинству племянников на свете, замечает: "Тебе я, кажется, не писал довольно давно, хотя, правда, особенно-то и писать было нечего". Дальше он сообщал, что учится успешно. Письмо дает довольно полное представление о жизни воспитанников училища.

Рис 9. Виктор Вологдин – воспитанник
Кронштадского морского инженерного училища им. Императора Николая I. (Пермь, 7 сентября 1903 г.)

Свое отношение к постановке дел в этом учебном заведении дед выразил следующими словами: "Такой обстановки, как у нас, думаю, не найти ни в одном закрытом учебном заведении". Что же дало право ему говорить так?

У каждого воспитанника был свой шкаф для книг и стол для занятий. Помимо этого, каждому полагался еще и большой шкаф для платья. Чистота кругом была образцовая: белье нательное меняли 2 раза в неделю, а постельное - 1 раз. Каждую неделю проводился смотр училища его начальником. Сладкий сон мальчишек-воспитанников в 6 с половиной часов прерывал рожок или барабан, которые играли "побудку". К 7 часам надо было успеть помыться, а в 7.20 давался сигнал к чаю. Чай этот был, видимо, более чем скромен, ибо как пишет дед: "К чаю полагается хлеб в 3 к.". В 8 часов начинались лекции.

В приведенном перечне, с позиций современного человека, есть один "изъян". Речь идет о военном училище, а о физзарядке дед ничего не пишет... Но, так или иначе, а с 8 до 11 воспитанники присутствовали на лекциях. Скучноватые, но вполне выспавшиеся мальчишки, прополоскавшие животики чаем, должно быть, были не очень внимательными слушателями, а быть может, наоборот, бурчанье в животе не давало заснуть?

В 11 часов начинался завтрак. В это время давали что-нибудь масляное, горячее, например,котлета, сосиски и т.п., а с 12 часов снова начинались занятия, которые длились до 2-3 часов. Таким образом, в общей сложности занятия длились 5-6 часов в день.

В 3 часа воспитанники спешили на обед. И вот, оказывается, что мнения братьев по поводу качества обедов в Кронштадском училище решительным образом разошлись. Виктор пишет: "Хотя Владимир и говорил, что в училище кормят тухлятиной, но, оказывается, что это чушь. Кормят очень хорошо". И в самом деле, на первое давали суп или борщ, либо что-нибудь рыбное, а на второе были котлеты, битки, сосиски и т.п. и, наконец, каждый день давали пирожные и не одно, а целых две штуки.

Да, Владимир, которому и английская-то кухня была не по душе, который критиковал даже знаменитый английский чай, конечно, был глубоко не прав... Это напросившееся само собой сопоставление очень ярко характеризует дедову неприхотливость. Ну и, конечно, воспитанник Виктор Вологдин был немного сладкоежкой, ибо не случайно он указал, что пирожных давали целых два!

Завершив обед этими самыми пирожными, мальчишки по понедельникам отправлялись на танцы. Увы, информация об этом в письме предельно лаконична. Так что любил ли дед тогда танцевать, с кем танцевал - остается неизвестным.

В обычные дни после обеда все мальчишки облачались в рабочие костюмы и отправлялись на два часа в мастерские. Работа в мастерских велась через день.

Дед сообщает, что он в 1905 году закончил слесарную практику и приближался к окончанию кузнечной. Не знаю, как проходила практика во времена деда, а когда я учился в "Корабелке" (в 1947 году) кузнечная практика состояла в том, что мы ковали заданные предметы (молотки, фланцы труб и т.д.) из свинцовых слитков. При этом приобретался навык пользования самыми разнообразными оправками, пробойниками и т.д. Это было увлекательное занятие: сделать из безликого куска металла ту или иную и к тому же по возможности красивую вещь. Помню, дед с одобрением относился к моему увлечению ковкой, быть может, мои рассказы напоминали ему его собственную молодость - блеск инструмента и веселый перезвон наковальни.

Но вернемся к расписанию жизни воспитанников Кронштадского училища. Закончив в половине седьмого практику, ребята в девять часов пили чай, а в одиннадцать звучал "отбой" и все отправлялись спать. Иными словами, в дни практики самостоятельные занятия длились от 6.30 до 9.00 и с 10 до 11. А в дни отсутствия практики - с 4.30 до 9.00 и с 10 до 11 (т.е. 5 1/2 часов).

Скучать воспитанникам было некогда, ибо к их услугам, во-первых, была казенная библиотека, а во-вторых, "устроенная воспитанниками очень хорошая читалка со множеством новейших журналов и газет (русских и иностранных)". Занятия были очень напряженными, ибо "репетиции" (зачеты) следовали одна за другой через неделю. Для воспитанника Вологдина они не составляли труда. Он пишет тетке: "...репетиции сдал более чем удовлетворительно". Это дает ему право в другом месте письма несколько высокомерно заметить: "...народ в училище в общей массе довольно неразвитой и много болванчиков, да мне на них наплевать".

У деда, в отличие от "болванчиков", на первом плане была "конечно, математика", а после нее шли языки: русский, французский, немецкий и английский. Как ясно из письма, всеми языками дед немного владел до поступления в училище, но в ходе учения он особенно много внимания уделял английскому и совсем запустил прочие иностранные языки. Дела с английским под руководством господина преподавателя Берклей - Мексэ шли столь успешно, что дед осенью 1905 года предполагал научиться изъясняться. Все шло отлично. По субботам воспитанник Виктор Вологдин – красивый, стройный морячок в ладной форме, с легким намеком на усики на верхней губе, получал увольнение и отправлялся в Питер, где гостил у брата Сергея, а у того тогда жил и Валентин.

Все шло отлично. 5 мая должны кончиться экзамены, а потом начаться отпуск на целых две недели. "Летом же будут практические работы на миноноске и в мастерских, и, говорят, настоящая "страда для воспитанников". Предполагал дед также попасть в Пермь. Сделать это он собирался осенью во время каникул. Вот тогда-то и можно было бы все рассказать любимой тетке.

С миноноской уже все было ясно. Где-то в не столь отдаленном будущем уже вырисовывались контуры величественного крейсера "Россия" и других кораблей. Надо было только упорно трудиться, не стать "болванчиком".

Впрочем, деду это определенно не грозило. У него были планы, прекрасные, захватывающие дух планы, и потому таким светом, чистотой, надежной верой веет от

каждой строчки его письма. Но ведь на дворе был 1905 год. В апреле 1905 года в Перми был арестован брат Борис. В письме, посвященном описанию жизни училища, об этом сказано так: " Тебе (т.е. Глафире Дмитриевне - прим. В.Ш.) вероятно, уже известно, что Бориса на днях забрали в Перми и Анна Яковлевна (Трей - прим. В.Ш.) выехала туда".

В ноябре или начале декабря 1905 года Виктор, так и не побывав в Перми, писал тете Глаше: "Я жив и здоров, дела мои хороши, разве только то плохо, что может придется уйти из училища, так как я оказался в глазах начальства недостаточно усвоившим воинский дух и дисциплину. На этом основании удаляют еще троих наших лучших воспитанников. Остальное все прекрасно, чего и тебе желаю.

В. Вологдин. Подробности можешь узнать у мамы"

Рухнула мечта... Воспитанника Виктора Вологдина с позором разжаловали из фельдфебелей в рядовые, сорвав у него погоны перед строем. Воспитанника, мечтавшего о море, выслали из Кронштадта. Произошло это всего за месяц до окончания училища. Но что же случилось? А вот что. В январе 9-го числа 1905 года дед участвовал в шествии к Зимнему дворцу и в том же году выступал на митингах военно-революционной организации. И, по-видимому, благодаря запоздалому усердию кого-то из доносчиков - "болванчиков" он был уличен в причастии к революционным акциям и примерно наказан.

Вместе с Виктором участвовал в демонстрации и Валентин. О революционной деятельности братьев Вологдиных можно написать очень много. Все они за исключением, пожалуй, Владимира и Надежды, принимали то или иное участие в самых разных акциях. Борис, как мы помним, вообще был профессиональным революционером. Он и высылался, и в ссылке бывал, и в тюрьмах сидел. Арестовали и выслали Валентина Петровича, сидел в тюрьме Сергей. Виктор Петрович, по моим представлениям, революционером в прямом смысле этого слова не был, хотя, возможно, и участвовал в какой-то военно-революционной организации, о чем прямо сказано в документах. К тому же он, конечно, разделял радикальные взгляды братьев. Итогом этого было крушение самых светлых надежд, связанных с карьерой морского инженера.

1904, 1905 и 1906 годы, можно сказать, были годами страшных испытаний для всей семьи Вологдиных. Последствиями участия братьев в акциях протеста оказалось то, что Валентин был ранен (его ударили шашкой по голове), Борис, как уже упоминалось, был арестован, а Сергей Петрович - депутат Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов - арестован и приговорен к ссылке в Сибирь. Виктор, как мы знаем, был исключен из училища. Пострадали четверо из шести детей. Правда, Сергею после двух месяцев заключения, как мы знаем, ссылку заменили высылкой за границу.

В связи с разговором о политике должен рассказать такую историю. Будучи в 1947 г. студентом первого курса Ленинградского кораблестроительного института, я сильно страдал от того, что никак не мог сдать экзамен по "марксизму", т.е. по "Истории партии". Как я не запихивал в промежутки между хилыми извилинами даты бесчисленных съездов, как ни старался постигнуть мысли гения - мне это не удавалось. Из промежутков все высыпалось, а мысли гения казались столь заумными, что для их постижения нужна не моя, а какая-то особая голова.

Удрученный очередным провалом на экзамене, я спросил деда: "А ты, дед, читал Сталина?". - "Нет",- не мудрствуя лукаво ответил он. Я не отставал: "Ну, а Ленина ты читал? На этот вопрос дед к моему удивлению ответил: "Да". "Ну, и что", - спросил я. "Да ничего, - ответил дед, - как видишь жив". "Видеть-то вижу, а ты вот мне скажи, хоть что-нибудь в его работах тебе показалось важным, интересным или нет!?"

Дед ненадолго задумался и ответил: "Ты неправильно ставишь вопрос - на него нельзя ответить". "Почему?" "Да потому, что Ленина, строго говоря, читать нельзя".

От такого ответа я растерялся: ничего себе - весь мир читает, восторгается, а дед утверждает, что Ленина читать нельзя. "Почему?" – в недоумении спросил я. "Да

потому, что для того, чтобы понять, прав Ленин или нет, надо знать в подлинных вариантах позиции его противников - того же Каутского, Богданова, да и позиции сторонников важно знать. Ленин спорил с сотнями людей и, возможно, был в чем-то прав, а в чем-то ошибался, я не могу быть третейским судьей, потому что у меня другая специальность и нет времени на чтение трудов его оппонентов и сторонников". Таков был короткий ответ деда, заставивший меня задуматься на многие годы.

Этот ответ многое определил впоследствии в моей жизни. Должен заметить, что дед прекрасно понимал "крамольность" своего суждения и, закончив разговор, добавил что-то вроде:

- Это, конечно, не для твоих ответов на экзамене.

К счастью, я сам хорошо понимал, что не всякому можно передать этот разговор.

К числу «крамольных тем», конечно же, как мы уже видели, относится тема дедова происхождения.

Вот, кажется, я достаточно рассказал об этом, ан нет... Все-равно рассказанного оказалось бы недостаточно для "компетентных" организаций. Дело в том, что графа "Происхождение" непременно присутствовала во всех анкетах, листках по учету кадров того времени, в коем жил дед. Были эти листки и еще более любознательны, ибо допытывались даже о бывшем сословии или звании родителей. Этакое заинтересованное отношение к жителям страны со стороны работодателя - государства явно сыграло и ещё сыграет громадную роль при реконструкции истории общества. Но об этом - позже.

Помню, что, когда дедушка в 1941 г. заполнял листок по учету кадров (писала бабушка, дед ей диктовал), как только речь зашла об отце, произошла заминка. (9) Листок, в частности, требовал ответить на такие вопросы: "Бывшее сословие (звание) родителей" и "Основное занятие до Октябрьской революции". Лишь после некоторого размышления дед попросил в ответ на первый вопрос написать: "Сын почетного гражданина", а в ответ на второй - "Гос. служба". В формулярном списке за 1914 г. сказано: "Сын личного почётного гражданина". В справке, составленной в 1943 г. также самим дедом, сказано: "Я родился в 1883 г. в Кувинском заводе Пермской губернии в трудовой семье мелкого заводского служащего". В некрологе (12), опубликованном в газете " За кадры верфям", говорилось, что дедушка "родился в семье редактора местной газеты". Поскольку Виктор Петрович родился в Кувинском заводе, то слово "местной" значит, в данном случае, кувинской. Однако, во-первых, такой газеты, конечно, не было, а во-вторых, даже мы с братом с детских лет знали, что прадед наш был редактором "Пермских губернских ведомостей".

В 1980 г. научно-техническое общество (сварочное отделение) пригласило меня на празднование 60-летия сварки на Дальзаводе во Владивостоке для выступления на торжестве с воспоминаниями. Когда в выступлении прозвучали слова о том, что Петр Александрович был личным почетным гражданином и редактором газеты, некоторые слушатели были явно шокированы.

Эта информация сильно "подорвала" авторитет деда, ведь в представлении тех, кто его искренне любил, но придерживался единственно возможной "правильной" линии, он мог иметь только пролетарское происхождение. И вдруг "такой позор"!

Надо сказать, что когда дед в 1941 году рискнул сообщить, что он – сын почётного гражданина, это было проявлением известной смелости. Впрочем, пожалуй, даже не смелости, а мудрости. Ведь почетный гражданин вовсе не обязательно должен был быть врагом народа. Такой ответ одновременно позволял соблюсти собственное достоинство и подчеркнуть гордость за отца. Не имевший права рисковать Валентин Петрович в своих воспоминаниях (2) писал: "Отец был крепостным". И это была чистая правда. Вопрос только в том, когда это "имело место быть". Слава богу, что хоть теперь

мы можем открыто гордиться и нашим прадедом и дедом, не выдумывая "безопасные варианты" их происхождения.

Суровый подход советских кадровиков накладывал свой беспощадный отпечаток даже на то, что касалось состава семьи. В книге В.Ю. Рогинского "Валентин Петрович Вологдин" (3), вышедшей в 1981 г., сказано: "Самая младшая из детей (в семье Петра Александровича - В.Ш) - Надежда, вскоре умерла" то есть явно имеется в виду, что Надежда умерла в раннем детстве и поэтому даже не указаны даты ее жизни. Осенью 1991 г. я показал эти строки дочери Надежды Петровны, Татьяне Снеллинг, впервые приехавшей в тот год из Лондона. Она рассмеялась и сказала: "Вот бы послушал этот сочинитель маму, если бы они встретились". А встретиться с "покойной" они вполне могли бы, ибо Надежда Петровна дважды (в 1962 г. и в 1964 г.) приезжала в Ленинград и прожила 75 лет.

Зачем понадобился Рогинскому такой трюк? Ведь он вполне мог выяснить судьбу Надежды Петровны у многих здравствовавших в 1981 г. близких ее родственников. По-видимому, этому автору и без того мешал выстроить безупречно революционный портрет дяди Вали (11) его эмигрировавший брат Владимир, а тут еще эта Надежда... Вот он и похоронил ее в раннем детстве.

Рассказывая о Вологдиных, определённые трудности, разумеется, испытывал и А.К. Шарц. Он вынужден был обойти молчанием тот "прискорбный" факт, что один из братьев - Владимир долгие годы жил, работал и даже умер в Париже.

Пишу эти строки, а сам думаю о том, что, пожалуй, не случайно долго тянул с написанием воспоминаний. Ведь начни я эту работу раньше, пришлось бы либо выдумывать и врать, либо изъясняться туманно и витиевато. Счастье мое, что теперь можно прямо и честно рассказать о нелегком жизненном пути деда.

На иезуитские вопросы анкет, касавшиеся происхождения отца, Виктор Петрович, как мы уже видели, не всегда отвечал одинаково. То он сообщал, что является сыном просто "почётного гражданина", то сыном "личного почётного гражданина", а иной раз доводил до сведения заинтересованных лиц, что родился в семье мелкого заводского служащего. И все ответы были абсолютно правдивы...

О том, что было до появления у деда внуков

До того как я родился (т.е. появился первый внук), произошло очень много серьезных событий в жизни деда. Изгнали его из Кронштадского инженерного училища и надо было как-то жить дальше. Само формальное изгнание, видимо, произошло в начале 1906 года, о чем свидетельствуют, во-первых, процитированное выше письмо тетке начинается словами: "Поздравляю с праздником и будущим Новым годом", а во-вторых, то, что, согласно анкетным данным, отношения с училищем были прерваны именно в 1906 году. Вряд ли можно допустить, что разбирательство тянулось до зимы 1906... В 1906 г. дед поступил в Политехнический институт.

Согласно записи в "Формулярном списке о службе", составленном 17 сентября 1914 г., Виктор Петрович Вологдин "окончил в 1910 году "Курс наук в Санкт-Петербургском Политехническом институте Императора Петра Великого по электро-механическому отделению с званием инженера-электрика с правом производства в чин 5 класса при определении на государственную службу на штатную должность техника». (Диплом от 12 февраля 1910 года под номером 161).

Таким образом, с 1906 по 1909 Виктор Петрович учился в Политехническом институте. О событиях 1906 года мне ничего не известно. 28 октября 1907 г. произошло одно из главных событий в его жизни – он сочетался браком с девицей Екатериной Александровной Белопашенцевой.

Рис. 10. Екатерина Александровна Вологдина (Белопашенцева) – жена Виктора Петровича. Вероятно, снимок сделан в начале семейной жизни в Петербурге

Она - была пермячкой. Родилась как и дед, в 1883 году. Молодожены поселились в Питере, где 20 августа 1908 года "старого стиля" родилась дочь Вероника, в последствии моя мама. Жили тогда в Лесном на Большой Спасской (д.44, кв.1).

В Питере в то время жили три брата Виктора Петровича: Сергей, Владимир и Валентин. Будучи изгнан из Кронштадского инженерного училища, Виктор в 1907 г. только продолжил свое обучение в Политехническом институте, а Валентин 11 мая 1907 г. с отличием окончил Технологический институт и был удостоен звания инженера-технолога. Было ему в ту пору 26 лет. Его рекомендовали к подготовке к профессорскому званию, но он, несмотря на возражения братьев, устроился на завод "Н.Н Глебов и Ко". Конечно же, братья познакомились в 1908 году с новорожденной племянницей.

Начало маминой жизни детально описали дед и бабушка в письме 21-23 декабря 1908 года. Письмо это я привожу здесь полностью, ибо оно очень важно и для понимания дедова характера и для понимания атмосферы, царившей в молодой семье, наконец, важно это письмо и для полной характеристики отношения Виктора Петровича к Глафире Дмитриевне. Вот, что писал 23-х летний молодой папа:

"21 декабря 1908 г. Петербург, Лесное, Б.Спасская, 44, кв.1

С праздником. Не пугайся этой черной маски – это только античный профиль Вероники (см. рис. 11), срисованный в ноябре, как видишь силуэт дает хорошее понятие об отличительных чертах Вологдинского рода. Сама обладательница подлинного носа в настоящее время жива и здорова, валяется на кровати на животе и блаженствует, воображая, очевидно, себя сфинксом, а может и столоначальником - во всяком случае вид очень важный и высокомерный. Сейчас пришлось сфинкса 12 переворотить на спину, так как нос оказался натертым до крайности о подушку. Впрочем, оставляя тему о Верушке на долю Кати, скажу несколько слов о себе. Занятия мои идут довольно прытко - сдал почти все экзамены, однако раньше весны не кончить, так как осталось довольно много чертежной работы. Числа с 23 у нас начинается праздник и мы все уезжаем на несколько дней к Валентину, благо погода стоит хорошая. Вообще же нынче выезжать приходится редко - всего едем третий раз из Лесного. В городе будем музыкантить, а то я совсем забросил скрипку.

22 декабря. Сижу один. Катя уехала в театр - вернется часа в два ночи. Вероника пока спит, через полчаса проснется. Интересно, придет ли Надежда? Разговоров у неё было по этому поводу много. Я же сильно сомневаюсь, что увижу ее на Рождестве здесь. Затем интересно также и то - как у неё идут учебные дела - принесли ли пользу мои занятия по арифметике или нет. По крайней мере, она пишет, что ей по математике легко. Выписал я ей нынче журнал "Природа и люди". Не знаю, насколько разумно поступил, так как едва ли она может уделять достаточно времени на чтение всего журнала. Последний как будто-бы приличен, не пошлый, знакомит с миром. Приложение - Диккенс.

В настоящую минуту раздаются из коляски тяжелые вздохи - предвестники близкого пробуждения, поэтому письмо заканчиваю, т.к. надо готовить порцию молока. Вологдин. Много ли у тебя в этом году работы и довольна ли учениками? 23 декабря."

Рис. 11. «Чёрная рожица» - единственный сохранившийся рисунок, сделанный самим Виктором Петровичем в 1908 г.

Далее следует приписка, сделанная, Надеждой после театрального выезда:

"Присоединяюсь к поздравлениям Виктора. Шлю Вам, дорогая Глафира Дмитриевна, свои наилучшие пожелания. Простите, что только теперь пишу Вам. Вскоре по приезде хотела написать Вам о своем путешествии с Вероникой, да все не могла выбрать свободного времени, а дни так и мелькают. Вот и рождество скоро.

Вероника чувствует себя прекрасно. Весит теперь уже 15 1/4 фунта".

Дальше она рассказывает о режиме кормления, гуляния и т.д. Сообщает, что 24-го уезжает к Валентину. На краешке письма приписка: "Получила из Вятки толокно. Скоро буду прикармливать им Веронику".

Накануне рождества два молодых, счастливых человека делают все для того, чтобы в доме жила радость. Но счастье выплескивается через край и хочется, очень хочется, чтобы это почувствовала любимая тетка. От этого и рождается идея сделать "черную рожицу". Получается не просто письмо, а целый репортаж о трех днях жизни.

В фактологическом отношении нем важны следующие моменты:

В 1909 г. Виктор Петрович с семьей переехал на новую квартиру, которая, однако, также была расположена в Лесном (Платоновская ул., д.9, кв.2). Жить бы да радоваться! Но тут-то вдруг выяснилось, что дед, с точки зрения властей, он считается уклоняющимся от воинской повинности, или попросту – дезертиром. Положение было весьма серьезное. Суть дела заключалась вот в чем. Дед учился в институте и должен был стать лаборантом. Однако человек, место которого он предполагал занять, не уходил. Приходилось ждать следующего заседания.

Чтобы претендент не скучал в ожидании должности, шеф (тогда говорилось "патрон"), профессор Ломшаков завалил его работой, но вот, чтобы все задуманное осуществилось, оказывается, еще ранее, с целью "обезопасить себя со стороны воинской повинности перешел на другое отделение института". Однако, числясь студентом, не внес плату за полугодие, а тут у него кончился "вид на жительство", в новом же институт отказал, пока он не внесет плату. С отчаяния хотел было взять документы и получить паспорт из полиции, но тут выяснилось, что у него нет свидетельства "об отсрочке повинности для получения образования". Вот так он оказался «дезертиром».

Нетрудно представить себе, что пришлось пережить молодой чете, а ведь явка в полицию означала немедленную мобилизацию "с наложением кары за уклонение" - и это в канун лаборантства. Еще не затянулась рана, связанная с крахом морской карьеры, и снова жизнь загадала трудную задачу. Но чтобы решить ее надо было "всего" 50 рублей.

Если до осени внести их, администрация института даст студенческий билет, а через месяц - два, когда он станет лаборантом, "уже не полиция, а институт сам даст настоящий паспорт и вопрос о повинности решится сам собой". Короче говоря, надо было либо платить 50 рублей, либо идти в полицию, чтобы быть забритым в солдаты.

Под угрозой оказались все: семья, многолетний упорный труд, сама возможность завершить образование. По-видимому, родители ничем помочь не могли, и это не трудно понять, всех и каждого из пяти мальчиков поддерживать материально было невозможно. Оставался единственный выход – обратиться к лучшему, надежнейшему другу - тетке - тете Глаше.

И вот полетело в Пермь отчаянное письмо с просьбой выслать 50 рублей, в котором тем не менее говорилось: "Вообще говоря, у меня деньги есть, но только в скрытом состоянии - я переводил с немецкого одну техническую книжку и должен получить за это удовольствие около 140 рублей, но когда получу - неизвестно. Работы сейчас очень много - рублей на двести, и горевать в этом отношении не приходится - было бы только время". О трудном положении деда свидетельствует и такая фраза из письма "получил, между прочим, свое "первое жалование" из коммерческого училища 12 рублей 37 копеек". На краешке письма приписано: "50 рублей возвращу, получив первое жалование из института".

Конечно же, деньги, эти проклятые деньги были получены, плата внесена, дед продолжил образование, иначе бы не появилась в "Формулярном списке" гордая запись о вручении ему 12 февраля 1910 г. диплома за номером 161. Появлению же этой записи предшествовала защита, которая состоялась 22 декабря 1909 г. До этого Виктор Петрович частенько болел. Тетушка думала, что причина болезни - истощение и переутомление, но бабушка разуверила ее, сообщив, что все его болячки были связаны только с простудой (ангиной). Со времени окончания учебного года в 1910 г. до июня 1910 г., дед, видимо, отдыхал и, может быть, ездил в Пермь. Отдыхать он мог только до июня, поскольку с 1 июля Приказом министра торговли и промышленности №7 от 29 октября 1910 г. он был "...определен в службу младшим лаборантом СПб Политехнического института Императора Петра Великого". Об этой службе дед очень любил говорить, ибо всю жизнь считал звание "лаборант" самым почетным званием в науке. Он повторял, что в науке и технике живое дело делают непосредственно, своими руками человеки в сереньких... халатиках, и очень гордился своим первым трудовым званием. Вспоминаю об этом и невольно думаю: "Боже, до чего же мы довели нашу науку, ведь некогда гордое звание втоптано в грязь, а работа лаборанта не более почетна, чем труд ассенизатора. Теперь там, где можно, должности лаборанта вообще уничтожены, а сереньких исполнителей числят научными сотрудниками, лишь бы те ходили на работу".

Но, вернемся к Виктору Петровичу. Он стал младшим лаборантом кафедры теплотехники и получил содержание 750 рублей в год, или 65,50 в месяц. Но надо было содержать семью, и Виктор Петрович продолжал подрабатывать в Петроградском классном коммерческом училище министерства торговли. Работая в должности младшего лаборанта до марта 1915 г., он лишь с некоторыми небольшими перерывами числился в требовательских ведомостях на выдачу содержания учебному персоналу.

Кроме этого, его фамилия значилась в "Списках вознаграждения за особые труды" (с февраля по декабрь 1912 г. и до апреля 1915 г.). Говоря современным языком, дед либо работал сверхурочно, либо получал премиальные. Жизнь семьи определенно вошла в колею, об этом свидетельствует бабушкино письмо, датированное несколько странно: 8 -13 февраля 1911 г. В нем, в частности, сказано: "...у нас каждый день кто-нибудь да сидит. Ложимся мы страшно поздно и встаем поутру не рано, но и не видишь, как день пройдет, а вечером обязательно да кто-нибудь завернет".

Признаком налаживания жизни было и то, что Екатерина Александровна зачастила в театр. Она сообщает Глафире Дмитриевне:

"После Вашего отъезда была в театре 2 раза. Давали "Евгения Онегина" и "Жизнь за царя". Первый спектакль прошел очень и очень посредственно, зато второй - великолепно. Участвовали все лучшие силы.

Антониду играла Нежданова, приехавшая из Москвы на гастроли. Редко бывает, что артистка соединяет в себе все: красоту, голос, игру. А Нежданова всем этим обладает. Уже давно я не получала от оперы такого наслаждения, как в последний раз. В довершение удовольствия оркестром дирижировал Направник". Бабушка добавляет: "На масленницу собираемся в Александринку. Обещала достать билеты Лидия Григорьевна [24]. Не знаю, удастся ли".

Но если внутренняя жизнь семьи стабилизировалась, то этого нельзя было сказать о жизни города и государства. "Политические сквозняки" врывались в повседневность молодой семьи. Как ясно из того же письма, Глафира Дмитриевна отправила Виктору в подарок письменный прибор, о чем она и сообщила… Письмо тетушки пришло, а прибор, который должен был привезти из Перми профессор Санкт-Петербургского университета Досманов, к нему так и не попал. Екатерина Александровна, чтобы не затруднять уважаемого человека, написала ему в университет с просьбой сообщить, когда к нему можно заехать. Ответа не последовало. И вот в феврале 1911 г.

выяснилось, что профессор арестован и сидит в Спасской части. В заключение письма бабушка замечает: "Забастовка все разрастается и, наверное, учения до осени не будет". Хочу обратить внимание на то, что тетушка делала подарки не только племянникам. Как ясно все из того же письма, она, видимо, подарила платье Екатерине, ибо в письме есть такие слова: "Платьем я осталась очень довольна, надевала два раза: в театр и на вечер в коммерческом училище".

О том же, как дед работал весной 1911 г., обстоятельно рассказано в письме от 2 марта. Екатерина Александровна сообщала Глафире Дмитриевне: "Виктор после Рождества такую набрал массу работы, что только два раза в неделю (даже не дни, а вечера) у него свободны. Обыкновенно же утром он занят в коммерческом, а вечером с 6 до 9 - в институте, а тут еще постоянная поправка тетрадей, для себя времени остается совсем немного".

Но, в общем-то, семья уже твердо встала на ноги, и Екатерина Александровна даже поступила в музыкальную школу. Дела у нее шли успешно. Играла она часов по пять в день. А об успешности занятий говорило то, что преподавательница ее вместо положенного получаса часто занималась с ней полтора или даже два часа. Так что партия фортепьяно на семейных концертах у Валентина Петровича звучала все и более уверенно, и чисто.

1911 год оказался примечателен в связи с тем, что в июне и в июле Виктору Петровичу довелось в первый и последний раз в жизни побывать за границей. Цель поездки состояла в ознакомлении с турбостроением. Он побывал тогда в Германии, Франции и Швейцарии.

В 1912 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 апреля он был утвержден в чине титулярного советника. Наверное, это не раз служило предметом шуток. Кто-нибудь, да и говорил: "Он был титулярный советник". Он, действительно, стал титулярным советником, но вот она-то, его жена, генеральской дочерью не была... Я ничего не знаю о бабушкиных родителях, и это мне странно самому, ибо с бабушкой я общался значительно чаще, чем с дедом. Правда, хорошо помню свою прабабушку. До войны она не только часто приезжала из Перми в Ленинград, но даже подолгу жила с нами на даче на хуторе финна, которого звали Отто Пелле. На память о ней у меня сохранилась переданная мне бабушкой черная кожаная коробочка с бронзовыми петлями, замочком и пластинкой, несущей две красивые буквы "Т.К." (Тая Корзухина). Коробочкой этой бабушка пользовалась: хранила в ней клубки шерсти, катушки с нитками, подушечки с иголками. Сейчас она находится у нас в комнате, и стоит обратить к ней взгляд - так и повеет от нее теплом и уютом, вспомнится бесконечно доброе бабушкино лицо, изборожденное морщинами, ее внимательные, немного слезящиеся глаза.

Умерла Тасия Ивановна от воспаления легких в Перми. Кажется, это произошло в 1939 году. Мы с братом горько плакали. Бабушка была для нас важной частью жизни, и вдруг ее не стало... Это была первая в жизни утрата очень близкого нам человека, мы горько, горько плакали.

Назвав Таисию Ивановну "бабушкой", я не оговорился. Ее мы действительно звали бабушкой, а настоящую бабушку – Екатерину Александровну с моей легкой руки и я, и брат звали "Катичка". Думаю, это имя образовалось так. Дедушка звал жену Катиш. Мне, младенцу, такое имя не могло нравиться, и я его "руссифицировал", превратив непонятное "Катиш" в понятную "Катичку". Поразительно, но факт - я звал так бабушку, пожалуй, до окончания школы.

1912 год оказался заметной вехой в жизни Виктора Петровича вовсе не потому, что стал он титулярным советником. 6 ноября (н.ст.) его семья пополнилась - родился сын Игорь, квартира снова наполнилась младенческим писком. У ее обитателей появилось множество полузабытых хлопот: пеленки, кормление, прогулки...

По своему знаменитым оказался 1912 год для брата Валентина. На заводе Глебова ему удалось построить первый русский генератор повышенной частоты, что явилось

замечательным достижением отечественной техники. Но... в 1912 году завод Глебова полностью сгорел. Погиб в огне и новый генератор токов высокой частоты, с которым было связано столько надежд... Однако Валентин не пал духом и, несмотря на тяжелую неудачу, все-таки построил новую машину. Правда, сделал он это на другом заводе - заводе "Дюфлон и Константинович" или "ДК". Радиосвязь, изобретателем которой был Александр Степанович Попов, обрела тогда второе дыхание.

Валентин все увереннее нащупывал путь в будущее. Владимир в это время уже работал техническим директором Франко-Русского завода. Сергей, вернувшийся из Франции и не получивший права жить в Питере, развертывал работу в Новочеркасске.

А Виктор как будто остановился - его мучила необходимость зарабатывать деньги, и после рождения сына необходимость эта еще более возросла. Наконец, в 1914 году, когда Игорю было 1 год и 7 месяцев, Советом Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого младший лаборант Виктор Петрович Вологдин был "избран и господином директором утвержден преподавателем кораблестроительного отделения из платы по найму с 1 июля 1914 года на один год". Господин директор подписал соответствующее распоряжение 1 июля, а 1 августа началась война.

Не знаю, кто из братьев непосредственно воевал. Мне известно, что Валентин был техническим директором завода "ДК", который делал не только нужные фронту радиостанции, но строил и русские дирижабли, носившие "хищные" названия - "Ястреб", "Кобчик" и др.

Дед также продолжал работать в Питере. В требовательных ведомостях на выдачу содержания учебному персоналу значится Вологдин В.П., младший лаборант, с июня 1915 г. по февраль 1917 г., с мая по август, ноябрь и декабрь 1917 г. В этом документе странно одно: в 1914 году дед был утвержден преподавателем, а зарплату он получал как младший лаборант... В то же время он продолжал прирабатывать, ибо в упомянутом документе сказано, что "в списках вознаграждения за особые труды профессоров, доцентов и лаборантов значится Вологдин В.П., лаборант за апрель 1915 года". Наконец, очень интересна и важна архивная справка, в которой сказано: "В архивных материалах Института путей сообщения в требовательной ведомости на выдачу содержания сверх штатным преподавателям с августа 1911 по август 1918 включительно значится: "Вологдин В.П. имя и отчество полностью не указано". Интересно привести выписку из личного листка по учету кадров.

"17 Дата (м-ц, год)

Должность с указанием учреждения, вступления ухода из организации, с предприятия

1909 - 1918 - преподаватель Коммерческого училища в Лесном,

1910 - 1918 - преподаватель Политехнического института,

1911 - 1918 - преподаватель Института путей сообщения,

1914 - 1918 - прораб Главного управления судостроения."

Рис. 12. В.П. Вологдин – преподаватель Института путей сообщения

Табличка показывает, что, начав работать до окончания института, Виктор Петрович затем все повышал нагрузку и с 1914 года по 1918 работал в четырех местах. Важно обратить внимание на последнюю дополнительную должность - прораб Главного

управления судостроения. По всей видимости, именно работа в Министерстве морского флота позволила Виктору Петровичу избежать призыва в армию. Ну, а устроить его на такую должность, конечно, мог, скорее всего, Владимир.

В 1916 г. семья снова увеличилась. Родился сын Дима. (Опять оказался выдержан интервал 4 года: в 1908 родилась дочь Вероника, в 1912 - Игорь и в 1916 – Дмитрий).

С ростом семьи, разумеется, и связано то, что дед был вынужден взять на себя фантастическую нагрузку - он один работал за четверых. Поистине, работоспособность его была невероятной. Примечательно в его послужном списке тех лет, что он, будучи на трех работах преподавателем, все-таки в качестве четвертой нагрузки избрал чисто производственную деятельность. Важно на мой взгляд и то, что Виктор Петрович избрал сферой приложения сил морской флот. Интересно здесь вот что.

В семье Вологдиных никогда не было моряков, но, в конечном счете, из пяти братьев так или иначе с морем, с флотом оказались связаны четверо. Напомню: Сергей до ареста и высылки работал инженером на Франко-Русском заводе, там же был техническим директором Владимир, Валентин конструировал и испытывал свои радиостанции на кораблях Балтийского флота, а Виктор вот работал прорабом Главного управления судостроения, где ведал электрооборудованием легких крейсеров.

Пристрастие поколения деда к морю объясняется легко. С детства их жизнь была постоянно связана с переездами на судах по Каме и ее притокам. Упрочивало это пристрастие то, что сначала Владимир, затем Виктор - готовились стать профессиональными моряками.

Знакомство с послужными документами Виктора Петровича показывает, что на основной работе в Политехническом институте он не работал в марте-апреле и сентябре - октябре 1917 года. По-видимому, это свидетельствует о том, что он, так или иначе, принимал какое-то участие в революции.

Правда, разговоров об этом у нас в доме почему-то никогда не было. Помню лишь, что бабушка жаловалась, что деда во время всяких волнений постоянно не было дома, а она-то вынуждена была работать. По крайней мере, в конце 1917 года она была телефонисткой. Уж, какой из деда был революционер, не знаю. Но твердо знаю, что ему далеко небезразлична была судьба Отечества. На протяжении всей жизни он никогда не оставался в стороне от главных событий.

Сохранилось бабушкино письмо, датированное 27 марта. Моя мама сделала на нем пометку "1917 год". По-видимому, в послании описываются события, связанные с Февральской революцией. Письмо, на мой взгляд, настолько интересное, что приведу его полностью.

"27 марта. *) Петроград, Лесное, 2 Муринский, д.54, кв.1

Христос Воскресе! Дорогая Глафира Дмитриевна.

Поздравляю Вас со светлым праздником и думаю, что лучшее пожелание - это скорейшее окончание переживаемого нами кошмарного времени. Хочется верить, что действительно теперь будет жить легко, но вместе с тем на душе лежит какой-то гнет. Иногда испытываешь такое ощущение, что живешь во сне, а не на яву, и мечтаешь, что проснешься и вздохнешь свободно, но, увы - это только мечты.

У нас в Лесном революция прошла мирно, стрельбы не было, только все улицы были запружены обывателями, жаждущими знать, что творится в городе. Проносившиеся автомобили и мотоциклисты удовлетворяли понятное любопытство. Я с ребятами до поздней ночи также находилась на улице. Дома уснуть было невозможно. Правду говорит пословица, что "на людях и смерть красна".

*)Февральская революция произошла за месяц до того, как было написано это письмо, т.е. 25-27 февраля (10-12 марта по новому стилю).

Виктор уже с утра 28-го погрузился в продовольственные дела Лесного. Работы было тьма. Виктор был выбран председателем. Ну и работал же он! Уже с семи часов начинал трещать телефон, в восемь часов он уже уходил, а возвращался в час или два ночи. Хорошо, если удавалось забежать пообедать, а то часто обедал уже ночью. Благодаря энергии его и его сотрудников продовольствие в Лесном наладилось, и мы уже теперь получаем хлеб без всяких очередей, а то ведь приходилось стоять в очереди часов по пять. В городе уже и теперь стоят громадные хвосты.

Вообще запасов в городе должно хватить дней на восемь, а что будет дальше неизвестно. Меня страшно манит уехать отсюда подальше, хоть немного вздохнуть свободнее, а то день живешь точно на вулкане. Я только сейчас немного чувствую какую-то нервную усталость, хотя революция совершилась вдалеке, но пережито за это время порядком.

Мечтаю уехать с детьми в Пермь, но, кажется, это недостижимые мечты. Даже если и удастся взять билеты, то сесть в вагон дело крайне сложное. Солдаты занимают все вагоны без различия классов, и вы, имея билет и плацкарту, рискуете не попасть. Детям тоже очень хочется в Пермь. У Веруси и Игоря только и разговоров, как они будут проводить лето у бабушки и дедушки. Кроме своих детей, еще повезу детей Марии Федоровны.
На пасху буду пытаться достать билеты.

Пока, всего хорошего. Целую Вас

Е.Вологдина

Надя Вашего письма в розовом конверте не получила".

В 1918 г. семья покинула Петроград. Зная, что их заслуживший большое уважение председатель общества потребителей В.П. Вологдин уезжает, служащие общества потребителей Лесного написали ему нечто вроде благодарственного адреса. Это послание довольно любопытное. Привожу его полностью:

"Многоуважаемый Виктор Петрович!

Расставаясь с Вами на время вашего кратковременного отпуска, мы, служащие Общества Потребителей Лесного Района глубоко признательные за все Ваши заботы о нас, просим принять наши пожелания счастливого пути и скорого благополучного возвращения к нам.

Под письмом 47 подписей. 7 апреля 1918 год".

"Кратковременный отпуск" во Владивосток

Итак, Виктор Петрович уезжал в кратковременный отпуск. Но куда? И к тому же: почему отпуск кратковременный? На эти вопросы ответов нет. Не могу я ответить и на такой вопрос: а зачем вообще был нужен этот странноватый документ? С позиции же сегодняшнего дня любопытно то, что председатель потребительского Общества в 1918 году в Петербурге был глубоко уважаемым человеком, ибо на самом деле защищал людей. Эх, нам бы сейчас таких защитников, как дед! По-видимому, в августе 1918 года семья Виктора Петровича уехала в Пермь. С этого времени начинается самая темная, самая загадочная страница жизни деда. Именно так говорила об этом этапе жизни деда моя мама. У меня практически нет никаких шансов разгадать дедушкину тайну почти через 80 лет после событий, после того, как ушло участвовавшее в них, да и следующее поколение людей. И все же я постарался собрать все мне известное, чтобы пролить хоть какой-то свет на эту совершенно непонятную пору жизни деда.

Если семья деда приехала в начале сентября 1918 г. в Пермь, то в эту пору город был "красным", а 24 декабря того же года его захватили "белые". Мама говорила мне, что дед в 1918 году командовал каким-то отрядом кораблей. Во время первого же похода (куда и когда не знаю) он тяжело заболел тифом. Мама говорила: "Отдавал такие странные команды, что его чуть не шлепнули, как предателя". Дед был помещен в госпиталь, а в октябре 1918 года мобилизован в армию Комуча в Воткинском заводе. В эту армию набор шел главным образом именно путем мобилизации. Народная армия, или армия Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), начала формироваться сразу после мятежа чехословацкого корпуса (с 8. 06. 1918 года). Всего в эту армию вступило не очень много народу - около шести тысяч человек и поэтому Комуч объявил насильную мобилизацию. После выздоровления дед был мобилизован. Для меня долгие годы оставалось загадкой: как он, человек в общем-то левых убеждений, в конце концов стал колчаковским офицером. Но пытаясь понять эту метаморфозу, важно вспомнить, что дед был мобилизован в народную армию, а политические воззрения эсеров - руководителей Комуча были в основном, насколько теперь известно, левее самых левых. Отсюда следует один важный вывод: Виктор Вологдин, видимо, предпочел борьбе за диктатуру пролетариата борьбу за законную власть Учредительного собрания. Впрочем, справедливости ради должен сказать, что когда я попытался заговорить с мамой на эту тему ещё раз – она замахала руками и сказала: «Ты что-то напутал. Я тебе рассказывала совсем не об этом».

С Воткинском - родиной Чайковского и городом, где был изготовлен шпиль Петропавловской крепости, судьба связала Виктора Петровича еще до революции. Если мне не изменяет память, его дипломная работа была связана с электрификацией именно Воткинска. В 1918 г. приезд в Воткинск формально как будто также был связан с такой же электрификацией, хотя сказанное нуждается в уточнении и проверке.

С полной несомненностью знаю, что дедушка был военным комендантом города Воткинска, об этом он рассказывал мне сам. Как-то, имея в виду "белое" дедово прошлое, я спросил его: " Ну, а как ты воевал с красными, в кого-нибудь стрелял?". В ответ на это дед рассказал мне следующую историю.

- Как-то два солдата из нашего гарнизона решили перебежать к красным, но их поймали. Поймали и решили судить. Не расстреляли сразу, а именно решили судить, поскольку у нас была армия, в которой должны были действовать законы. Принятие такого решения вызвало серьезные затруднения. Адвокатов среди офицеров еще кое-как нашли, а вот на должность прокурора никто не соглашался. Пришлось стать "прокурором" мне.

Пойманные были молодые деревенские мальчишки, которым не исполнилось и двадцати лет. Грозил им расстрел. Во время судебного разбирательства начались неувязки. Речь адвоката прозвучала как прокурорская, адвокат не сомневался в том, что подзащитных следует расстрелять, ну, а я, - говорил дед, - выступил как адвокат. Однако, несмотря на эти шероховатости, приговорили все-таки к расстрелу. Расстрелять должны были ранним утром на восходе.

Я не мог заснуть и среди ночи отправился в тюрьму. Меня, разумеется, пропустили. Взял у охраны ключи и выпустил парней, посоветовал им поскорее смываться. Вот и все. Много лет спустя пытался разыскать спасенных, но, к сожалению, безуспешно".

Таков был рассказ деда. Он ни слова не сказал о том, какие кары обрушились на него и как он вообще выкрутился, но похоже, что вскоре началось наступление красных" и войска, занимавшие Воткинск, бежали. В неразберихе отступления, видимо, было не до разбирательств.

19 ноября 1918 г. Колчак осуществил переворот и арестовал Комуч. Народная армия при этом вошла в состав его Западной Армии под командованием генерала Ханжина. Таким образом, формально дед служил в армии Комуча всего два месяца - октябрь и

ноябрь. С ноября же вместе с армией он стал колчаковцем. В декабре 1918 г. Колчак захватил Пермь.

Но в начале января 1919 года перешли в наступление "красные". Их вторая армия 5 -7 февраля разгромила южнее Перми Воткинскую пехотную дивизию "белых", в которой, видимо, и служил дед. Только 27-28 января "белым" удалось стабилизировать фронт. Осуществили эту операцию Третий Сибирский корпус и та же "разгромленная" Воткинская дивизия, однако в двадцатых числах мая Пермь была освобождена от "белых".

4 июня 1919 г. Екатерина Александровна писала Глафире Дмитриевне: «Наконец собралась написать Вам! Столько было здесь неприятностей, что просто рука не поднималась писать. Сейчас если и не все уладилось, все-таки как-то легче на душе". О том, что это письмо от 19 года, сужу только по маминой пометке. Однако и она не могла установить, откуда оно было отправлено. Главная тема послания определена словами: "Все неприятности, конечно, связаны с квартирой. Отвели нам дом. Только мы разместились, как через два дня из Комитета приходят и заявляют, что они две комнаты у нас берут и селят какого-то бывшего судебного следователя с женой. Как мы не протестовали, ничего не вышло, получили только ответ, что мы должны благодарить, что нам ставят людей интеллигентных, а то могли бы поставить несколько солдат. Ничего не поделаешь, пришлось смириться".

На первый взгляд кажется, что в письме этом нет никаких загадок. Оно явно написано из какого-то места, где хозяевами были большевики, ибо всем заправлял "Комитет", и дедово "буржуйское" семейство законно уплотнялось. Но, согласно документам, дед служил в армии Комуча до августа 1920 года, а после этого являлся (надо полагать у Колчака) представителем Морского ведомства – директором правления Дальзавода во Владивостоке.

Пытаясь выяснить, откуда было отправлено это письмо, я перечитал его не один раз, однако яснее стало немногое. Но, во-первых, совершенно ясно, что дед во время написания письма был вместе с семьей. Об этом свидетельствует приписка "От Виктора привет". Во-вторых, нет сомнения в том, что письмо написано из какого-то нового для семьи места, ибо в приписке на краю письма бабушка пишет "Дети порядком скучают, так как знакомых никого еще нет. Веруня сидит дома, занимается чтением, Игорешка все мастерит что-нибудь из досок. Димусик пополнел немного".

В общем же напрашивается иная датировка письма. Можно было бы предположить, что оно было написано в 1920 году из Владивостока, но это предположение ошибочно. Во-первых, дед покинул армию Комуча только в августе, во-вторых о приезде во Владивосток говорится в другом письме, написанном в сентябре 1919 г. Значит, скорее всего это послание бабушки было отправлено из Владивостока летом 1921 г. Это предположение подтверждает и высказанное бабушкой в письме намерение купить свою корову. Ясно, что мечтать обзавестись живностью можно было, осев где-то. Главное же, что как бы то ни было, а письмо, о котором шла речь, дает представление об атмосфере, царившей в семье в годы Гражданской войны. И бабушка пишет: "Действительно, должно быть во всей России не найдешь теперь такого уголка, где бы можно было забыть хоть на время кошмар настоящей жизни". Чувствуется, что пишет человек, много повидавший и хлебнувший горя.

Тайной для моей мамы и для меня оставалось то, где дед находился в течение трех месяцев: в июне, июле и августе 1919 года. Правда, кое-что мне удалось лет десять тому назад узнать. Произошло это совершенно неожиданно. Как-то мне позвонил брат отчима Владислав Валентинович Вологдин. Он сказал, что со мною хочет поговорить какой-то писатель по фамилии Упоров - человек, которого интересует биография деда. Вскоре мы встретились. Сергей Ильич, так звали моего визитера, рассказал следующее.

Он занимался историей жизни своего отца, который был медиком и в колчаковские времена занимал пост городского врача города Омска. При советской власти отец

С.И. Упорова был арестован и расстрелян. Как рассказал Сергей Ильич, поводом для этого послужило обвинение в том, что он, руководя санитарной службой города Омска, якобы, организовал отравление детей рабочих в детских садиках. В 1950 г. был арестован и сам Сергей Ильич. Он был штурманом дальнего плавания и ему инкриминировался шпионаж. Отсидел он (вместе с высылкой) 16 лет и вот по возвращении из мест не столь отдаленных занялся сбором материалов об отце. Здесь-то, как он утверждает, ему и довелось столкнуться с именем деда.

По его словам, дело было так. Осенью 1919 г. армия Колчака терпела поражение за поражением. Всюду свирепствовал сыпняк. Отец Упорова – тогда городовой врач Омска (по современной терминологии, очевидно, главврач), стараясь спасти людей, обезопасить жителей города, создал несколько крупных госпиталей. Но вот беда - не было коек, а их требовалось тысячи. Тут-то появился В. П. Вологдин, который решил проблему очень простым способом - он начал с помощью сварки делать многоэтажные металлические нары.

На первый взгляд трудно понять: как дед мог числиться во Владивостоке на должности представителя Морского ведомства и одновременно варить нары в Омске. Но ведь нельзя исключить, что его просто командировали. Так это было или не так, на это могли бы ответить только розыски Упорова. Однако он давно умер.

Окончательному поселению деда с семьей во Владивостоке предшествовала фантастическая история. Дед ехал (по-видимому, из Владивостока) на запад. (Быть может в тот же Омск?!). На какой-то станции, очевидно во время длительной стоянки он увидел на противоположном перроне всю свою семью: жену, дочь Веронику, сыновей. Эта встреча решила дальнейшую судьбу деда. Как говорила мама, они вместе уехали во Владивосток. Понять, как началась владивостокская жизнь позволяет последнее письмо Екатерины Александровны, относящееся к той далекой поре. Это письмо все к той же Глафире Дмитриевне. Написано оно 4-го сентября по старому стилю и 17-го по новому. Год, как и в предыдущем случае, написан рукой моей мамы -1919. Бабушка сообщала:

"Простите, что ничего не писала Вам. Но буквально была занята с самого утра до позднего вечера. Уставала так, что прямо валилась с ног. Опишу Вам все по порядку. Доехали мы хорошо. По приезде Виктор отправился хлопотать о квартире, но это дело оказалось очень сложным: квартир нет, комнат – тоже. Отведенное помещение для семей ехавших с нами офицеров оказалось еще не готово. Жизнь в вагонах становилась невозможной, так как стояла страшная жара".

Рис.13. Владивостокский дом
Вологдиных на Пушкинской, 51,
где они жили с 1926 по 1933 годы

Жилищная проблема в конце концов была решена. Однако окончательное решение состоялось лишь в 1926 году, когда семья деда поселилась в доме №51 по Пушкинской улице. Здесь Вологдины жили до отъезда в Ленинград, до 1933 года. Владивосток... Каким увидели его в 19 году исстрадавшиеся по нормальной жизни люди, люди, проделавшие в поисках этого покоя опасный путь во много тысяч километров? Бабушка прекрасно описала увиденное... Как сказал господин, выступавший по радио: "Город производит приятное впечатление, масса хороших магазинов, бегают трамваи, проносятся автомобили. Американцы заполонили все. Всем нациям живется хорошо, кроме русской. Русских в грош ни ставят и совсем с ними не считаются. Благодаря присутствию иностранцев дороговизна здесь страшная".

Не стал бы приводить цифры, упоминаемые бабушкой, но должен это сделать, ибо царивший тогда во Владивостоке "беспредел" разительно напоминает нам современный,

связанный, как я слышал, то ли с "ралибелизацией", а может с "либерезацией", словом, с либерализацией окаянных цен. Бабушка продолжает:

"Вот вам приблизительный прейскурант: мясо –15 руб., масло 25, яйца – 33 руб., молоко – 7 руб., 50 коп. бутылка, курица – 80-90 руб., цыплята – 100 руб. пара. Не правда ли, получая 1300 руб., можно жить с комфортом?

Материя, обувь, тоже страшно дороги. Что здесь не дорого – это сладкое и фрукты. Конфеты монпасье 10-15 руб. ф., а шоколадные - 25 руб. ф. Шоколад весовой - 35 руб. ф., фрукты мы не едим, так как холера. Жара здесь стоит невыносимая".

Настрадавшиеся, измученные люди, наконец, обрели пристанище. В 1921 или 1922 году они поселились как раз над бухтой "Золотой Рог". Жили в доме с балконом, но, разумеется, прежде всего была в диковинку владивостокская погода. В письме сказано:

"Погода здесь стоит дивная, совсем не чувствуется, что уже сентябрь, жара как у нас в июне. Здесь всегда стоит такой сентябрь и октябрь. Изредка только налетает ветер - тайфун. Начинается страшный ливень и ветер настолько сильный, что с трудом держишься на ногах. Не дай бог быть в это время в океане. В такую погоду выйдешь на балкон и то становится жутко. Тайфун длится день, два, а потом опять сияет солнце и блестит гладкая поверхность залива. Здесь очень красивые окрестности".

Рис.14. Владивосток. Вид на город

Чудный город, неплохая, видимо, квартира. У Виктора Петровича явно хорошая работа, однако Екатерина Александровна, заканчивая письмо, замечает: "Как будто здесь и хорошо, но мне не нравится и я с радостью бы уехала". Так и представляю себе, как она предлагает деду уехать, но... куда ехать, ведь с 1920 г. они жили в буржуазно-демократической Дальневосточной республике, или ДВР, созданной в апреле 1920 г. Ехать было некуда и незачем. Судьба связала жизнь с Владивостоком на целых 14 лет. Когда они поселились там, им было по 36. Впереди их ждали самые крутые взлеты и падения, ждали те события, которые принято называть "полнокровной жизнью". Гражданская война метала и швыряла людей из края в край громадной страны. Не минула чаша сия и семью Валентина Петровича. Как пишет бабушка в том же письме: "Относительно М.Ф. (Марии Федоровны, жены Валентина Петровича - прим. В.Ш.) Вы наверное знаете. Она доехала до Хабаровска, но Вали не нашла. Жду от нее письма".

Если внимательно прочитать две книги, посвященные Валентину Петровичу, то в них не удастся найти даже упоминание о том, что по каким-то причинам семья его в 1919 г. оказалась в Хабаровске.

Н. Лебедев (8) сообщает, что в декабре 1918 г. была организована Нижегородская радиолаборатория (НРЛ), на работу, в которую был приглашен Валентин Петрович. Этому предшествовали такие события. Завод "ДК", видимо, был национализирован. На нем предполагалось выпускать "мирную продукцию". Однако от нехватки всего и вся завод задохнулся, все планы В.П. рухнули и он уехал с семьей в село Ильинское (недалеко от Перми), оттуда же в октябре 1918 г. он перебрался в Нижний Новгород для работы в НРЛ, а в декабре, как мы помним, Пермь захватил Колчак, и был выбит оттуда лишь в мае 1919 г. По-видимому, в июне или июле Валентин Петрович поехал на Добрянский завод за трансформаторным железом. Он заглянул в Пермь, где от матери узнал, что сын Владислав остался в селе Ильинском со старой бонной Амалией Карловной Корьюз. Об этом у Лебедева сказано ясно, но ни слова не говорится о Марии Федоровне и других детях (Валерии, Всеволоде). Словом, по-видимому, здесь мы сталкиваемся с известным приемом социалистического реализма, суть которого состоит в том, что если факты не лезут в схему - лучше их обойти.

Мария Федоровна могла доехать до Хабаровска только в поисках Валентина Петровича, впрочем, в июне 1919 - го он делал доклад в НРЛ и, следовательно, не мог и попасть к колчаковцам и оказаться на Дальнем Востоке.

Не знаю - переписывались ли между собой братья, но, видимо, дед не мог не знать об успехах Валентина, и коллектива, в котором он работал, ведь НРЛ трудилась столь интенсивно, что уже 15 января 1920 г. состоялась пробная передача из Нижнего Новгорода в Москву. Но Нижний - Нижним, а дед, став техническим директором Дальзавода, практически впервые в жизни получил возможность делать то, что хотел - получил настоящую свободу творчества. И вот тут-то для того, чтобы понять подлинные истоки этого творчества, надо вернуться лет на двадцать пять назад - в годы, когда дед учился в реальном училище.

Славянов и его преемник

У меня хранится рукопись, сделанная карандашом на плохонькой серой бумаге. Всего около десятка листов, исписанных крупным бабушкиным почерком, и несколько страниц, напечатанных на машинке. По сути дела это то, что можно назвать воспоминаниями Виктора Петровича Вологдина. Никаких иных воспоминаний он, к сожалению, не оставил. Работа над этой рукописью, если мне не изменяет память, шла в послевоенное время в квартире на проспекте Динамо. Дед сидел в кресле, укутанный бабушкиной шалью, и медленно, негромко диктовал. Скорее даже это была не диктовка, а плавный, спокойный рассказ, прерывавшийся либо из-за того, то бабушка не успевала записывать, либо из-за необходимости преодолеть стилистические трудности. Сам стиль воспоминаний несколько странен, ибо рукопись все-таки готовилась для какой-то официальной надобности, поэтому повествование ведется от третьего лица. Лишь одна вставочка написана от первого. Я опускаю часть рукописи, касающуюся истории сварки. Однако напомню некоторые основные вехи.

Виктор Петрович любил порядок в жизни, а в изложении – логику и последовательность (качество, которого недостает автору настоящей рукописи). В шутку он нередко говаривал, что первыми "сварщиками" были первосвященнник Аарон и первый пророк Моисей. К сожалению, не помню точно суть притчи, которая дала ему право на такую трактовку. Пожалуй, это было связано с тем, что Аарон изготовил золотого тельца – видимое изображение божества, а Моисей защитил его от неизбежного за это наказания. Вместе с тем хорошо помню, что только после упоминания этих библейских персонажей дед переходил к тому, что зарождению своему сварка обязана россиянину Василию Петрову, ибо это именно он открыл явление электрического дугового разряда. Еще в 1802 году Петров четко сформулировал положение о возможности сплавления металлов посредством воздействия на них теплом, выделяемым электрической дугой. Через 83 года после Петрова (в 1885 году) талантливый изобретатель из Полтавы Николай Николаевич Бенардос впервые предложил метод сварки, основанный на расплавлении металла под действие электрической дуги.

Дуга возбуждалась между угольным электродом и изделием. Свой способ Н.Н. Бенардос назвал по-немецки "электрогефест", или по-русски – электросоединение. Однако ни термин этот, ни сама громоздкая неуклюжая установка Бенардоса не получили широкого распространения. Хотя справедливости ради надо сказать, что в 1904 году рабочие Балтийского завода, находившиеся в Порт-Артуре, широко пользовались угольной дугой при ремонте корпусов таких кораблей, как "Ретвизан", "Севастополь" и других.

В 1888 году, когда Вологдину Виктору было всего 5 лет, гениальный русский ученый Николай Гаврилович Славянов (1854-1897) предложил заводам собственный вариант решения задачи. В отличие от Бенардоса он получал электрическую дугу между изделием, подлежащим наплавке, и металлическим стержнем (электродом). По мнению Виктора Петровича, "...принцип, положенный Славяновым в основу своей

установки, резко отличается от принципа, использованного Бенардосом." Николай Гаврилович назвал свой метод "методом электрической отливки металла". Метод оказался столь эффективен, что быстро нашел практическое применение". В БСЭ (издание 2, том 39, с. 296) сказано, что Николай Гаврилович - "выдающийся русский изобретатель, один из создателей электрической дуговой сварки металлов. Как надо понимать "один из" - известно только автору энциклопедической статьи. Ведь в 1890-1891 гг. Славянов получил патенты на свой способ электросварки в России, Франции, Германии, Англии и Австро-Венгрии, кроме того, им были сделаны заявки в США, Швеции и Италии.

Слух о российском изобретателе широко распространился по Земле Следствием этого было то, что Николаю Гавриловичу быстро удалось познакомиться с обратной стороной славы. Стремясь принизить значение его изобретения, в 1892 году многие газеты и журналы США писали, что его способ сварки пригоден только для соединения черных металлов.

Славянов остроумно опроверг этот вымысел. Он сварил самые разнообразные металлы: колокольную бронзу, томпак (сплав меди и цинка), никель, сталь, чугун и медь. Этот мозаичный образец обработали и придали ему форму призмы с 12 гранями. Получившийся "стакан" изобретатель отправил в Америку. Да, скромный пермский инженер в 1893 г. участвовал во Всемирной электрической выставке в Чикаго, и жюри выставки присудило ему за "дуговую электрическую сварку" заслуженную медаль.

Интересна судьба стакана. 50 лет его считали утерянным, но в 1945 г. выяснилось, что он просто затерялся в фондах областного краеведческого музея. Сейчас его можно видеть в экспозиции музея. Применительно к Н. Г. Славянову в дедушкином определении "гениальный русский ученый", как я считаю, нет никакого преувеличения. В силу принципиального отличия славяновского способа сварки от способа Н.Н. Бенардоса, речь идет о том, что именно Николай Гаврилович и никто иной впервые в мире изобрел сварку и не только изобрел, но и блестяще показал, как пользоваться ею на практике. В этом его подлинное величие. Говорю об этом совсем не для того, чтобы как-то принизить достижения Бенардоса, но с тем, чтобы оттенить ту высокую оценку работы Славянова, которую давал ей дед. Впрочем, должен сказать, что Виктор Петрович нередко говорил о "методе Славянова - Бенардоса", подчеркивая тем самым, что Славянов развил идею своего предшественника.

Познакомимся с изобретателем поближе. Николай Гаврилович Славянов в 1877 году закончил Горный институт в Петербурге и сначала работал на Воткинском, а затем на Алеутнинском заводе. С 1883 г. и до конца жизни он работал и жил на Пермских пушечных заводах, которые находились примерно в четырех километрах от Перми (в районе, именуемом Мотовилиха). С 1891 года Славянов занимал должность горного начальника Мотовилихинского завода. Я не мистик, но должен сказать, что судьба предусмотрела все, чтобы Виктор Петрович смог не только увидеть изобретателя, но увидеть (и не один раз!) его установку в действии. Я не мистик, но как не подивиться тому, что Н.Г. Славянов работал в Воткинске – городе, сыгравшем большую роль в жизни деда. В 1893 или в 1894 гг., когда Виктору Вологдину было 10-11 лет, он учился в Пермском реальном училище. В том же училище в одном классе с ним учился сын Николая Гавриловича - Николай. Мальчишки сидели на смежных партах. Виктор всегда с жадностью слушал рассказы Николая о работе его отца. Ученики уже тогда знали, что работа Славянова по электронаплавке знаменита "на весь мир". И конечно же, многие ребята мечтали попасть в таинственный цех, из которого через окна и щели вырывались ослепительно яркие столбы света и сыпались мириады искр. Судьба улыбнулась Виктору.

Рис.15. Николай Гаврилович Славянов,
изобретатель сварки (1854 – 1897)

Рассказывая об этом, Виктор Петрович упирает на то, что отец его как редактор и как корреспондент "Губернских ведомостей", как крупный газетный деятель был известен всем. В связи с чем его и пригласил к себе на завод Николай Гаврилович. Однако, оценивая этот факт, вероятно, надо иметь ввиду и сходство профессий Петра Александровича и Николая Гавриловича. Один был смотрителем рудников, другой - горным начальником завода. Оба были горняками. Так это или не так, но Славянов пригласил Вологдина полюбоваться на красивое зрелище, и, конечно, был уверен, что тот даст в газету соответствующую информацию. В поездку Петр Александрович взял с собой сына Виктора. Вот как описывает это событие дед:

"У ворот нас встретил техник, который сообщил, что Николай Гаврилович ожидает в сварочном цехе. Изобретатель встретил гостей с предупредительностью большого человека. Он прежде всего подробно рассказал о сущности процесса наплавки, предупредив, что на источник света, когда загорится дуга, нельзя смотреть незащищенными глазами. Мне сейчас, через пятьдесят с лишним лет, трудно вспомнить все детали виденного, но некоторые врезались в память так отчетливо, так ярко, как будто все это происходило недавно.

Я видел Н.Г.Славянова несколько раз еще раньше, когда он на лошадях проезжал мимо нашего дома из Мотовилихи в Пермь. Сейчас, встретившись с ним в обстановке цеха, я не узнал его. Это и естественно, так как Н.Г. был одет в рабочее платье.

Николай Гаврилович рассказал, что электрический ток, необходимый для плавления, добывается здесь же в цехе при работе мощной динамо-машины, вращаемой в свою очередь большой паровой машиной, которую Н.Г. построил своими силами на том же заводе.

Я не все понимал из того, что объяснял Н.Г., так, например, меня заинтересовали бочки с водой, через которые проходили толстые провода. Только позднее я узнал, что это был водяной балластный реостат. Помню, что тут же в цехе, немного возвышаясь над уровнем земляного пола, грелась какая-то металлическая деталь. Она была раскалена настолько сильно, что при взгляде сильно ослепляла глаза. Н.Г. пояснил, что идет подготовка к сварке какой-то сломавшейся машинной части.

Разогрев, производимый древесным углем, был еще недостаточным, а дальнейший нагрев было необходимо усилить настолько, чтобы металл соединяемых изделий переходил в жидкое состояние. Такая высокая степень нагрева могла быть достигнута только при помощи электрической дуги.

Н.Г. крикнул, чтобы все закрылись поданными им деревянными рамками с темными стеклами. Зазвенели цепи и сверху спустилось какое-то сложное приспособление. Вдруг полетели снопы звездчатых искр; началась плавка металла. Указание Н.Г. отойти вглубь цеха стало понятным, и мы невольно сделали несколько шагов, спасаясь от нагонявших нас искр. Я еще раньше заметил, что передники рабочих как бы проколоты и испещрены дырами. То же было бы и с нашим платьем, если бы мы не выполнили предложения Н.Г. и не отошли своевременно от места сварки.

Спущенное сверху приспособление Н.Г. назвал "плавильником". В него вставлялись толстые металлические прутья, которые плавились электрическим током и понемногу продвигались вперед по мере их расплавления выделяющимся дугой теплом. У плавильника было занято два рабочих; один направлял расплавляющийся конец стержня, подводя его к тому или другому участку жидкой металлической ванны, он же подавал в ванну плавящийся стержень, поворачивая небольшой маховичок. Время от времени раздавался звук удара. Это срабатывали электромагнитные регуляторы, входящие в устройство плавильника. Предохранительное стекло также было вделано в плавильник, благодаря чему руки рабочего оставались свободными. Другой рабочий помогал первому, постепенно посыпая что-то в ванной.

На мой вопрос: "Что бросает рабочий?", Н.Г. разъяснил, что жидкий металл надо оберегать от выгорания. Это достигается посыпанием в ванну размельченного шлака и битого стекла. Постепенно вся ванна наполнилась жидким металлом. Сомкнутые

концы детали оказались, таким образом, сплавленными. Выключили ток. Снопы искр исчезли, и мы могли подойти вплотную к охлаждающемуся изделию и рассмотреть место соединения. Но тут рабочие быстро засыпали отливку горячим шлаком. Это делается для того, пояснил Н.Г., чтобы замедлить остывание детали и предупредить образование трещин.

Преисполненные массой новых впечатлений, мы направились к выходу.
На прощание Н.Г. сказал несколько добрых слов, одобрив мое намерение посвятить себя изучению техники. На мою долю выпала высокая честь пожать руку знаменитого изобретателя".

В дальнейшем Виктор Петрович не один раз бывал на "электролитейной фабрике" Славянова и каждое посещение оставляло не менее глубокий след, чем первое. Раз установленный контакт ширился. "Укрепление связи" достигалось либо благодаря посещению фабрики со школьной экскурсией, либо "в порядке нелегального перелезания" через заводской забор, либо на лодке с выгрузкой на неохраняемом участке берега Камы.

Предпоследний раз Виктор Вологдин побывал на "Электролитейной фабрике" в 1918 году. Он пишет, что тогда он "будучи инженером приезжал на Мотовилиху в порядке служебной командировки". Вот только он не указывает, в каком месяце это было. Остается предполагать, что этот визит состоялся вскоре после выезда из Петрограда и до того, как дед попал в Воткинск. Он, конечно, был очень грустным. Со дня смерти Николая Гавриловича прошел уже двадцать один год. Он умер очень рано, всего сорока трех лет от роду. А варить детали продолжали точно так же, как при Славянове. Только славяновскую паровую машину заменили мощным электромотором. В общем же в стране, разрушенной Гражданской войной, сварка так и не успела встать на ноги. Оставалась, можно сказать, в зачаточном состоянии. Беда в том, что Николай Гаврилович не имел при жизни достойных преемников, и с его смертью не только работа сварочного цеха, но и вообще сварочное дело в России стало замирать. Не было ни теории, ни новых практических приемов сварки, ни хороших сварочных машин. Дед замечает: "Показательно хотя бы то, что при посещении славяновской мастерской можно было видеть машину, построенную еще самим Славяновым. Представления об высококачественных электродах были весьма примитивными или полностью отсутствовали. Кадров сварщиков, работающих с электродуговой сваркой металлическим электродом, не было. Не было и никакой литературы по вопросам сварки.

Сварочные работы в 20-х годах продолжались только на некоторых крупных заводах. При этом люди, выполнявшие это, следовали технике, сохраненной стариками и точно отвечающей указаниям покойного изобретателя".

Работая во Владивостоке, Виктор Петрович, конечно же, не мог не вспомнить об электрической сварке. Технический руководитель громадного предприятия - Дальзавода, он постоянно сталкивался с необходимостью ремонта бесчисленного количества самых разнообразных деталей, а надо заметить, что еще Славянов выполнил много крупных работ с применением сварки. В их перечне, хотя Славянов и работал на пушечном заводе, - пароходные валы и шатуны, гребные колеса, сломанные части маховиков, станины паровых молотов и т.д. Умел Николай Гаврилович и "приливать" отломленные зубья шестеренок и даже "крылья" к чугунным пароходным винтам. Всё это, понятно, очень пригодилось деду.

Как вспыхнула дуга во Владивостоке

Жизнь в ДВР, в которой теперь существовала семья Вологдиных, конечно, была своеобразна. Переменилось по сравнению с Петроградом все – весь жизненный уклад. Вспоминая о том времени, мама моя иной раз начинала что-нибудь с воодушевлением рассказывать, но быстро умолкала и, махнув рукой, говорила: "Ну, да, ладно..." В ответ

на мои приставания она отвечала: "Знаешь, наш быт в ту пору был слишком буржуазным, лучше об этом помалкивать". Мне немного удалось добиться, мама лишь сказала, что у них был повар, два мальчишки - боя. В доме был порядок: завтрак, обед, ужин - в одно и то же время. Кругом чистота. "Бойки" всем чистили обувь, ходили с бабушкой за покупками, подметали и убирали. Словом, технический директор громадного завода в те поры мог жить по-человечески, не только серьезно занимаясь делом, но и имея возможность по-настоящему отдохнуть. Были возрождены семейные концерты.

Рис. 16. Виктор Петрович во владивостокской квартире

У меня есть десяток фотографий Владивостока примерно той поры. Лишь на одной из них виден грузовой автомобиль, на прочих, где есть транспорт, - телеги, запряженные лошадьми.

Лишь центральная улица вымощена, а все поменьше - просто грунтовые. Дома, разбросанные по сопкам, соединены деревянными лесенками с перилами, но, конечно же, главная достопримечательность города - бухта Золотой Рог и врезавшийся прямо в центр города Дальзавод. Это было скопище кораблей, доков, кранов и еще бог весть чего. Среди всего этого бедлама недалеко от берега находились мастерские, в которых и вел основные работы В.П. Вологдин. Чем больше он размышлял о технической политике на заводе, тем яснее ему становилось, что без сварки, без возрождения славянской идеи существовать нельзя.

У него не было никакой литературы по сварке, хотя и имелась схема оборудования Славянова. Начинать надо было с нуля. Конечно, было все: и бессонные ночи, и волнения, и вера, сменявшаяся неверием. Впрочем, надо специально подчеркнуть, что трезво оценивая свою инженерную подготовку, дед никогда не сомневался в том, что построит сварочный агрегат, никогда он не сомневался и в том, что у сварки большое будущее. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов, что строительство первого сварочного аппарата осуществлялось на краю света, в городе, оккупированном японцами. Впрочем, японцам, не было никакого дела до Виктора Вологдина... Они выступали скорее в роли чисто психологического фактора. Однако реальные трудности подстерегали на каждом шагу.

Первый сварочный аппарат был построен примитивно. Генератором служил бывший электромотор постоянного тока, дававший ток в 90 ампер. Его крутил маломощный электромотор трехфазного тока. Компоненты соединялись между собой ременной передачей. Отдельного возбудителя дуги не было. Катушки постоянного возбуждения питались от центральной электростанции. Присадочным материалом служила обычная проволока. Постройка этого пробного аппарата оказалась очень полезной, ибо в первые же дни эксплуатации выяснилось множество его недостатков. Лежали эти недочеты, что называется, "на поверхности" и были очевидны даже для неспециалиста. Во-первых, из-за толчков тока очень часто рвалась и распускалась ("растрачивалась", как пишет дед) ременная передача; во-вторых, поскольку посторонний возбудитель питался от электростанции, напряжение в его цепи сильно колебалось, что влекло за собой изменение режима сварочного тока; в-третьих - вся установка оказалась маломощной. Словом, дуга то горела, то гасла, сварка то шла, то электрод "прилипал" к изделию.

Рис. 17. Сварочные «доспехи», использовавшиеся при ремонте деталей судна «Павел»

В довершение всех бед Виктор Петрович забыл, в какой цвет были закрашены у Славянова защитные стекла, и за это жестоко поплатился. Ибо, как говорят сварщики, "поймал зайчика" и долго ходил со слезящимися красными глазами. Дед не просто

усовершенствовал этот агрегат, а, по возможности, устранил отмеченные огрехи и построил новый. При этом в качестве возбудителя был использован небольшой двухамперный моторчик постоянного тока. Электромотор, генератор и возбудитель, смонтированные на раме, располагались на одной оси и соединялись между собой муфтами. Необходимость в ремне, причинявшем множество хлопот, отпала. Все это хозяйство помещалось на тележке. Новый генератор позволял работать при силе тока 105 ампер. В работе незаметно прошло полтора года, и вот, наконец, 27 декабря 1920 г. на Дальзаводе вспыхнула настоящая "рабочая" вольтова дуга – Виктор Петрович на собственноручно изготовленном оборудовании выполнил первый производственный заказ - заварил прогоревший запальный шар двигателя внутреннего сгорания. Это событие принято рассматривать как начало широкого промышленного применения электросварки во всей громадной стране, носившей имя СССР. В это трудно поверить: только что закончилась Гражданская война, кругом царила разруха, а во Владивостоке начала служить людям новая, могучая сила – электросварка - детище Николая Гавриловича Славянова.

Нередко литераторам, чтобы подчеркнуть роль персонажа, приходится прибегать к этакой аллегории: "Благодаря его кипучей деятельности новой силой разгорелся огонь... и т.д.". Применительно к тому, что сделал Виктор Петрович, можно с полным правом, без всяких аллегорий сказать, что он первым после Славянова зажег замечательную, сверкающую, как праздничный фейерверк, дугу, которая начала служить восстановлению истерзанной страны. При этом Виктор Вологдин исходил прежде всего из твердого убеждения в необходимости, как он писал сам, "продолжить славное дело Славянова". Замечательное дело было продолжено.

В конспекте лекций по сварке, принадлежащем моему отцу, Г.Д. Шевченко, я нашел такой перечень:

1921 год - первый в СССР огнетрубный котел с плоским днищем.

1922 год - водотрубный котел системы Штейнмюллера.

1923 год - сварка лопнувшего ахтерштевня парохода "Взрыватель". Работа выполнена за 9 дней, а в 1918 году пароход "Яни", имевший аналогичную поломку, простоял в доке 11 месяцев.

1924 год - пароход "Память Ленина" с громадными вмятинами по днищу. Чтобы его отремонтировать, надо было удалить около 20 тысяч потайных заклепок. Два сверловщика удаляли за смену 50 штук. При их "выжигании" дугой удаляли 300 -500 заклепок.

Сотрудники деда Г.А. Бельчук и В.Д. Мацкевич (9) писали, что одной из первых крупных работ сварочного цеха, созданного В.П. Вологдиным, было восстановление в 1924 г. одного из пролетов железнодорожного моста через Амур, взорванного интервентами. Правда, в ходе работ сварка использовалась лишь частично. Сам же цех начал работать 1 июня 1921 года (см. рис. 18).

Рис.18. Сварочный цех Дальзавода. Слева
на переднем плане инженер Е. Тучинский

Записи отца, приведенные выше, содержат лишь беглый перечень основных наиболее крупных работ, выполненных сварщиками Дальзавода. Но кто они были, эти люди, для специальности которых пришлось придумать новое, ранее неизвестное название "сварщик". Первым, можно сказать, главным сварщиком был сам Виктор Петрович Вологдин. Ибо, как только был создан первый работающий сварочный пост, он, чтобы получить необходимые для сварщика навыки "по возбуждению и поддержанию дуги, лично взялся за электродержатель и начал систематически тренироваться, стараясь добиться сгорания целого электрода без потухания дуги". С ним в этом отношении соревновался его сын, т.е. мой отец, бывший и его учеником, и

надёжным помощником. Особенно он гордился тем, что входил в тройку выпускников института, которые в 1930 г. первыми получили звания инженеров-сварщиков. В их числе был и человек фантастической биографии Иван Степанович Дмитриев, исключительно много сделавший для внедрения сварки в разные области строительства в СССР. Он заочно окончил ДВПИ и многие годы работал рука об руку с Виктором Петровичем, помогая ему в научной, практической работе и преподавании. И великое счастье, выпавшее на долю деда, состояло в том, что рядом с ним годами трудились многие замечательные рабочие-сварщики: И.В. Аммосов, Н.А. Силин, А.В. Шадрин, И.Н. Дрокин. Все они работали и учились, стали хорошими и известными специалистами-сварщиками.

Рис. 19. Рабочие – строители первого цельносварного судна в СССР

Асами сварки были С.А. Голубев и С.И. Синенко (10). Вспоминаю об этих людях отнюдь не из вежливости. Дед просто боготворил всех их. Конечно, это было связано с тем, что в каждого он вкладывал душу. Синенко и Голубева я еще застал в живых в 1980 г., когда побывал во Владивостоке. С гордостью говорили они о том, что работали вместе с Виктором Петровичем. Но, пожалуй, главное то, что отзывались они о нем исключительно тепло и человечно, ласково называя "Петрович". А Петрович думал над тем, как упрочить позиции сварки, страдал от нехватки людей, площадей и материалов, строил планы на будущее. Первый, самый важный шаг был сделан: ослепительные фейерверки из крупных искр, фейерверки-созидатели все чаще и чаще вспыхивали то здесь, то там. Дело шло на подъем. Однако, как всегда бывает в жизни: если всё наладилось, идёт в гору – жди – непременно произойдёт нечто такое, что выбьет жизнь из привычной колеи, заставит жить и работать совсем иначе. И это «нечто» произошло: во Владивостоке установилась советская власть.

Но прежде чем рассказать о дедовых "бедах", связанных с этим событием, попытаюсь поведать о том, чем и как жил Владивосток в том далеком году. У меня сохранилась вырезка из владивостокской газеты той поры. К сожалению, не знаю её названия, хотя скорее всего это было одно из трех основных изданий "Владивосток", "Дальний Восток" или "Восточный вестник". Так вот 24 апреля 1922 г. были опубликованы два приказа Временного Приамурского правительства. Еще недавно приказом Управляющего Военного ведомства желающим было разрешено с 1 мая покидать ряды армии. Но к концу апреля, как сказано в приказе № 291, внешняя и внутренняя обстановка буквально за несколько дней так изменилась, что Председатель правительства С. Меркулов и генерал- лейтенант Вербицкий призвали не только прекратить оставление рядов армии, но высказались за объявление призыва. Городу грозили красные. Надо было спасать ДВР. В приказе № 294 есть строки, удивительно созвучные сегодняшней ситуации. Там сказано:

"Правительство считает долгом одновременно с этим объявить Армии и о принимаемых Правительством героических мерах по устроению Армии - главным образом реорганизации снабжения для улучшения жизни и быта Армии. Для смягчения тяжелых материальных условий чинов ея, Правительство установит твердую шкалу хотя бы скромного денежного довольствия, но ежемесячно и аккуратно выплачиваемого.

Правительство твердо верит, что Армия, живущая национальным чувством глубокой любви к Родине, встретит этот приказ с полным удовлетворением».

Виктор Петрович, конечно, читал этот приказ, естественно, понял его скрытый смысл, и он, разумеется, не мог не вызвать у него тревогу. Ясно, что ему не улыбалась перспектива быть призванным.

Серьезное, как всегда, соседствует со смешным. Если перевернуть газетный листок, на котором напечатаны приказы Временного правительства, можно увидеть стихотворение под названием "НЕПО". Так почему-то писалось во Владивостоке

название "НЭП". Незатейливый этот стишок, как разъяснено в скобках, "Попурри из политического фарса". Позволю себе привести его, ибо он, как и многие документы того времени, прямо перекликается с современностью.

Поскольку представители молодого поколения не очень хорошо знают политических деятелей той далёкой поры, привожу справки об основных персонах, упоминаемых в стихотворении [25-30].

"Горожане иль крестьяне,
Славьте НЕПО! Всяк кричи:
"Здравствуй, в белом сарафане
из серебряной парчи!".

Ленин Ларина прогонит,
Главки, центры разгромит...
"То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит!"

Русь, всесветная смутьянка,
Въедет вновь в тебя буржуй...
"Здравствуй, здравствуй, гувернантка,
Веселись и торжествуй!".

Наклонясь плакучей ивой,
Наш Бухарин загрустил...
"Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?".

Наша пресса уж не скроет,
В коей тяжко, не шутя...
"То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя!".

Совнархозы распускают,
А с декретами содом...
"На воз вилами кидают.
Воз растет, растет как дом!".

Упразднили мы с разбегу
Всю коммуну в полчаса...
"Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса!".

Улыбается лукаво
Лишь концессия одна.
"Ты у нас – краса и слава,
Наша сила и казна!".

Красин мягок, словно кролик:
Все уладил он легко.
"Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко!".

Но расчетливый и стойкий
Ждет и ждет буржуй-вампир:
"Скоро масленицы бойкой
Закипит веселый пир!".

Приезжает, уезжает
Вандерлип туда-сюда...
"Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда!".

Красин, что же заграница?
Что концессий не взяла?
"Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила!".

Он повез посулов бочки,
Вывозить сырье готов...
"Если барин при цепочке,
Значит, барин без часов!"

Всеми НЕПАМИ на свете
Не надуем мы купца...
"Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!".

Прекратить буржуев травлю
Приказал Ллойд Джордж крутой.
"В мерный круг твой бег направлю
Укороченный уздой!".

Нас, буржуйное отродье,
Надо в Геную зазвать.
"Здравствуй, ваше благородье,
Как изволишь поживать?!".

Что-то ждет там - угадай-ка -
Большевическую Русь?
"Делать нечего, хозяйка,
Дай кафтан - уж поплетусь!".

В мерный круг твой бег направлю,
Будет в Генуе наш срам...
"В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам!".

Коминтерн был создан красный,
В нем царит восстанья дух...
"Безобразен труп ужасный
Посинел и весь распух!".

Где ж Ильич, всему причина?
И программа где твоя?

"Догорай моя лучина,
Догорю с тобой и я!".

(Стихотворение приводится в точном соответствии с оригиналом)

Уверен, что дед читал это стихотворение и, конечно, от души посмеялся. Не подозревал он только, что ровно через 70 лет каждая строчка этого ядовитого произведения будет говорить не только о том, что у нас произошло и происходит, но даже кое-что и предсказывать. Как предсказание, естественно, следует воспринимать слова о концессиях, ведь их пока вообще нет, но именно концессия "Наша сила и казна". Прочитал, перечитал стишок и решил подготовить его к печати. Не зря же хранил его, очень и очень рискуя, Сергей Владимирович Овсянников.

Ну, а теперь вернемся во Владивосток 1922-го года. В октябре Временное правительство пало, в городе была установлена советская власть. Ильичу, как известно, это дало повод сказать слова о том, что "Владивосток далеко, но - что - это, ведь, город-то нашенский". Установившаяся же в этом "нашенском" городе советская власть начала "содом с декретами". Одним из них явный буржуй – технический директор Дальзавода Вологдин был разжалован в чернорабочие. Дед взялся за тачку. Он рассказывал, что даже с увлечением катал ее по деревянным слегам. Я хорошо представляю себе высокую фигуру Виктора Петровича, который катит тачку. Он – в рабочей одежонке, в сапогах и кепке, одетой задом наперед (т.е. козырьком назад). О кепке надо сказать особо.

Разгадав загадку стеклянных фильтров, защищающих глаза при сварке, убедился, что козырек кепки мешает пользоваться щитком. Ну он и перевернул кепку - стал носить ее задом наперед. Разумеется, технический директор, профессор, когда он появлялся в таком виде - шокировал посетителей.

С этой кепкой была связана одна история. Деда уже не было в живых, а владивостокский театр затеял постановку спектакля по роману В. Павчинского "Орлиное гнездо". Спектакль (телевизионный) назывался "Пламенем сердца". Он был показан во Владивостоке по I программе 13 марта 1972 г. В спектакле одним из действующих лиц был В.П. Вологдин (его играл засл. арт. Вл. Мялк), был и артист, исполнявший роль сварщика. Так вот у Мялка возникло затруднение: кто-то сказал, что профессор Вологдин носил кепку козырьком назад. У кого же выяснить? И вот добрались до мамы. Она подтвердила, что дед действительно во время работы носил кепку не так, как все, а как мальчишка-хулиган. Да и тогда, когда он катал тачку, дед носил кепку тоже на свой манер.

Как всякая крупная личность, В.П. Вологдин у многих вызывал интерес, а один из его учеников И.В. Горбачев, искренне любивший своего учителя и неплохо владевший пером, просто "взял В. П. Вологдина на вооружение". Благодаря ему нам многое известно из истории сварки, об учениках и сподвижниках Виктора Петровича. Но вот в одной из статей этого автора (11) я нашел такие слова: "В советсткое время полностью развернулся талант учёного-новатора. Виктора Петровича назначают техническим директором Дальзавода. Он преподает в Политехническом институте...". Так и хочется сказать: "Ну, как же это так, Иван Васильевич?!".

Я был знаком с автором этих строк и знаю, что просто он придерживался определенных правил игры - не говорить "об ошибках советской власти". Подумаешь, покатал дед тачку... Может быть от этого и развернулся его талант…

Однако дело не только в этом. Не совсем точно и то, что советская власть назначила Виктора Петровича техническим директором, а вот разжаловала она его - это точно! Впрочем, все-таки надо отдать справедливость советской власти. Комиссары скоро сообразили, что лучше дать возможность этому интеллигенту заниматься техническими проблемами, чем использовать его как ломовую лошадь. И дед вновь вернулся к любимому делу.

Сварщик - ректор

Колчаковцы в свое время откатывались на восток и во Владивостоке собралось великое множество белых офицеров, гонимых разными причинами, а главным образом – неудобством сосуществования с советской властью. Некоторые уезжали за рубеж. Одни отправлялись дальше в Харбин и затем в Китай, другие отплывали в Австралию, кое-кто отчаливал в Америку. Мама как-то говорила, что деду предлагали уехать на Яву (на выгодных условиях), но он решительно отказался. Им руководила одна философия: "Я не воевал напрямую с советской властью, и совесть моя чиста". Как известно, этого, по сравнению с тем фактом, что он был колчаковским офицером, было мало, но так или иначе, а дед оставался цел. Жили во Владивостоке и хотели работать многие из тех, кто не уехал. И вот еще в 1918 г. в городе сложилась группа инициаторов создания Дальневосточного общества содействия высшему образованию, в которую, кстати, входил Сергей Анатольевич Данилов. В том же 1918 г. инициаторы добились создания Владивостокского высшего политехникума. В 1919 г. его переименовали в Политехнический институт. Виктор Петрович с 25 сентября 1920 г. стал в нем и.о. профессора, 28 сентября 1921 г. - ректором; а немного позже еще и деканом механического отделения. При всем этом, как мы помним, он усердно развивал сварочное дело и сам выполнял наиболее ответственные работы. Жизнь была полна до краев.

Мне, поскольку я прошел школу организации учебного процесса в вузе, понятно, насколько дед был в те поры занят и как много энергии отнимали у него институт и завод. Только чисто вологдинская выносливость, доставшаяся ему, должно быть, от предков - крепостных, выручала его изо дня в день. Очевидно, он был счастлив в эту пору. У него была большая и дружная семья, и не просто семья - дом, и дом не простой, а такой, ритм жизни которого был подчинен его интересам. Главное же - у него была громадная, интереснейшая работа и много друзей-единомышленников. Из всех них я хорошо знал Сергея Анатольевича Данилова и Андрея Лаврентьевича Заседателева.

Сергей Анатольевич (как и У.К. Вильдеман, Н.Н. Рыкалин, Г.К.Татур) занимался вместе с Викторм Петровичем вопросами конструирования, прочности и расчетов сварных соединений. Собственно, он был специалистом в области сопротивления материалов. Сергей Анатольевич мог познакомиться с В.П. Вологдиным в Питере, где в 1915 г. он закончил Петроградский институт инженеров путей сообщения. Однако не исключено, что знакомство состоялось лишь во Владивостоке, ибо вскоре после окончания института С.А. Данилов уехал в этот город, где сначала работал в управлении новых работ торгового порта, а с 1918 г. начал преподавать в Высшем политехникуме. Руководил там кафедрой и лабораторией сопротивления материалов. Сваркой Сергей Анатольевич заинтересовался в 1928 г., а уже в 1929 г. появилась серия его работ, посвященных деформации сварных ферм и теории распределения напряжений в сварных швах. Это была новая, совсем неисследованная область инженерной науки. Хорошо помню Сергея Анатольевича, когда он с женой Ольгой Михайловной приходил к нам с обязательным ежегодным визитом в день рождения бабушки. Они приходили и тогда, когда бабушка была жива, и после ее смерти.

Сергей Анатольевич, когда я с ним общался, работал в Военно-воздушной академии им. Можайского. Мне доводилось много раз разговаривать с ним. Кажется, он имел звание полковника и заведовал кафедрой сопромата. Ходил он всегда в военной форме, был невероятно ухожен и аккуратен. Помню как-то раз я предложил ему посчитать нагрузки на некоторые "узлы" тела у клещей*) во время питания. Ему понравилась эта идея, но, увы, сделать нам ничего не удалось. Он вскоре умер. Говоря о Сергее Анатольевиче, надо, однако, прежде всего вспомнить не о моих любимых клещах, а о том, как невероятно предан он был памяти Виктора Петровича и дорогой нашей бабушки. Мне казалось, что он помнит чуть ли не каждый день их жизни во

Владивостоке. Должно быть, и для него это была счастливая пора... Дружба и сотрудничество с В.П. Вологдиным наложили глубокий отпечаток на всю жизнь Сергея Анатольевича в науке. В 1969 г. он выпустил книгу "Исследование прочности сварных соединений и применение результатов в судостроении". Да, конечно же, годы жизни во Владивостоке были счастливой порой его жизни.

Андрея Лаврентьевича Заседателева и его жену Антонину Васильевну помню, конечно, хуже. Дело в том, что они давно умерли, кажется, еще до смерти бабушки. Помню, что Андрей Лаврентьевич был у Виктора Петровича во Владивостоке правой рукой - проректором по снабжению. Сейчас, когда мы произносим слово "снабженец", перед глазами появляется всем известный обобщенный портрет хамоватого мужика, прощелыги и пройдохи. Андрей Лаврентьевич, как говорится, был "совсем наоборот". Это был высокий, лысый человек в золотом пенсне. Крупные черты его лица довершал большой нос картофелиной с заметными порами, в которых росли маленькие волосинки. Одевался он, можно сказать, изыскано, часто носил галстук – бабочку "кис-кис" и крахмальную манишку, а из нагрудного кармана у него всегда кокетливо торчал уголок нового платка. Короче говоря, больше всего Андрей Лаврентьевич был похож на артиста. Быть может, чуть карикатурного, но все-таки "настоящего". Это сходство не было случайным, ибо на самом деле он в первую очередь был артистом, и лишь во вторую – проректором. Андрей Лаврентьевич дирижировал студенческо-преподавательским оркестром. В нем играли и дед, и бабушка. Дед играл на виолончели, а бабушка на рояле.

О Заседателевых я должен рассказать несколько подробнее. Эта фамилия, конечно, хорошо знакома жителям Владивостока, ибо в городе есть улица Заседателева.

Этой чести удостоился брат Андрея Лаврентьевича - Александр, который был главным архитектором города. Благодарные горожане сохранили имя этого человека. Конечно, этот факт интересен сам по себе, но, вспоминая об этом, я хочу лишь дополнить представление о круге людей, с которыми сталкивался в повседневной жизни.

Александр Лаврентьевич Заседателев родился в 1899 г., а умер в Ленинграде в 1968 г. и похоронен на Северном кладбище. Я постоянно вижу его могилу, прибираю на ней, когда хожу на родные могилки. Так уж получилось, что он похоронен совсем рядом с самыми дорогими моему сердцу людьми. Замечу, что, увы, в общем-то могила временами бывает надолго заброшена, и тогда кроме нас на ней уже много лет никто не бывает. А совсем недавно к подножью памятника прислонили маленькую мраморную плитку, на которой значится:

"Нина Сергеевна ЛЕВАЯ
1905-1995"

---

*) Я специалист-акаролог, т.е специалист по клещам, а точнее, по растениеобитающим клещам.

Вспоминая деда, трудно представить себе его в одиночестве. Он всегда был с людьми. В его окружении были, разумеется, преподаватели и студенты, инженеры и рабочие. Среди друзей-единомышленников дела у него шли хорошо, и доказательством этого явилось то, что в 1925 г. ему удалось организовать первую в СССР лабораторию электродуговой и газовой сварки. Первую в СССР! Как много стоит за этими словами, если вспомнить о Николае Гавриловиче – гениальном одиночке. У деда теперь работал свой, первый в Союзе исследовательский центр - своя лаборатория. Я буду нескромен, но, думаю, что не ошибусь - все люди, добивающиеся организации "своей" лаборатории, должно быть, испытывают сходные чувства. Когда мне удалось организовать первую в СССР лабораторию фитоакарологии, я не был на десятом небе, нет. Но появилась гордая и спокойная уверенность в том, что теперь начатое дело не пропадет *). Вероятно и дед думал после создания лаборатории о чем-то похожем. Быть может в душе у него звучала музыка?

*) К несчастью, что касается меня, то я ошибся: пропала и лаборатория и мое дело. Конечно, когда-то оно возродится, но как много придется нам наверстывать…

Говорят, как песня лился первый курс электрической и газовой сварки, который он начал читать в 1925 году. Все первое: первая лаборатория, первый курс - сбывалась мечта, Виктор Петрович реально становился не только преемником, но и настоящим продолжателем дела Славянова. И ему было о чем рассказать студентам. Вот, к примеру, в 1923 г. Виктору Петровичу довелось варить бак для бензина на 300 кубометров. Опыт сварки емкостей у него уже был (в 1922-23 гг. он варил бак для масла, емкостью 2000 $м^3$). Но вот что замечательно: он не просто сварил бак, а использовал принципиально новый технический прием при его постройке, называемый "методом подращивания". Весь процесс постройки был сфотографирован и, кроме этого, сделаны стереоскопические диапозитивы. Я видел их и поэтому картина строительства стоит у меня перед глазами как живая.

Рис. 20. Погрузка на платформу одного кольца будущей ёмкости, которая строилась «по методу Вологдина», или методом «подращивания»

Вести сварочные работы на высоте трудно, и поэтому дед начал постройку емкости с "крыши". Сначала был сварен, если можно так сказать, "колпак". Готовое изделие с помощью тали подняли над землей и снизу подварили верхнее кольцо, а затем тем же способом были приварены недостающие кольца и днище. После этого емкость установили на фундаменте. Все строительство по изяществу и гармонии не уступало какой-нибудь изысканной мелодии. От отца слышал, что американцы назвали этот метод «методом Вологдина». И мне особенно приятно думать, что именно в год постройки этого бака учеником деда стал Геннадий Шевченко - наш с братом отец. Но всякая мелочь, которой приходилось заниматься, могла своим нескончаемым потоком захлестнуть большое дело. И, "сидя на мелочах", Виктор Петрович, конечно, думал о будущем. Уже был накоплен опыт выполнения самых разнообразных сварочных работ, были люди, виртуозно владевшие электродами, а главное, верившие в своего Петровича. И вот в 1928 г. дед решил построить мост. Строго говоря, это был не мост, а переход над железнодорожными путями в районе Эгершельд (или, как принято было говорить, "на Эгершельде"). Длина этого сооружения составила 25,08 м.

Когда-то я специально занимался вопросом об этом мостике. Дело в следующем: в журнале "Наука и жизнь" мне попалась статья о том, что приоритет в Европе в области сварного мостостроения принадлежит какому-то польскому инженеру. Мои раскопки позволили установить, что, хотя у поляка мост был несколько длиннее, дедов был построен по крайней мере на месяц раньше. Но теперь уже не до этого. Пусть этим занимаются историки техники. Им и карты в руки.

Одно из главных дел жизни Виктор Петрович рискнул начать в 1929 г. Именно "рискнул", поскольку риск действительно был очень велик. Речь шла о начале постройки первого цельносварного судна - буксирного катера длиною 16 м, шириной приблизительно 3,8 м и высотой 1,93 м.

Первая задача, которую предстояло решить, состояла в том, что надо было переходить на иной принцип раскроя металла. При постройке клепаных судов детали вырезали, штамповали и склепывали. При использовании сварки выгоднее было соединять не штампованные, а плоские детали, которые придавали каркасу хотя и непривычно угловатые, но в общем-то нормальные обводы. Был (и большой) риск иного рода. Оставалось далеко не понятно, как поведет себя множество сварных швов, когда все они будут "работать вместе". Как стало ясно много позже, эти опасения оказались не напрасны,

ибо вследствие возникновения внутренних напряжений и деформаций (из-за неравномерного нагрева и др. причин) корпус корабля попросту мог лопнуть.

Однако тогда ни дед, ни сварщики-практики, ни теоретики (Данилов и др.) практически ничего об этом не знали. Постройка началась и, несмотря на множество подводных камней, благополучно была завершена. В 1930 г. первое цельносварное судно в нашей стране было спущено на воду (13), о чем написано и рассказано немало. Во всех повествованиях это звучит примерно так: "В 1930 г. Дальзавод почти отказался от заклепочных соединений, и в 1930 г. было построено первое цельносварное судно". Быть может, специалисту-судостроителю эти слова что-нибудь и говорят. Но кисло-сладкая форма такой информации очевидна. И чем дальше в историю уходит это событие, тем более сухой и формальной становится информация о нем. Более того, очевидно, чтобы оно не столь сильно выпячивалось, в Киеве поставили каменный постамент, затащили на него катер и написали: **"Первое цельносварное судно "Монитор" построено акад. Е.О. Патоном".** Это уже была не просто кисло-сладкая формулировка, а совершенно непонятный поступок, оскорбительный для патоновской школы. Надо сказать, что мы никогда от сердца не умели радоваться. Радость наша была дозирована, определена (от и до) и запрограммирована. А вот когда сваренный, сваренный из кусочков-заготовок корабль, сваренный от самого начала до конца был спущен на воду и поплыл - тут было чему порадоваться от всей души, от всего сердца. В истории российского судостроения было все, но такого события не было никогда... Современникам понять это и оценить так же трудно, как невозможно по достоинству оценить появление новорожденного. Дед и его помощники, должно быть, никогда не видели более красивый корабль. Так произошло великое событие – открылся путь к ускоренному строительству нового, могущественного флота. Экономия при строительстве сварного судна составила 31%, то есть отныне вместо каждых трех кораблей можно было строить четыре!

Рис. 21. Часть корпуса первого цельносварного буксирного судна. Видны находящиеся в процессе «доводки» надстройки

К сожалению, я не знаю, как отпраздновали семья Вологдиных, завод и институт это замечательное событие. Должно быть, было много гостей, много музыки... Но, как всегда: кончились праздники - начались будни. Первый сварной катер был почти обычен по внешнему виду, ибо сохранял плавные обводы. Но сразу после его постройки дед, учитывая специфику сварки, разработал вместе с группой специалистов судно с "ломаными" обводами. Внешне оно было неказисто, поскольку борта, например, имели по два ребра. Однако, как показали испытания модели, такой катер сохранял хорошие ходовые качества. В дальнейшем строили именно такие суда. Ведь это давало большую экономию на раскрое материала. Учитывая опыт строительства этих катеров, дед смело приступил к работе по сварке двух цельносварных барж грузоподъемностью по 500 тонн. Нужны они были для Колымской экспедиции. Строились баржи для плавания только по рекам и поэтому имели облегченную конструкцию. Однако прежде чем попасть в реки Колымы, им предстояло дойти морем до бухты "Провидение". За время этого перехода в очень свежую погоду они получили ряд повреждений, но благополучно дошли до места.

Рис.22. Геннадий Дмитриевич Шевченко – один из первых сварщиков – выпускников

Все, о чем я рассказал до сих пор, большей частью не было воспоминаниями, ибо не было на свете меня самого. И поэтому я должен рассказать немного о Геннадии Дмитриевиче Шевченко - моем отце. Его родители Евгения Матвеевна Сребная и Дмитрий Михайлович Шевченко попали в Приморский край из села Галёнки на

Днестре*). Там он родился 17 января 1907 года в селе Никольском – Уссурийском (Дальневосточного края). Отец его был начальником почтово-телеграфного отделения. В 1923 г., окончив Никольско-Уссурийское реальное училище, отец в том же году поступил в Дальневосточный политехнический институт на механическое отделение техфака. Лишь в первый год учебы ему помогали родители, а с 1925 года он жил самостоятельно. За три года сменил несколько мест работы, из которых папе почему-то больше всего запомнилась работа в управлении трамвая. Он часто шутил по этому поводу. С сентября 1929 г. отец начал работать в мастерской при лаборатории сварки Дальневосточного университета в должности конструктора. С июня 1930 г. он продолжал работать там же, но уже в должности «заведующего работами мастерской».

---

*) На Дальнем Востоке было основано село Новые Галёнки

В феврале 1931 г. начал заведовать работами мастерской и с ноября 30 года работал под руководством Виктора Петровича ассистентом кафедры автогенного дока Дальневосточного политехнического института. Помимо этого отец заведовал сварочными лабораториями Политехнического института и Судостроительного завода им. Ворошилова.

Виктор Петрович, как он считал, получил надежного помощника и, видимо, вспоминая собственную трудную молодость, помогал зятю как мог. Правда, стремительный взлет молодого инженера был обусловлен не только родственными отношениями, ведь еще будучи студентом он приобрел определенный опыт работы в области сварки. К тому же, батька наш был толковым человеком, о чем свидетельствует вся его дальнейшая работа.

Рис.23. Вероника Викторовна Вологдина. Любимая дочка Виктора Петровича, помогавшая ему во всех горестях и бедах. 1927 г.

Уж как папаня охмурил профессорскую дочку - не ведаю, а только, конечно, была свадьба, должно быть, было много гостей, и среди общей радости был один грустный человек - Сергей Овсянников, который тоже ухаживал за мамой. 3 октября 1929 г. появился на свет я, а 11 сентября 1931 г. - мой брат Виктор. Мама рассказывала об этом так: "Ты еще (т.е. я - В.Ш.) родился в фешенебельном роддоме. У твоей колыбели сидели две японки и пошевеливали большими опахалами. Они и мухе не позволяли сесть на тебя. Когда родился Виктор - не было ни японок, ни опахал, но зато было много мух".

Судя по маминому рассказу, дед встретил появление в доме сморщенного младенца без всякого энтузиазма. Он брезгливо посмотрел на "существо" и больше не проявлял к нему интереса. Интерес этот, нет даже не интерес, а глубокое серьезное внимание появилось позже, когда выяснилось, что "существо" бегает и даже говорит.

Рис.24. Дед с первым внуком. Похоже, что он мне говорит: «Вырастешь – будешь сварщиком. И не забывай: жизнь прожить – не поле перейти».

Ну вот, с этого момента я и имею право начать собственные воспоминания. Интересно, что начинаются они у меня с тех времен, в коих сам облик деда у меня не сохранился. Не знаю, чем это объяснить. Видимо, это связано с тем, что был я слишком мал. Самые первые воспоминания того времени связаны с дачей, находившейся на 19 версте. Был это очень просторный одноэтажный белый дом, с верандой, окруженный большим садом. Людей, живших в доме, почти не помню. Зато хорошо помню двух собак - Рэда и Грея. Рэд был действительно красным, гладкошерстным. Не знаю точно его породы, только думаю, что это была гладкошерстная легавая. Ну, а Грей - крупная

немецкая овчарка. Я и совсем крошечный мой братец могли делать с собаками всё, что захочется. По-детски беззастенчиво, а пожалуй, просто нахально таскали мы их за уши и хвосты, садились на них верхом, совали им ручонки в пасть. В ответ слышалось лишь добродушное урчание. Собаки были любимицами деда, и воспитать их так, как они были воспитаны, мог только он сам.

Рис.25. Семьдесят лет назад сделана дедом эта фотография, подтверждающая, что он был прекрасным дрессировщиком

Живее многих других людей запомнился мне китаец-повар по имени Василий. Он носил белую курточку и высокий белый колпак. Забавно вспоминать, но в памяти моей вот уже лет 60 живет облик этого доброго и веселого человека, попечению которого меня иногда поручали, а он позволял сидеть на берегу ручейка, протекавшего через сад, мыть какие-то склянки-банки и даже пускать кораблики. Должно быть, от той поры проистекает моя любовь к воде, и, видимо, не случайно судьба определила мне мыть дома посуду.

Наше безмятежное житье-бытье во Владивостоке закончилось в 1934 году, когда семья перебралась в Ленинград. Однако до отъезда было еще далеко. Пока продолжалась владивостокская жизнь. Дедова активность не замыкалась рамками преподавания и заводской деятельности. На него благосклонное внимание обратила и советская власть. В 1926 г. он был избран в Хабаровске делегатом Краевого съезда Советов 1-го созыва, а на съезде его избрали членом исполкома. Параллельно, в том же 1926 г. дед был избран членом Окружного исполнительного комитета. Членом Окрисполкома он являлся в 1927-1928 гг. Фамилия деда неоднократно заносилась в Красную Краевую Книгу Почета. С 1925 по 1928 гг. дед был ректором Государственного Дальневосточного университета. "Перестроечный зуд" и в те годы был достаточно силен: в 1930 г. из состава университета вновь выделился Политехнический институт.

В центре кипучей деятельности Виктора Петровича, конечно, стояли вопросы подготовки специалистов-сварщиков. В 1929-30 гг. состоялся первый в истории российской техники выпуск инженеров-сварщиков. Все они получили, хорошую подготовку. Самое примечательное в организации их подготовки состояло в том, что все специальные знания они получали, можно сказать, "с пылу, с жару". На ходу совершенствовались сварочная техника и приемы сварки, закладывались принципиально новые основы конструирования, расчета прочности швов, исследовалась проблема их усталости и поведения швов при нагреве и т.д. Кстати, последним вопросом занимался мой отец.

Замечательное, и в те годы определенно уникальное достоинство организации учебного процесса в ДВПИ - ГДУ состояло в органическом единстве учебного и производственного процессов. Конечно, во всем этом исключительно велика была роль Виктора Петровича. Он и разработал, и внедрил названный принцип в жизнь. Сила такой постановки дела заключалась в том, что каждый небезразличный к делу молодой человек сразу становился душой, причастной к решению того или иного (пусть даже пустякового) "собственного", никем ранее не рассматривающегося вопроса. И еще одно. И педагоги, и студенты делали одно дело, дело живое, реальное, что неизбежно вело к развитию чувства самого настоящего (не пионерско-комсомольского), а подлинного коллективизма. У меня хранится вырезка из старой, видимо, университетской газеты. На ней статья ректора В.П. Вологдина о финансировании учебного процесса и фотография, надпись под которой гласит: «В электросварочной мастерской Ун-та. За работой студент университета и ректор проф. В.П. Вологдин».

Давно уже чиновники от образования, учитывая подобный опыт многих вузов, пришли к выводу, что образование надобно вести "комплексно", сочетая теорию и практику. Подготовка специалистов должна носить не поточно-конвейерный, а индивидуальный характер. Я глубоко уверен, что только индивидуальный, "штучный"

способ подготовки по принципу "мастер-подмастерье" может дать хорошие результаты. Всю жизнь проработав в системе образования, могу с уверенностью сказать, что лишь немногим педагогам удавалось достигнуть вершин, подобных достигнутым Виктором Петровичем Вологдиным. Он был и педагогом, и исследователем "милостию Божей". И счастливы были те, кто у него учился. Достойных учеников было много (впрочем, в значительной мере делал их такими сам Учитель).

Привожу шуточное стихотворение, которое кто-то из выпускников-сварщиков написал, кажется, в конце 60-х годов:

Первый ректор Вологдин
Здесь "дугу" зажег один,
А за ним её зажгли
Сварщики ДВПИ:

К.Любавский, Куликов *),
Дмитриев, Е.Соколов,
Академик Н.Рыкалин,
А в Одессе Миша Калин.

В Брянске есть у нас Шевченко,
И в Москве В.В.Дьяченко,
Яровинский Леня тоже
Славу сварщиков умножил.

А на Тихом океане
Исаченко очень рьяный.
Разгорелася "дуга"
Во всю ширь. Издалека

Пронесли, как эстафету
Электродугу по свету
Первые выпускники
Сварщики ДВПИ.

Ваня Горбачев за это
Прославляет их в газетах!
Лишь Доенин изменил -
Он в министры угодил.

Этот незатейливый стишок я нашел в бумагах покойного отца. Приведенные фамилии, конечно же, если что-то и говорят, то только специалистам-сварщикам. Будучи немножко знаком с этим миром, смею вас заверить, что здесь много "громких" фамилий.

Главный секрет всех успехов деда заключался в том, что он был настоящим демократом, любил и умел работать с простыми работягами, из которых делал классных специалистов.

Вот строки из рассказа об одном из верных соратников деда (10) - сварщике Степане Синенко:

"1930 год. Тогда появился на заводе восемнадцатилетний парень из Пантелей-моновки. Взяли его учеником в сварочную лабораторию. А через месяц присвоили третий разряд (два часа каждый день после работы варил "для себя"). Через год Виктор Петрович Вологдин, тогда технический директор Дальзавода, отец и бог электросварки, вызвал его к себе:

- Сваришь в эгершельдском порту двадцатипятиметровые фермы под конвейер - повышу разряд.
До сих пор стоят в порту эти фермы".

---

*) М.С. Куликов - студент деда второго выпуска, возглавлявший кафедру сварки и лабораторию после отъезда В.П. Вологдина в Ленинград

Работники вроде Синенко были надежными помощниками Виктора Петровича в процессе обучения студентов ДВПИ премудростям сварки. Этот замечательный мастер был наставником ставших профессором и доктором К. Любавского, министром В. Доенина, редактором журнала Е.Соколова и многих других. Все они были для Степана Илларионовича Костями, Васями, Женями, словом - мальчишками. Синенко очень верно определил характер взаимоотношений В.П. Вологдина с учениками и помощниками. Это были взаимоотношения мастеров и подмастерьев.

О каждом из учёных-коллег Виктора Петровича написано немало, и мне во время работы над рукописью очень хотелось подробно рассказать к примеру об И.В. Горбачеве, письма которого хранил мой отец, и обо многих других но это уже была бы совсем другая книга.

В память о коллегах и учениках Виктора Петровича приведу только групповую фотографию, сохранившуюся у деда. На ней люди старшего поколения узнают много знакомых лиц (рис. 26)

Рис.26. Ректор профессор. В.П. Вологдин с коллегами и учениками

В.П. Вологдин хорошо понимал роль своего сварочного центра, находившегося "на краю света". Он готовил сварщиков не только для себя. Почти все, даже самые первые выпускники были откомандированы в центр страны для организации сварочных работ на многочисленных новостройках и заводах.

…Прочитал написанное мною о работе деда во Владивостоке и понял, что получилась вовсе не объективная, а благостная картинка. Стоило человеку, одержимому хорошей идеей, начать дело, и все пошло само собой. Конечно, все это было далеко не так. И возражали, и сопротивлялись, и пакостили....

Сварка была новым и совершенно непривычным делом. Чтобы стать ее последователем, надо было не просто преодолеть свойственный каждому ... российский скепсис, необходимо было проникнуться определенной верой.

Успех дела в значительной мере определил ряд обстоятельств. Во-первых, Виктор Петрович занимал ключевые позиции на Дальзаводе, сам определял техническую политику. И в этом было 3/4 успеха. Во-вторых, как справедливо заметил в свое время Владимир Ильич, "Владивосток далеко...". Это был второй существенный компонент успеха. Когда центр, обеспокоенный дошедшими до него известиями о самовольных экспериментах Вологдина со сваркой, снарядил комиссию для проверки его "преступлений", "нарушений" и т.д., выяснялось, что та прибывала к шапочному разбору. Так или почти так было, когда НКПС *) решил разобраться с "самовольным" применением сварки для возведения сооружений Уссурийской железной дороги. Бывало, что запрещали эксплуатацию сварных котлов.

В общем-то рискованной и "самовольной" следовало бы признать всю деятельность Виктора Петровича на Дальнем Востоке. И то было великим счастьем, что самовольному профессору, фантазеру и первопроходцу не связывали на каждом шагу руки. Хотя надо вспомнить об одной очень печальной истории. Однажды деда принесли домой на носилках. Голова у него была разбита, а сам он был без сознания и в крайне тяжелом состоянии. К счастью, то ли в доме, то ли рядом жил врач,

вмешательство которого спасло ему жизнь. Кто, за что и где пытался его убить, мы, конечно, никогда не узнаем. Моя мама считала, что длительная тяжелая болезнь, мучившая его многие годы, была скорее всего связана с этой травмой.

Да, во Владивостоке вовсе не все шло гладко. Профессор Вологдин постоянно вел самую настоящую войну за сварку. Привычная заклепка вовсе не собиралась уходить со сцены без боя.

Чтобы победить ее, профессор в конце 20-х годов организовал в клубе металлистов диспут "Сварка или клепка?", на котором было много студентов и преподавателей.

---

*) Народный комиссариат путей сообщения

Оппонентом деда, как сообщал И.В. Горбачев, был старый техник сухих доков - человек, как принято говорить "съевший зубы" на клепке. Победил сварщик Вологдин. Эта окончательная, бесповоротная победа сварки была закреплена 3 октября 1931 г. (ровнёхонько в мой день рождения) специальным приказом по Дальзаводу, текст которого гласил:

"В целях максимального и быстрейшего освоения заводом автогенных способов работ предлагаем считать основным методом для постоянного соединения металлических деталей по Дальзаводу - метод электрической и газовой сварки". В условиях социализма это была бесспорная победа, ведь приказ - это все - это начало и конец, это жизнь и смерть любого дела. Владивостокская эпопея деда подходила к концу. И он завершил ее достойно. Сварные буксирные катера были запущены в серию.

Партия шахмат и судьба сварки

Дальзавод начал выпускать сварные 300-тонные баржи. Все работы на заводе и преподавание могли обеспечить ученики. В удивительном прекрасном Владивостоке дед прожил 14 в общем-то счастливых лет... В январе 1931 г. он взял отпуск и поехал в Москву. Там он принимал участие во Всесоюзном автогенном съезде. Вернулся же он назад, по-видимому, в июле и лишь 22 августа приступил к работе.

В те времена поезд тащился от Москвы до Владивостока не менее десяти дней. И вот, выходя на станциях что-то купить, дед на перронах постоянно встречал человека в "кожанке", перехлестнутой ремнями портупеи с пистолетом (чуть ли не маузером) на боку. Человек этот не столько что-нибудь покупал, сколько прогуливался и смотрел по сторонам.

Видимо, дед со своей лысиной и профессорскими усиками чем-то приглянулся ему. На одной из станций этот комиссарского вида пассажир подошел к Виктору Петровичу и вежливо спросил: "А вы, случайно, в шахматы не играете?".

Дед ответил, что играет.

- Так заходите ко мне, - предложил человек в кожанке, - я еду в соседнем с Вами вагоне.

Поезд уже трогался, собеседники разбежались.

Спустя какое-то время деду надоело смотреть в окно и он решил воспользоваться приглашением.

В тамбуре соседнего вагона стояли два часовых, которые при виде гостя скрестили ружья: "К кому?" Вопрос озадачил Виктора Петровича, ибо вот этого-то он и не знал. Объяснил, что пришел по приглашению человека в кожанке. Один солдат пошел доложить, а второй продолжал нести охрану "объекта".

Вскоре В.П. Вологдин и "комиссар" играли в шахматы. За партией завязался разговор - кто да что, откуда и куда. В ответ на вопрос: "А чем вы занимаетесь?" – Виктор Петрович ответил: "Варю корабли". Собеседник озадаченно посмотрел на него и с некоторым ехидством спросил: "Что, так вот кладете железяки в кастрюлю, варите - и

корабль готов?" "Ну, не совсем так, - ответил дед, - приедем во Владивосток - приходите на Дальзавод, я покажу как это делаю".

Встреча эта состоялась. Впоследствии пребывание дедушкиного шахматного соперника было увековечено мемориальной доской, выпуклые буквы которой сообщали: "29 июня 1931 года на митинге рабочих и служащих Дальзавода выступил Народный Комиссар по военным и морским делам товарищ Ворошилов Климент Ефремович". Мне трудно сказать конкретно, какую именно роль сыграла в жизни деда, да и в жизни всей нашей семьи, эта встреча. Хотя в том, что именно она обеспечила переезд в Ленинград, сомнений нет. Мне известно от дедушки, что после того, как Ворошилов увидел цельносварное судно, он сказал, что Виктору Петровичу не место на Дальнем Востоке и что он должен переехать в Ленинград, где ему надлежит преподавать в кораблестроительном институте.

Так оно потом и случилось. Но мама, объясняя мне, как и почему дед уцелел в 1937 г., рассказывала об этом так:

- Папа был по делам в Москве и там ему кто-то сказал, что во Владивосток возвращаться нельзя, ибо могут забрать. Он, не раздумывая, поехал в Ленинград, куда вскоре переехали и мы. В новую квартиру деда на пр. Динамо мы вошли 4 октября 1934 года. К тому времени все формальности уже были улажены. Дед устроился на работу, получил квартиру. Избежал ареста благодаря собственной решительности. Ну, а арестовать его во Владивостоке должны были непременно, ибо, если я не ошибаюсь, как раз в эту пору там работала комиссия ЧК, которой руководил первый заместитель Дзержинского, специалист ЧК по кадрам Дерибас. Цель его работы состояла в выявлении белых офицеров и буржуазных спецов. Ну, а дед-то как раз и был и тем, и другим. Шансов пройти фильтр ЧК на этот раз, по-видимому, не было совсем. Поразительно, но факт, что из всех четырех братьев Вологдиных ни один не был репрессирован. Ну, а в том, что он уехал в Ленинград, конечно, сыграла роль встреча с Ворошиловым, который считал, что такому специалисту, как В.П. Вологдин - место в центре судостроения. Эта мысль, пришедшая в голову будущему маршалу, оказалась спасительной для деда, да и для всех нас.

В апреле 1933 г. Виктор Петрович Вологдин был зачислен руководителем электросварки в производственно-техническом секторе ГУМСа*) при Главном управлении судостроительной промышленности. В том же году приказом от 1 ноября по Ленинградскому кораблестроительному институту ему поручается руководство работой по постановке преподавания и развитию сварки в институте на правах зав. кафедрой общей технологии. Обращает на себя внимание такая деталь - дед был зачислен на работу в Ленинграде 28 апреля, а вот из списков сотрудников Дальзавода фамилия Вологдин была исключена лишь 15 мая. Мама рассказывала, что когда дед перед переездом в Ленинград поехал в Москву, кто-то из добрых людей шепнул ему, что возвращаться во Владивосток не следует. И он махнул в Питер. Быть может с этим и связано расхождение в сроках оформления документов.

Как белый офицер В.П. Вологдин, конечно, неоднократно проходил всякие проверки. Кажется, даже проверку печально знаменитой комиссии Дерибаса. Этот деятель ГПУ не давал спуску "врагам революции". В 1933 г. дед лишь по счастливой случайности избежал ареста. Ну, а в Ленинграде, как я думаю, он уже ценился как человек, рекомендованный самим Климентом Ворошиловым. И его не смели трогать.

Дед уехал в Ленинград первым. За ним потянулись мы. К сожалению, брак наших родителей к этому времени расстроился, хотя отец еще надеялся на восстановление отношений с мамой и, конечно, помогал при переезде. Из всего пути от Владивостока до Ленинграда я запомнил только, как пассажиры волновались при приближении к Байкалу. В остальном в памяти остался лес да лес. Мама потом рассказывала, что вместе с нами ехали Сергеев и Дудинская, которым приглянулись два карапуза, и они всю дорогу с нами нянчились. Вот и все. Так мы приехали в Ленинград. Тут немножко

надо рассказать о нашем жилье. Советам хочешь-не-хочешь нужна была эта самая разнесчастная интеллигенция, и чтобы она не только была, но еще и служила, ей необходимо было жилье. И вот, говорят, знаменитому архитектору Никольскому (тому, что и Кировский стадион проектировал) поручили спроектировать чудо архитектуры - коттеджи. По тем временам это и в самом деле было чудо - двухэтажные шлакобетонные корпуса, построенные по всем правилам кубизма, но в то же время похожие на батоны, разрезанные поперек на 14 кусков. Каждый "кусок" – отдельная трехкомнатная квартира с кухней, правда, без прихожей, но зато с подвалом.

---

*) Что значит эта аббревиатура, я не знаю. Видимо: Главное управление морского судостроения.

У входа в квартиру лежало массивное, квадратное крыльцо из бетона с крышей-козырьком над дверью. В нее вело три двери - две наружных и после небольшого тамбура третья - внутренняя. Из тамбура, в котором хранились харчи, входящий попадал на кухню. На правой стене кухни (примерно посередине) висела эмалированная раковина, а левее располагалась кухонная плита. Из кухни (прямо напротив входа) еще через одну дверь можно было попасть в комнату, за которой закрепилось название "большая" (а было в ней 15 м^2). Из кухни же наверх шла лестница, прилегавшая к левой стене. Ее отделяли от кухни ажурные деревянные перила. Под лестницей, рядом с дверью в большую комнату, находился туалет. На втором этаже были две комнаты, одна площадью 10 м^2 располагалась над кухней и называлась "маленькая", а другая - над "большой" и точно соответствовала ей по размерам. Специального названия у нее не было. Достопримечательностью квартиры было фантастическое обилие окон. Она имела 28 м^2 и соответственно располагалась с краю. Поэтому окон в ней было больше, чем в других. В большой комнате окно занимало всю торцевую (противоположную двери) стену и почти половину боковой (правой). Также располагались окна в большой верхней комнате. В маленькой была полностью занята окном вся торцевая стена. Полы были досчатые, крашеные.

Рис.27. Чудо архитектуры начала прошлого века. Первая квартира с края – приют семьи Вологдиных

Да, забыл сказать, что из крана текла холодная и горячая вода, а отапливалась квартира водяными батареями. За всю свою жизнь я больше нигде и никогда не видел таких домов. Злые языки говорили, что архитектор "был вредителем" и его за эти гнусные сооружения арестовали. Одно надо сказать: в комнатах было удивительно светло... Всего таких корпусов, стоявших перпендикулярно проспекту Динамо, воздвигли шесть, причем на последний, шестой, видимо, не хватило материала и в нем оказалось, кажется, только 10 квартир. Корпуса находились в одном из самых тихих и зеленых районов города – на Крестовском острове на бывшем Александровском проспекте, переименованном в пр. Динамо. Последнее было связано с тем, что Александровский проспект упирался в стадион милиционеров и пожарников - стадион "Динамо". Быть может, был в этом расположении и какой-то умысел. Правда, ведь здорово: сборище интеллигентов в постоянном соседстве с милицией! А сборище оказалось солидным: в 80 квартирах поселились работники банка, крупные инженеры, военачальники и ученые. На дверях динамовской квартиры до войны висела искусно выполненная моим отцом табличка. На ней значилось: "проф. В.П. Вологдин". Изящная надпись была сделана тоненьким электродом, а табличка покрашена в черный цвет. Во время войны она, к сожалению, исчезла, но папа, когда я был у него в Бежице в 1949 г., сделал новую, правда, не такую красивую, ибо последние буквы не умещались и

получились кривоватыми. Эту вдвойне памятную для меня вещь я отдал в музей Дальзавода.

Кстати, табличек на дверях наших корпусов вообще было немного, хотя, как говорилось, жило там немало знаменитостей. В корпусе напротив жил композитор Олесь Семенович Чишко - автор первой советской оперы "Броненосец Потемкин". Еще одну квартиру в том же корпусе занимало семейство восточного обличья. К ней изредка подъезжал роскошный линкольн, в котором приезжал толстый, очень важный человек. Он навещал свою разведенную жену и дочь. Кто это был - не знаю.

В том же первом корпусе в квартире No11 жила семья Пиджаковых. Глава семейства служил начальником политотдела в Братском ГУЛАГе, а сын его стал моим другом. В последнем корпусе жил генерал-майор Александр Александрович Роговский - человек, награжденный в войну 1914 года золотым оружием и являвшийся инспектором кавалерии Чапаева. А в пятом корпусе, напротив Роговского, жил председатель чрезвычайных троек, а после войны – прокурор Василеостровского района Евстратий Григорьевич Василевский.

В том же доме обитал Борис Португаль - ведавший продовольственным обеспечением Ленинграда и умерший от голода в блокадном городе.

Его сын Виля Португаль был моим другом. В соседней с дедовой квартире жила семья зам. министра автомобильной промышленности Г.С. Рогозова. Главная задумка у тех, кто строил корпуса или коттеджи состояла в том, чтобы обеспечить коммунистическое воспитание их обитателей. Для достижения этого использовались следующие приемы. Дома были расположены, как я говорил, перпендикулярно пр. Динамо, причем они образовали три пары сооружений, повернутых входными дверями друг к другу. Таким образом, каждый житель, во-первых, в силу звукопроницаемости стен имел постоянную слуховую связь с соседями, во-вторых, выходя на улицу, обязательно встречал кого-нибудь из соседей (чаще двух-трех). Между каждой парой домов было пространство, годное для скверов со скамейками. Однако скверики с кустиками и газонами появились позднее, а в 1934, когда дед получил квартиру, вокруг было голо, пусто и уныло.

Как говорила мама, мы вошли в динамовскую квартиру 3 октября 1934 года. Мне тогда исполнилось 5 лет, а деду и бабушке было по 51 году. Начиналась совсем новая жизнь.

Жизнь на Динамо

Первое время наша квартира напоминала Ноев ковчег. И не удивительно, ведь в нее втиснулось все семейство плюс мы с Витькой, т.е. пятеро взрослых и двое маленьких мальчишек. В одной комнате жили бабушка с дедушкой, в другой мама с нами и в третьей - мамины братья.

Совершенно ясно, что ни о какой спокойной жизни, ни о какой научной работе деда дома не могло быть речи. Выход искали долго, мучительно, но, наконец, мама начала снимать комнаты. Сначала мы жили на какой-то Красноармейской, потом на Маклина, на Большом проспекте Петроградской стороны и на Песочной улице (ул. проф. Попова) в одном квартале от Кировского проспекта. Все это были достаточно дешевые комнаты в коммунальных квартирах. Ясно, что дед и особенно бабушка очень страдали из-за наших скитаний, хотя мы с братом переносили эти миграции совершенно безболезненно. Но бедная наша мама.... Она пыталась продолжить образование в медицинском институте. Однако о какой учебе могла идти речь, когда надо было платить за квартиру и кормить двух баши-бузуков. Она стала работать медсестрой.

Батюшка наш приехал в Ленинград, но мама была непреклонна.

Тогда, заручившись рекомендацией Викторв Петровича, отец отправился в Брянск, точнее в его пригород - Бежицу (Орджоникидзеград), где находился Бежицкий

институт транспортного машиностроения. С этим учреждением и была связана вся его дальнейшая жизнь. Вместе с отцом (или немного позже) приехал и Сережа Овсянников.

После того как число жителей на Динамо уменьшилось до четырех, дед, да и все остальные, разумеется, наконец вздохнули с облегчением и занялись своими делами. Они с бабушкой даже ездили отдыхать. Плавали по Волге, бывали на Кавказе.

Рис. 28. На отдыхе. Прогулка по военно-грузинской дороге

Дмитрий вскоре поступил в Кораблестроительный институт и, можно сказать, что история его жизни была, если не до конца ясна, то в общем понятна. Совсем иное дело мой любимый дядюшка Игорь. Если я не ошибаюсь, он начинал учиться еще во Владивостоке, но в Ленинграде заметался, закрутился, какое-то время даже работал в НКВД, зачем-то плавал в бухту Тикси. Зимовал там. Словом, причинял родителям множество горьких разочарований и хлопот.

Однако, несмотря ни на что, бабушка сделала все, что могла для стабилизации семейной жизни. Конечно, прежде всего была приведена в порядок квартира. Бабушка расставила как следует мебель, повесила китайские портьеры, которые я очень любил. На них были вытканы фигурки в красивейших, разноцветных халатах. Кто-то из этих тканых человечков играл на флейте, кто-то держал под уздцы белого коня в черных яблоках. Словом, это были не портьеры, а целые поэмы из китайской жизни. Они были обрамлены черным бархатом, а основной шелковый фон был красный. От одного этого комната на втором этаже, служившая спальней, приобрела нарядный вид. На многие годы свои места заняло и прочее убранство: бронзовые вазы, круглые фаянсовые блюда, уютная плетеная настольная лампа и большие настенные часы, которые мелодично отбивали четверти. Вести в доме хозяйство бабушке всегда помогала домработница. Помню, первую звали Женя, а сменившую ее (перед войной) - Маруся.

Жизнь была построена так, чтобы помогать работе деда. Строго фиксировано было время обеда (по-моему в 6 часов), за чем следил сам дед. При этом как нам, так и дядюшкам строго запрещалось "кусочничать", т.е. таскать куски хлеба на кухне до обеда. Стол накрывался всегда по полной форме. Это был обычный круглый стол, окруженный красивыми, обитыми кожей стульями. Каждому подавался прибор, состоящий из серебряной ложки, вилки, ножа, причем эти предметы укладывались на специальную подставку. У каждого за столом было определенное место. Каждому подавалась салфетка, вдетая в серебряное кольцо, позолоченное изнутри, тарелка для хлеба, мелкая и глубокая. Обед проходил чинно, благородно, в благоговейной тишине. Никакие разговоры не допускались, а мы с братцем с ранних лет выучили: "Когда я ем - я глух и нем". Разумеется, нельзя было чавкать, есть с ножа, стучать ложкой о тарелку, крошить хлеб и оставлять что-нибудь в тарелке. Можно было попросить положить поменьше, но не доедать было нельзя. Словом, обед в общем-то был отражением всех добрых буржуазных привычек, которым бабушка и дед были привержены еще в годы своей молодости. Если кто-то из нас - мальчишек – нарушал порядок, дед мог, хотя и символически, приложить ложку ко лбу. Но мы побаивались его только во время обеда. В любое иное время дед был "безопасен" и доступен.

Пищу обычно готовили на примусе или керосинке, позже появился керогаз. По праздникам топили плиту, дрова к которой хранились в подвале. Впрочем, торжественные обеды устраивались и тогда, когда дедушка приводил с собой кого-нибудь из коллег. Мы с братцем в таких случаях, во избежание конфуза, за стол не приглашались.

Вообще же для нас с братом побывать "у бабушки" всегда было большим и радостным событием. Нет, нас не баловали подарками, но сама атмосфера дедова дома была приподнято-доброй, светлой и спокойной. К тому же "на Динамо" можно было целыми днями "гонять собак" с большой командой таких же мальчишек, ведь стоило

только выйти на улицу и ты попадал "в собственные владения", где нам принадлежало все. Надо сказать, что дед никогда не вникал в наши дворовые приключения. Зато бабушка всегда знала все: кто с кем дружит, кто с кем в ссоре и не только это. Она знала точно кто "хороший", а кто "плохой".

Рис.29. Весь вид деда говорит о том, что дела на кафедре сварки Ленинградского кораблестроительного института идут хорошо и он уверен в будущем

Дедушка ездил на работу на трамвае. Тогда, если не ошибаюсь, туда ходил 35 номер. Кольцо его было у самого Калинкина моста, точнее, у Лоцманского переулка, на котором в доме № 3 и находился Кораблестроительный институт. До сих пор отчетливо помню, что мы с братиком каждый год бывали у деда в институте на новогодней елке. Возил нас туда сам дед. Особенно запомнилась елка в 1937 году или 1938-ом. Как на всех общественных празднествах в просторном актовом зале института ставилась большая елка. Были дед Мороз и Снегурочка. Мы, как положено, сначала дичились, ибо непривычно было чувствовать себя прилизанными и нарядными и даже иметь носовой платок в глаженых штанишках на лямочках. Потом это чувство проходило и мы с восторгом отдавались ребячьему веселью. Дед на протяжении всего действа терпеливо стоял в толпе родителей и с интересом наблюдал за нашими счастливыми рожицами. Потом нам вручали подарки. Дедова организация была богатой и там дарили не только мешочки с мандаринами, конфетами, вафлями, печеньем и шоколадкой, но к этому мешочку обязательно прикладывалась игрушка. Получив игрушки, и сдирая шкуру с пахучих мандаринов, мы шли одеваться на кафедру к деду. Помнится, что до войны его кафедра располагалась в главном здании. Радостные, с раскрасневшимися лицами мы уже предвкушали, как будем с гордостью показывать полученные игрушки бабушке и маме. Но дед не торопился домой. Так как кафедра помещалась в просторном помещении и там было холодно, он накидывал нам на плечи пальтишки, давал команду положить игрушки в надежное место и вел нас "на экскурсию". Это было много интереснее самой елки и даже всех дедов морозов и игрушек. Смеетесь. Да нет. Правда-правда. Это было именно так. Во-первых, дед показывал нам тогда, как работает электросварка. Кто-то из его помощников (скорее всего Клавдия Митрофановна Олифренко [32]) помогал нам держать тяжелые щитки с защитными стеклами, а дед варил.

Помню охватившее нас с Витькой чувство "телячьего восторга" от феерической картины славяновских искр. Это было почти как любимые нами бенгальские огни, только очень, очень большие и такие яркие (ведь мы все-таки успевали краешком глаза глянуть мимо стекла, иначе бы мы не были мальчишками).

Потом дед показал нам два "колокола". По форме это были две усеченные четырехгранные пирамиды, которые находились в подвешенном состоянии. Дед дал мне какую-то колотушку и попросил ударить несколько раз по первому колоколу. Раздался протяжный низкий звук, нараставший от удара к удару. Витюха колотил по другому колоколу, но звука никакого не было. Дед объяснил, что обе железяки были одинаковы, но лишь по-разному сварены. Но это не произвело на нас большого впечатления.

Зато следующий "номер" снова поверг нас в недоумение и, помню, мы не могли успокоиться до самого дома, да и домой-то приехали с восторженными рассказами. Дедушка показал нам точечную сварку, а мне, как старшему - более сильному и длинноногому, он позволил несколько раз нажать на педаль станка. Снова сыпались чудесные искры, а на металлическом столе оставались намертво соединенные прутки. Дедушка выгнул две заготовки в виде буквы "В" и я их сварил. Эти буквы мы, конечно же, привезли домой. Должно быть, демонстрируя нам свое волшебное царство, дед вспоминал мальчишеские годы и вспоминал славяновский завод. Однако мы тогда были еще слишком малы и "дедовы" фокусы были для нас немногим больше, чем

простые игрушки, хотя мы, разумеется, чувствовали, что за ними стоит что-то очень большое и серьезное. И, конечно же, мы оба с гордостью, взахлеб рассказывали об увиденном нашим дворовым приятелям и Сереже. (Сережей мы звали знакомого уже читателю Сергея Владимировича Овсянникова). Приехав из Владивостока, он с грехом пополам решил жилищную проблему - поселился в крохотной комнатушке на Лиговке и устроился работать на Балтийский завод, ведь во Владивостоке он получил специальность инженера-котельщика*). Сережа постоянно навещал нас с Витькой у нас дома, а также регулярно бывал у дедушки. По вечерам они с дедом часто играли в шахматы. Устраивали целые турниры.

Мы с братом шахматы не любили (у меня это осталось на всю жизнь), потому что из-за этих "дурацких шахмат" нельзя было не только поиграть с дедом или Сережей, к ним в комнату вообще нельзя было входить. Играли они при свете дедовой настольной лампы. В комнате царил загадочный полумрак и две фигуры, склонившиеся над доской, будто колдовали. И было у них в комнате невероятно тихо и тягостно-скучно. Нечаянно попав туда, мы спешили выскочить назад.

Рис.30. Сергей Владимирович Овсянников – выпускник ДВПИ. Он был в 1942 г. последним живым человеком в динамовской квартире

Шахматные баталии деда и Сережи велись не "просто так". Помню, что один их длительный матч завершился тем, что проигравший (Сережа) подарил деду настольный биллиард. К его борту была приклеена монограммка, изготовленная фотоспособом. Помню слова: "Непобедимому "Капабланке" от СВО". Этот биллиард до войны, да и после нее многим (в том числе и нам мальчишкам) доставлял большое удовольствие. По зеленому сукну весело катались большие (сантиметра два в диаметре) блестящие, хромированные шары. Помню, как заправские игроки, вроде Андрея Лаврентьевича, "мелили" к бабушкиному ужасу кий об потолок.

В нижней или "большой" комнате был еще один предмет, о котором надо рассказать особо. Его купили уже в Ленинграде. Я даже помню, как здоровые мужики затаскивали это чудо в комнату и устанавливали в углу у окна вдоль внутренней стены. Назывался этот предмет "Фонола", о чем гласила красивая, сделанная золотыми буквами на черном лаке, надпись. Буквы были "не наши", а иностранные "Fonola". Внешне инструмент напоминал обычное пианино. Да в общем-то это и было пианино, только совершенно необычное. В центре над клавиатурой, если отодвинуть в сторону стенку, открывалась неглубокая ниша. В ней центральную часть занимала расположенная горизонтально блестящая трубка с множеством мелких отверстий. Впрочем, их было ровно столько, сколько черных и белых клавиш в клавиатуре. Из-под клавиатуры выдвигался (поднимался наверх) закрепленный на петлях пульт управления. Наконец, в нижней части инструмента (тоже в центре) отодвигалась еще одна дверца, и оттуда извлекались две хромированные педали, покрытые гофрированной резиной. В верхнюю нишу вставлялся толстенный валик с бумажной лентой. Он закреплялся сверху от трубки, затем лента проходила перед трубкой и наматывалась на нижний валик. Стоило начать качать поочередно педали, валик начинал вращаться и комната наполнялась настоящей фортепьянной музыкой. Играть на этой машине можно было все от Баха до Штрауса. Дед, правда, не очень часто, но "играл" на фоноле, соблюдая все значки "форте", "пиано" и т.д., обозначенные на ленте и выведенные в виде рычажков и кнопок на пульт управления. Мы с Виктором очень любили фонолу. Поставив ленту, забирались каждый на свою педаль и качали, что было сил. К нашему неописуемому восторгу комната надолго заполнялась прекрасной, по нашему мнению, музыкой. Только бабушка играла на этом инструменте без всяких валиков, "по-настоящему". В конечном итоге, фонола была для нас не только интересной игрушкой, но и способом познания музыки. Мы быстро выучили весь репертуар, который прятался в картонных

коробках, помещавшихся между шкафом и стеной. Шахматы, биллиард, фонола - все это было по-своему любопытно. Но вот была у "большой комнаты" еще одна, только ей присущая особенность. На косяке двери дедушка периодически отмечал наш рост и против каждого штриха ставил дату. Словом, "большая комната" всегда была исполнена какого-то только ей присущего очарования. Под него подпадал всяк, кто в нее входил.

---

*) Его зачетную книжку с подписями многих преподавателей ДВГУ и в том числе В.П. Вологдина я отдал в музей Дальзавода. Здесь замечу, что, к прискорбию, у нас в семье не было никакой определенной политики в отношении скромного наследия деда. Итог плачевен: почти всё сохранившееся оказалось в разных организациях С.-Петербурга и Владивостока.

Уж коль скоро воспоминания о "большой комнате" подвели нас к теме искусства, затрону здесь эту тему подробнее.

Поговорим о склонности Вологдиных и их потомков к рисованию. Заранее прошу простить, если расскажу не обо всех талантах, а кого-то не оценю по достоинству.

Этот дар божий самым причудливым образом проявлялся в разных ветвях рода и разных поколениях. Насколько я знаю, хорошо рисовал сам Петр Александрович и, видимо, все его сыновья: Сергей, Владимир, Валентин и Виктор. Владимир рисовал столь замечательно, что его дом в Париже украшали сделанные им копии картин Шишкина. Виктор Петрович отлично знал правила перспективы, любил и умел пользоваться акварелью. Все известные ему премудрости он с удовольствием преподавал мне еще до войны, когда мне было всего пять лет. Помню, как по вечерам он сажал меня на колени. Горела уютная и любимая дедова настольная лампа, вся сплетенная из какого-то древесного прута, покрытая большим оранжевым абажуром. Этому усаживанию за наш круглый стол предшествовал "серьезный" подготовительный процесс. Я шел сначала за альбомом, потом наливал в чашку воду и приносил блюдечко или мелкую тарелку, которая, будучи перевернута вверх дном, служила для разведения и смешивания красок. Почему-то особо запомнилось, как мы рисовали берег моря. Должно быть, основательно запомнился сюжет, потому что именно в этом случае дед с увлечением втолковывал мне правила перспективы. Я, будучи малышом, не просто любил эти уроки рисования, а с нетерпением ждал их. И стоило только деду даже не сказать: "Давай рисовать", а только намекнуть на то, что он свободен и мы можем порисовать, как я тотчас, сломя голову, мчался за альбомом и кисточкой. А лежали они в нашей маленькой комнате наверху. Помню как-то раз, сбегая вниз по лестнице, я упал, сильно ушибся. С грехом пополам собрал рассыпавшиеся краски и, горько плача, подошел к деду. Помню также, что было мне страшно обидно: затеяли такое хорошее доброе дело, которого я так долго ждал, я так стремился сделать все быстро и хорошо, чтобы подольше порисовать, но почему же так больно было коленкам и почему на голове выросла шишка? Всхлипывая, сидел я на коленях у деда, и крупные слезы падали на страницу открытого альбома... Но горевал я недолго, ибо дед очень просто умел успокаивать плачущих детей. Говорил он со мной примерно так: " Ну вот, видишь, и воды теперь не надо. Смотри-ка ты какую сырость развел". Сначала мне становилось еще обиднее, а потом я начинал смеяться сквозь слезы, и вскоре урок все-таки начинался. Итоги этих уроков были таковы: я хорошо овладел техническим рисунком, особенно любил всю жизнь тушевые (штриховые) рисунки, с удовольствием пользовался акварельными красками, но рисовать с натуры так и не научился (да в общем-то и редко этим занимался). Горжусь тем, что все рисунки к моей диссертации и статьям делал всегда сам. Не менее горжусь тем, что мои студенческие учебные карандашные рисунки хранятся среди лучших студенческих

работ на кафедре зоологии беспозвоночных университета. Из моих сыновей ни один не оказался способен к рисованию. Правда, у младшего Геши был прекрасный вкус, что помогало ему при освоении переплетных работ. Должен также сказать, что он очень страдал от того, что не умел рисовать, и одно время, самоучкой, пытался одолеть премудрости художества. А вот внучка моя, Ксюша, рисует хорошо (особенно ей удаются народные мотивы на "хлебных" досках и роспись тканей). Когда мы с ней осваивали азы рисования я, конечно, постоянно вспоминал дедовы уроки.

Мой брат Виктор вовсе не умеет рисовать. Из сыновей Виктора Петровича удивительно хорошо рисовал Игорь, и дар этот вполне унаследовала и превзошла отца в художественном плане дочь Маргарита, талантливая рисовальщица, и ее дочь Юлия, занимавшаяся росписью фарфора на знаменитом ломоносовском заводе. Дмитрий Викторович, насколько я помню, хорошо рисовал только автомобили. Должно быть, это помогало ему быть прекрасным чертежником (он был главным конструктором яхты, которая строилась для Хрущева, и проектировал поисковые суда для китобойной флотилии). Дочь Дмитрия, Марианна, преподавала рисование в школе. Блестяще рисует ее внучка Майя.

У детей Валентина Петровича хорошо рисовал мой отчим Всеволод Валентинович. Его брат и сестры не сильно преуспели в этом плане. Среди его внуков и внучек пока только Елена Валентиновна Немкова профессионально занимается живописью, работает в Италии.

Не знаю, рисовали ли Борис и Надежда, но хорошо знаю (и уже говорил об этом), что сын Надежды Петровны – Ярослав Евгеньевич Сосунцов был настоящим художником, представителем авангарда, который имел свои выставки. Из потомков Сергея Петровича хорошо рисовала его внучка Майя Николаевна Худякова (Данини) - дочь Галины Сергеевны.

Зачем я обо всем этом рассказал? Да вот зачем. Музыка, живопись, вообще всякое художество (вышивка, вязание чулок) – творчество расширяют взгляд человека на мир. Именно бесконечная любовь к творчеству и была тем источником, из которого отец Вологдиных – Петр Александрович, сам дед и его братья черпали вдохновение.

Но вернемся к музыке. По-видимому, все началось с домашнего музицирования, которое было довольно широко распространено в семьях владивостокских интеллигентов, а для деда оно было продолжением питерской традиции, ведь в дедушкиной семье еще с тех времен постоянно жила музыка. По мере того как росли дети, они тоже получали музыкальное образование и включались в домашний оркестр. Игорь играл на трубе, Дмитрий – на скрипке, а моя мама и отец пели.

В книге с нарочито пролетарским названием "Товарищ Дальзавод", вышедшей во Владивостоке в 1975 г., есть статья, посвященная главному сварщику Дальзавода Святославу Николаевичу Агрономову (17). Отец его – профессор математики был проректором Дальневосточного университета (т.е. заместителем деда), а мать – выпускница Бестужевских курсов, воспитывала детей.

Так вот, автор статьи об Агрономове вкладывает в его уста такие слова: "Я вспоминаю, как собирались гости у отца. Один играл на пианино, мама пела, профессор Вологдин приходил с виолончелью, еще кто-то умел играть на фаготе...." Однако этим дедушкина музыкальная деятельность не ограничивалась. С университетским оркестром он не только выступал с концертами в городе, но много раз ездил на гастроли по Приморью. И нетрудно (пожалуй, сейчас, наоборот, очень трудно) представить себе, сколь добрые деловые отношения складывались у музыкантов одного духового оркестра. Как легко понимали друг друга в повседневной жизни те, кто на лету подхватывал, поддерживал и тянул нужную всем ноту, а все они вместе, подчиняясь взмаху палочки Андрея Лаврентьевича, делали музыку, прекрасную музыку. Нам такое теперь и во сне не снится, да и еще не скоро приснится, ибо разрушение культуры именно сейчас даже не вступило, а только вступает в завершающую фазу.

Виктор и Валентин

Мы расстались с Валентином Петровичем, когда он начал работать в НРЛ, или Нижегородской радиолаборатории. Его жизнь оказалась связана с Нижним на протяжении пяти лет. Время это неоднократно и обстоятельно описано разными авторами. Однако никто и никогда не пытался сопоставить этот отрезок жизни Валентина и Виктора.

Виктор в 1920 году зажег дугу и начал внедрять сварку в судостроение. Одновременно он много занимался преподаванием. Новое, как мы видели, пробивало дорогу через постоянную борьбу. Валентин с первых шагов деятельности в НРЛ занялся "доводкой" своей старой идеи, связанной с постройкой машинного генератора для создания первой мощной отечественной радиостанции. Уже в 1921 г. в Москве на территории радиостанции, расположенной на Ходынке, начали строительство каменного здания для нового (вологдинского) передатчика ... В нем временно была установлена 50-киловаттная машина, которую должны были сменить две по 150 кВт. Это была первая советская радиостанция, обеспечившая впервые в истории России ее связь с миром. Называлась она в духе времени "Октябрьская". Так два брата, независимо друг от друга, впервые сделали два важнейших шага в развитии отечественной науки и техники. Валентин Петрович, как и Виктор, занимался преподаванием. Интересно учебное заведение, в котором он преподавал. Во время Первой мировой войны из Варшавы в Нижний эвакуировали Политехнический институт, на базе которого был создан Нижегородский университет. В нем вместе с М.А. Бонч-Бруевичем, В.К. Лебединским читал лекции Валентин Петрович.

В попытке оценить деятельность Валентина Петровича главное – помнить, что в значительной мере благодаря ему мы имеем радио и что он – прямой продолжатель дела Александра Степановича Попова. В это трудно поверить, это трудно понять, но факт остается фактом: оба брата – Виктор и Валентин – с честью продолжили дела, начатые их великими предшественниками.

Виктор, как вы помните, относительно легко отбивал атаки противников. У Валентина же ситуация оказалась более сложной. Вместе с ним разработкой аппаратуры для радиовещания занимался Михаил Александрович Бонч-Бруевич. Бонч и Вологдин бок о бок решали одну и ту же задачу, но шли к ее решению разными путями. Валентин Петрович был убежденным сторонником машинных генераторов, а Михаил Александрович - ламповых. Получилось так, что на первых порах в ход успешно пошли машины. Даже в подписанном Лениным 21 июня 1920 г. постановлении об организации радителефонного дела в РСФСР, в частности, сказано: "Произвести переустройство Московской (Ходынской), Ташкентской, Одесской и Омской радиостанций, оборудовав их машинами высокой частоты системы инженера Вологдина" *). В связи с этим Н.Лебедев (8) не нашел ничего лучше, чем сказать: "Бонч-Бруевич и Вологдин соревновались между собой. Соревновались и сотрудники лаборатории. Но вот счастье улыбнулось и Вологдину. Установленная на строящейся Октябрьской радиостанции его первая высокочастотная машина позволила осуществить прямую связь между Москвой и Ташкентом". Оказывается, дело не в том, что Валентин Петрович и его коллектив работали как одержимые, а просто ему "улыбнулось счастье". Старания всех пишущих о конфликте Бонч-Вологдин – максимально сгладить углы и говорить об исключительно корректном поведении главных участников конфликта. Да и со слов самого Валентина Петровича это было так. Но вот одно оставалось до сих пор в тени. К доносу, опубликованному в одной из центральных газет под названием "Радиовредители, радиопростаки, или как покупают кота в мешке", быть может, имел отношение Бонч. Было ли это отношение прямым или косвенным – сказать трудно. Но факт остается фактом - был избран самый надежный способ убрать конкурента. Чего это стоило дяде Вале – сказать невозможно, ибо

руководил "расследованием" сам Феликс Дзержинский. Речь шла не больше не меньше, а о преданности (или отсутствии таковой) советской власти.

Жизнь дедова брата повисла на волоске. Спасло Валентина Петровича то, что от ЦКК проверял его деятельность честный ученый и человек проф. Ф.В. Ленгник. Интересно, что клеветник-фельетонист отделался... выговором. Словом, необходимость покинуть НРЛ надо было расценивать как благо. Валентин Петрович перешел на работу в Трест заводов слабого тока (ТЗСТ), с которым сотрудничал и ранее, и переехал в 1923 г. тогда еще в Петроград. В том же году правление ТЗСТ приняло решение об организации Центральной радиолаборатории (ЦРЛ). В ее работу и включились все основные сотрудники Валентина Петровича из НРЛ. В ЦРЛ какое-то время работала машинисткой и моя мама. Семья Валентина Петровича вначале жила на Каменном, потом переехала на пр. Добролюбова и, наконец, на Крестовский остров, где ей принадлежало 2/3 дома № 1 по Эсперовой улице. Было это в 1925 году. Таким образом, когда Виктору Петровичу дали квартиру на Динамо - семьи братьев оказались почти соседями.

---

*) Шамшур Б.И. Ленин и развитие радио. – М.: Связьиздат, 1960.

Так уж определила судьба, что из всех пятерых братьев Виктор Петрович почти всю жизнь после возвращения в Питер прожил рядом с Валентином Петровичем. По этому, да и по ряду других причин эсперовский дом играл заметную роль в жизни двух семейств. Крестовский остров, на котором жили братья, был удивительным местом в Питере. Всего этот остров занимает 420 га. Длина его с востока на запад больше четырех километров. Остров был населен до основания Петербурга и звался по-фински Ристи-Саари, откуда русское название – калька Крест-Остров, или Крестовский остров. На Эсперовой улице, насчитывавшей всего 7 домов, в доме № 1 и жила семья Валентина Петровича, занимая в нём 2/3 хоромов.

Рис.31. Дом Валентина Петровича на Эсперовой улице.
Сейчас на этом месте зеленеют газоны

Мой дед, как я уже говорил, поселился на Александровском проспекте, который вскоре был переименован в пр. Динамо.

Эсперовский дом был для нас "землей обетованной". Мы очень любили там бывать. Дом был загадочный, интересный каждой своей деталью, поражающий удивительным несходством его обитателей и принадлежащих им комнат.

Братья Виктор и Валентин виделись редко, хотя, пожалуй, до войны они встречались чаще, чем после нее. Поводом для встреч, во-первых, бывали те же традиционные семейные концерты, а во-вторых, семейные торжества. Для музицирования обычно собирались на Эсперовой. Мы с братом почему-то не переносили, когда мама пела:

Ах, попалась птичка, стой.
Не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете.

Стоило ей пропеть первую строку, мы начинали горько рыдать, уткнувшись ей в подол. Один спереди - другой сзади. Это был шуточный номер, который часто исполнялся после концерта серьезной музыки. Во время всех и всяких торжеств эсперовский дом наполняли многочисленные члены обширного рода Вологдиных, жившие в Ленинграде. Помимо членов семей Виктора и Валентина Петровича там бывали дочери Сергея Петровича – Галина, Ирина и Наталья. Галина приводила с собой дочь Майю, а Ирина - Ксению, или, как мы ее звали, Ксюшку. Всего собиралось человек 20. Со временем сыновья женились, дочери выходили замуж и круг родных прирастал за счет

мелкоты. В послевоенные годы, когда живы были все представители старшего и среднего поколений, в двух семьях Вологдиных насчитывалось более 30 человек.

Дачи, любимые дедовы дела и забавы

Каждое лето мы жили на даче. Дед и бабушка частенько навещали нас. Главных дач в нашей довоенной жизни, можно сказать, было две. Первая находилась в окружении деревень Скворицы, Тайцы, Телези, Аропаксзи, Кайпалази и села Русско-Высоцкое. Ближе всего мы жили к деревне Кайпалази. К сожалению, ее начали сносить и перевозить дома в "центр" еще в 1939-1940 годах. Недалеко от этой небольшой деревушки находился так называемый форт Харью - невысокая, с пологими склонами горка (нам, малышам, она казалась настоящей горой), на ее склонах сохранились заросшие травой и кустарником окопы. В них когда-то держали оборону солдаты генерала Юденича. Если продолжить путь прямо от Кайпалази на Харью, то примерно через километр, свернув с дороги направо, можно было дойти до дома Пелле. Хозяин хутора Отто Пелле был рослый худой ингерманландец. Если не ошибаюсь, у него мы жили только один год. Позже мы переехали на другой хутор, расположенный еще дальше от Харью все по той же дороге. Если Отто Пелле сдавал нам только одну комнату, то вся прелесть новой дачи состояла в том, что здесь хозяева уезжали в Скворицы к родне, и мы на все лето оставались хозяевами дома и всех построек. Боюсь, что злоупотребляю описанием жилья, поэтому здесь замечу лишь, что наша дача представляла собой типичный бревенчатый финский дом, крытый дранкой. К дому из двух небольших комнат примыкал громадный сарай с сеновалом и хлевом. Самого скота не было, а пустой сарай с прохладным, ровно утрамбованным земляным полом был любимым местом наших игр в жару и дождь. Высоко под крышей в сарае гнездилось множество ласточек. Перед домом был огород и сад из нескольких яблонь и кустов смородины. Недалеко от дома находились колодец и маленькая банька. Возле дома стояла громадная густая ель, а почти сразу за домом начинался лес. Сначала шел мелкий сосняк, росший на песке. Он назывался "детский лес", а потом начинался настоящий, большой лес - довольно сухой ельник с подлеском из ольхи, березы, ивы.

Нас с братом вывозили на дачу в начале июня, и мы жили там до конца августа. Это для нас была самая дивная, самая счастливая, пора жизни и, думаю, не только для нас - мальчишек, но и для всех взрослых. Дедушке не всегда удавалось получить отпуск, когда хотелось бы. Но он не унывал и, как видите, устраивал «дачу в городе».

Рис.32. Дед готовит грядку под окном динамовской квартиры. Здесь бабушка посадит цветы. Ну, чем не дача?!

К тому времени оба дядюшки женились, но детей у них еще не было. Наши красивые молодые тетушки придавали всему дачному бытию своеобразную прелесть. Сюда нередко наезжали бабушка и дед, а иногда и отдыхали с нами. Бабушка готовила, а отдыхая, предпочитала сидеть в шезлонге и читать или вязать. Зато дед очень часто ходил с нами в лес. Он был заядлым грибником. Главное же в том, что он был, нет, не веселым, а просто жизнерадостным человеком. Выражалось это не в неумеренных восторгах по поводу найденного гриба, а в том, как дед улыбался, укладывая гриб в корзинку. К тому же, он всегда находил повод для шутки, причем шутки его ни в какой мере не были сродни балаганному каскаду. Шутил он чаще всего с очень серьезным лицом, и из-за этого сказанное вызывало еще более веселую реакцию окружающих. Сам дед при этом громко не смеялся, а тихо, как бы про себя и сам себе улыбался. Глаза его становились необыкновенно добрыми.

Дедушкин день рождения (28 августа) приходился на летнюю пору, и его обычно праздновали на даче. В этот день съезжались все. Готовились сюрпризы,

индивидуальные и коллективные подарки, а главное - выпускалась газета. Особенно торжественным было празднование 55-летия деда в 1938 году. Тетка Анастасия, тогда 18-летняя молодая мама, положила много труда, чтобы испечь праздничный крендель, который, насколько помню, собирались украсить свечами. Дед ходил тут же, и поэтому крендель делался в строгой тайне. Мы с Витькой были предупреждены о возможном наказании "за разглашение секрета". Помню братишкину задумчивую рожицу. Его так и распирало от того, что он владел самым настоящим секретным секретом. Кончилось тем, что он не выдержал и выдал его, сказав: "Дед, а знаешь, какой тебе пекут клендер...". За предательство доносчик был основательно дран полотенцем. Приговор привела в исполнение мама. Дед за наказуемого вступился очень неуверенно, и тот получил сполна. Его протяжный вой долго доносился из угла, в котором он отбывал дополнительное наказание. Потом Витьку долго дразнили, спрашивая: "А крендель помнишь?"

Трудно передать общую атмосферу подъема, царившую в нашем домике на протяжении нескольких дней до торжества. Особенно много труда было вложено в газету. Ее делал Всеволод *), Сережа и Анастасия - жена Дмитрия. Газета была "настоящая". Называлась она "Мухомор". Запомнил название потому, что мне позволили этот гриб раскрашивать. Анастасия замечательно рисовала и писала очень симпатичные стишки. Одно из стихотворений было посвящено Витьке и коту Мяушке - игривому рыжему существу, другу мышей и мученику малышей. Была в газете и "серьезная" передовица. Словом, все было на высоте. Выдумок и сюрпризов вообще было без счета.

Длинный праздничный стол накрыли в саду, прямо под окнами. Помимо блюд на нем стояло множество полевых цветов, которые любил дед. Не помню, ставилась ли на стол водка, но в том, что было много самодельного вина - уверен. Делали его Всеволод и мама. В прохладной комнате стояло много бутылок с черничной, брусничной и смородинной настойками. Причем в силу неумелости виноделов некоторые бутылки с оглушительным треском взрывались, разбрызгивая кругом красивые красные кляксы.

Празднество шло очень долго и весело. Помню, что Сережа много фотографировал и, чтобы сделать общий план, даже забрался на крышу. До пьяна на семейных торжествах вообще никто и никогда не напивался. После застолья уже в сумерках все вместе ходили гулять. Правда, мы – малыши многого не видели, ибо торжество – торжеством, а нас всегда старались уложить вовремя спать.

65 лет отделяет меня от того праздничного дня, а я и сегодня помню счастливое лицо деда. Он был среди родных или много лет знакомых, близких людей, каждый из которых как мог старался выказать ему свое уважение и любовь. Разумеется, старались и мы с Виктором.

На наше отношение к деду накладывало отпечаток очень многое. Первое, о чем надо сказать – он никогда не был для нас неприкосновенной личностью из иного, незнакомого нам строгого мира - "профессором", он всегда был просто дедом, и звали мы его одно время дед-бородоед. Это было прозвище из какой-то сказки, и Виктор Петрович воспринимал его просто и естественно, как нечто само собою разумеющееся. Правда, когда дедушка был занят, особенно если он с кем-либо разговаривал (даже из домашних), мешать ему было нельзя, и мы это усвоили с раннего детства. Из сказанного может сложиться впечатление, что дедушка был этаким бодреньким старичком-добрячком. Нет, не было ничего подобного. Более того, посторонние, плохо знавшие его люди, считали деда суровым, замкнутым человеком. Впрочем, в нём действительно была настоящая суровость, и если кто-нибудь из нас капризничал, то стоило только деду строго взглянуть на шалуна – тот тотчас становился тихим и послушным. Иногда дед прибегал и к такой мере наказания, как постановка в угол "АВС". Сам стоял, помню, знаю, ценю.

---

*) Старший сын Валентина Петровича

Впрочем, несмотря на то что, с одной стороны, мы боялись дедова взгляда, с другой - никогда не считали его слишком строгим. Должно быть, происходило это от того, что он был справедлив. Да и вообще, главное в отношении к нему формировалось совсем не в связи с карами.

В доме были и детские праздники, а все наши дни рождения праздновались обязательно и отмечались не в наших коммуналках, а только у деда и бабушки на Динамо. При этом мы всегда получали подарки и от бабушки, и от дедушки, но самое существенное то, что на дни рождения всегда приглашалось много детей, а дед обязательно играл с нами. Игр он знал множество, но особенно любил игру в колечко. Бабушкино золотое обручальное колечко нанизывалось на большое кольцо, связанное из шпагата. Играющие становились в круг, а тот, кто водил, становился в центр. Все участники игры, держась за шпагат, начинали двигать руками, то сближая, то раздвигая их, причем так, чтобы коснуться рук соседа. Кольцо же незаметно передавалось друг другу, а водящий должен был отгадать, у кого и в какой руке оно находится. Все хохотали особенно весело, если "водил" дед.

Когда мы подросли, дедушка купил лото, и мы, включая бабушку, с азартом выстраивали на картах пузатые бочонки с красными цифрами. Но с каким-то совершенно особым чувством вспоминаю до сих пор, как умел дед приободрить нас во время болезни. Помню, как совсем маленьким мальчишкой лежал я с воспалением легких в бабушкиной кровати. У меня была температура, болела голова и было очень грустно и одиноко. Хотелось что-нибудь "поделать" (порисовать, полепить из пластилина), но все эти занятия "не шли" - очень быстро уставал. И тут пришел дед. Посидел немного рядышком на стуле. Расспросил о здоровье. Потом ненадолго спустился вниз, а вернувшись, начал делать что-то непонятное. Взяв прочную нитку "ирис", он то пропускал ее под кроватную ножку, то поднимал ее оттуда к кольцам занавесок и продевал нитку в них. Действуя таким манером, он вскоре опутывал ниткой всю комнату и замыкал ее в кольцо. После этого к прочной основе на разном расстоянии привязывали пучки разноцветного мулинэ. И тут началось главное. Дед взбил мне подушку и, приподняв, усадил меня. Затем дал в руки нитку и сказал: "Тяни". Я потянул. И что тут началось... Белые, красные, желтые, синие, зеленые "телеграммы" вспорхнули, как стая разноцветных бабочек, и поехали в самых разных направлениях: одни поднимались, другие опускались.

Одни ехали ко мне, а другие, наоборот - от меня. Некоторые на какое-то время исчезали то за занавеской, то за шкафом, а потом вдруг появлялись вновь. Дед сидел рядом, следил за игрой и радовался тому, что счастливый мальчишка, забыв о головной боли, блестящим, восторженным взглядом следил за сказочным, легким полетом "телеграмм". Потом дед уходил, а я долго продолжал игру. Да и не игра это была, а какая-то занимательная, волшебная сказка.

Вечером, когда меня укладывали спать, я просил: "Только не убирайте, пожалуйста, "телеграф"". И его сохраняли, хотя он, конечно, мешал и бабушке и деду. Были в дедушкином арсенале и другие забавы. Он нередко устраивал замечательный театр теней: складывая определенным образом руки, изображал самых разных зверей. Здесь были зайцы, волки, лисы и смешные человечки, которые разыгрывали на стене целые представления.

Дед был хозяином одного удивительного предмета, который в те времена носил замечательное название "волшебный фонарь". Это лет двадцать назад все мальчишки и девчонки знали слово "диапроектор", или просто "проектор" (теперь и его-то почти забыли), а все запросто каждый день смотрят телевизор, либо играют в компьютерные игры. Ну, а в нашем детстве существовал фонарь, да не простой, а волшебный. Хранился он в особом красном железном ящике, который открывался, как пенал. Дед нечасто извлекал его, но зато, когда чудо появлялось на свет, - на простыне, повешенной на дверь в большой комнате, появлялись замечательные "Туманные

картины". Диапозитивы тогда были большие, изготовленные на стеклянных пластинках. У деда были и детские, и "взрослые" фильмы. Многие из них он делал сам, ибо был хорошим фотографом. Помню, была у нас небольшая железная коробочка, в которой хранились дедовы диапозитивы по сварке, но она после войны безвозвратно пропала, о чем очень горевали дед, папа, дядюшка Игорь.

Надо также вспомнить о стереоскопических снимках, которые нам иногда показывал дед. Среди них были покупные, даже раскрашенные картинки, а также снимки, сделанные им самим. У меня до сих пор хранится футляр его стереоаппарата, которым делались эти снимки. Пока дед был здоров, он очень любил мастерить все необходимое своими руками. А когда была возможность привлечь к работе нас, он это делал обязательно. Помню, как до войны (мне было тогда лет 10) мы с дедом делали приспособление для открывания и закрывания штор. Это было нехитрое сооружение из шнура и колец. Но при выполнении работы дедушка сначала нарисовал схему, объяснил принцип действия приспособления. И только потом мы приступил к делу. Дедушка, когда он руководил, не сидел в стороне, а стоял рядом и давал "ЦЭУ", однако никогда не говорил "под руку" и не критиковал плохо сделанное, а старался заранее подсказать подходящий прием. Он очень ценил хороший окончательный результат труда. Окончив работу, мы не один раз по очереди раздвигали и задвигали шторы. Хорошая работа поощрялась: можно было получить конфету, кусок пирога или еще что-нибудь.

Правда, когда болезнь деда начала прогрессировать, он стал раздражителен, сердился на неумелого исполнителя и мог наградить его наименованием "бестолочь". В таких случаях обычно вмешивалась бабушка и конфликт улаживался. Самое обидное наименование звучало у деда так: дубина ты стоеросовая. Должно быть, это специально вологдинское уничижительное название для дурня, ибо его я больше не слышал нигде и никогда. Что значит "дубина", разумеется, было понятно, но вот, что означает "стоеросовая" - не выяснил до сих пор... Вообще же дед охотно паял, строгал, подшивал валенки, делал набойки на обувь. В молодые годы ему, как рассказывала мама, особенно нравилось вязать детям (на вязальной машине) чулки.

Теперь, после некоторого отступления, снова вернемся к дачной теме. С 1939 года мы снимали дачу в другом месте - в деревне Пундолово. Попасть туда можно было так. До Ржевки (до кинотеатра "Звездочка") трамваем. А оттуда автобусом, который шел на Колтуши (в "столицу условных рефлексов"). Выходить надо было после деревни Янино. Дорога на Колтуши шла направо, а к нам на дачу надо было сворачивать налево... В Пундолово дедушка и бабушка снимали комнату отдельно от нас (в другом доме). Один год в соседней деревне Орово снимал дачу и Игорь с женой Мариной и маленькой Татьяной (теперь Татьяной Игоревной Попенченко).

Сама деревня, в которой мы жили, располагалась на песчаных холмах, а сразу за околицей, с одной стороны – поля, с другой – прекрасный сосновый лес. За лесом было небольшое озеро – Пуноярви с топкими берегами. Потом (по направлению к городу) шли болота, а за ними располагался артиллерийский полигон, снаряды на котором рвутся до сих пор (!). Только в 1990 году, когда к нему вплотную подошли городские кварталы, встал вопрос о его ликвидации. В пундоловском лесу было очень много грибов, преимущественно белых. И вот здесь особенно проявилась дедова страсть - и он не просто любил, а обожал сбор грибов. Я уже говорил, что он был удачливым сборщиком. Ходить с дедом по грибы было "не выгодно", так как самые симпатичные, самые пузатенькие боровички, казалось, сами выбегали ему навстречу. Во время походов в лес дед обычно брал с собой "лейку" и все "выдающиеся" грибы обязательно фотографировал. Вообще, как я говорил, фотография была его страстью. Забавно, что, пользуясь фотоаппаратом, дед, как при выполнении сварочных работ, поворачивал кепку задом наперед. Впрочем, делал он это и когда просто сидел на солнышке, на берегу озера, прикрывая кепкой свою лысую голову.

Лето 1940 года в Пундолово, как мне кажется, было самым счастливым летом в жизни деда и бабушки и, разумеется, в жизни всей семьи. Дочери Дмитрия и Анастасии Марианне исполнилось три года, и она стала забавным человечком. Появилась на свет симпатичная толстенькая Танюшка – дочь Игоря и Марины. Плюс давно существовали мы с Витькой. Дедушка и бабушка, приближаясь к своему 60-летию, имели двух внуков и двух внучек. Я не склонен переоценивать значимость названных приобретений, но главное достоинство состояло в том, что при них либо постоянно состояли родители, либо эти самые родители приезжали их навестить, и благодаря этому семья чаще собиралась вместе. А это, как известно, одна из самых больших радостей для стариков. На даче постоянно жил с нами наш будущий отчим – Всеволод Валентинович Вологдин. В 1941 году мама вышла за него замуж. Думаю, что существенную роль в этом замужестве сыграла болезнь Всеволода. У него был туберкулез позвоночника. В итоге молодой, красивый человек превратился в инвалида - согнулся крючком и стал ходить с палочкой. Во время болезни мама ухаживала за ним, при этом, конечно, я в этом уверен, играло существенную роль её беспредельное человеколюбие. К этому надо также добавить, что Всеволод был добрым и умным человеком, мы его очень любили. Правда, эта новая привязанность наша не могла вытеснить из мальчишеских сердец Сергея Овсянникова. Сережа постоянно приезжал к нам на дачу. Ну и нередко случалось так, что наезжали гости: брат Всеволода Владислав, наши родственники и знакомые: Леня Балдин с женой Соней, Зоя Дмитриевна Меркурьева. И тогда все вместе ходили на озеро купаться. Дед очень хорошо плавал и охотно дурачился вместе со всеми: то он топил плот, а то придумывал иные каверзы. К этому надо добавить, что он всегда играл во все игры, в которые играли молодые. Любил теннис, а уже в пожилом возрасте играл в лапту и городки, задорно кричал вместе со всеми, когда играли в классы. Помимо сбора грибов он любил рыбалку. Впрочем, в Пуноярви он рыбу не ловил, так как справедливо полагал, что ее там почти нет.

Отдыхая на даче, дед много и с увлечением читал. Что он любил – не знаю, ибо был мал. Помимо чтения дедушка постоянно работал – занимался чтением специальных книг и что-то писал, хотя, к сожалению, последнее давалось ему с трудом. Обнаруженная у него болезнь Паркинсона прогрессировала. Выводить буквы дрожащей рукой становилось все труднее.

В 1941 году мы выехали на дачу 1 июня, а 30 июня дача кончилась. В тот печальный год дед как всегда вскопал грядку под окном динамовской квартиры, а бабушка посадила цветы. Вскоре после возвращения с дачи нас эвакуировали из Ленинграда в пос. Борок Некоузского района Ярославской области, а дедушка, бабушка, мама, Всеволод и Сережа остались в Ленинграде. Шли первые месяцы страшной войны.

Эвакуация. Пермь

Вскоре мама приехала за нами в Борок, и мы поплыли пароходом в Пермь. (Кстати, хозяином Борка был в те поры здравствовавший народоволец Николай Александрович Морозов, и мы даже пили у него чай).

Позже туда же приехал со временем Всеволод Валентинович. В Перми было уже голодно, и по городу циркулировали все более и более тревожные слухи, сначала говорили, что Ленинград окружен (тогда еще не утвердилось слово "блокада"). Потом заговорили, правда, только шепотом (нельзя было распространять слухи!) о том, что в Ленинграде голод. В сентябре 1941 г. бабушка и дед, к счастью, были эвакуированы из блокадного города. Кто-то из руководства сообразил, что нет смысла терять ученых, застрявших в блокированном городе. Решили их срочно вывезти. Летели на военном "Дугласе". Самолет не отапливался, его тонкие стенки, как рассказывал дед, покрылись инеем и наледью. Но, к счастью, поскольку было разрешено вывезти очень не большое

количество вещей, все пассажиры одели на себя все, что возможно. Дедушка одел на себя два пальто. Демисезонное и коричневое кожаное, в котором он сфотографировался в 30-х годах – счастливых годах.

Представляю себе, как страшно было лететь бедным старикам. Дед уже тогда был далеко не здоров, а бабушку мучал очередной тяжелый приступ астмы. Но, главное, я почти уверен, что и дедушка, и бабушка летели на самолете в первый (да и в последний) раз. Они потом красочно рассказывали о том, как их швыряло. Но, так или иначе, а чудо американской авиационной техники без приключений доставило пассажиров на Большую землю. Где сел самолет – не знаю, но дальше ехали поездом. Состав прибыл на станцию Пермь II. Бабушке было так плохо, что транспортировали мы ее на стуле. То волокли, то несли. Поселились все вместе в доме Алексея Несторовича Зеленина на Коммунистической улице, дом 131. Хозяин наш приходился нам родней, хотя родство это было довольно сложным. Сам Алексей Несторович был сирота. Сызмальства работал подмастерьем у богомазов, расписывавших потолки храмов вдоль по Волге. Потом учился, и под конец жизни был довольно известен. Во всяком случае, его величали старейшим художником Урала. Его первая жена была родной сестрой Марии Федоровны Теплоуховой – жены Валентина Петровича Вологдина. Она рано умерла, и Алексей Несторович женился на Ольге Михайловне, которая тоже была художницей – замечательно работала акварелью и особенно здорово расписывала ткани. Её изящные ирисы, помню, украшали заказанную кем-то раздвижную ширму. Алексей Несторович всегда казался и мне, и Витьке немножечко волшебником. Он делал изумительные игрушки. Смешные человечки, забавно кувыркаясь, выкатывались из красивого грота и попеременно, то садясь, то становясь на голову, скатывались с горы. Мастерскую художника украшали самые разнообразные куклы для кукольных театров. А однажды для какого-то детского праздника Алексей Несторович сделал верблюда, у которого были замечательные, совсем живые, блестящие стеклянные глаза.

В Перми дедушка, чтобы состоять при деле, был прикомандирован к Слудскому судостроительному (судоремонтному) заводу. Консультанту такого класса, как дед делать на этом крошечном предприятии было нечего. Однако, несмотря на то, что на завод надо было плавать через Каму, он регулярно отправлялся на работу. Таким образом, дед честно зарабатывал свои деньги и продуктовые карточки. Кстати, его как профессора, а вместе с ним и нас, прикрепили к какому-то престижному распределителю (кажется, это был гастроном №1). Но случилось это спустя значительный отрезок времени после приезда из Ленинграда. А на первых порах мы кормились, покупая харчи в закусочной. Осенью и в начале зимы 1941 года все магазины Перми были буквально забиты консервами из крабов "Chatca", которые имели очень красивые этикетки. На белом фоне топорщился симпатичный красный краб. Фантастические горы и пирамиды консервных банок самой разной формы украшали витрины всех продуктовых магазинов. В банном аптечном ларьке тогда можно было купить слабительное, сладчайший ревенный сироп. Мы прекрасно использовали его вместо сахара. Вообще же мы были столь непрактичны, что ничего не покупали впрок, и уже зимой 1941 года пили чай с сахарином, а подчас – просто "с таком".

Наше кормление "от закусочной" строилось по определенной системе, главным звеном которого был дед. Его работа была самой трудной и ответственной. Поздним вечером дедушка, потеплее одевшись, отправлялся на соседнюю (параллельную Коммунистической) улицу, на которой и находилась пресловутая закусочная. Но подходить к ней было нельзя (охранял милиционер). Примерно в одном квартале от закусочной дед находил одинокую фигурку, переминающуюся с ноги на ногу. Этот человек был "последним". Он передавал деду тетрадку, содержащую список тех, кто уже занял очередь, и уходил, дед вписывал туда всех нас (за исключением бабушки,

которая далеко не ходила) и начинал с независимым видом прогуливаться взад-вперед. "Гулять" приходилось до тех пор, пока не приходил новый "последний". Иногда эти поэтические прогулки продолжались часа два и больше, а стояли самые настоящие трескучие морозы. Я как-то раз ходил с дедом и на всю жизнь сохранились в памяти скользкие деревянные тротуары едва освещенной улочки с раскачивающимися на столбах желтыми лампочками под колпаками, покрытые инеем. Черные ряды домов были охвачены заиндевевшими заборами, а над некоторыми крышами причудливо вились дымки. Иногда над ними взлетали и быстро гасли одинокие искры. Мороз был так силен, что холод казался не только осязаем, но и хорошо виден. Он, тяжелыми клубами, медленно перекатываясь, тянулся вдоль улиц. На шарф намерзали сосульки, ибо живой теплый пар леденел на лету. У деда под носом вместо профессорских усиков возникала большая белая клякса, а усы у него тогда еще не были совсем седые. Невеселые эти прогулки были лишь прелюдией к основному действу. Когда начинало светать, надо было становиться в очередь. Очередь была гигантская. Она тянулась вдоль длинного деревянного забора, охватывавшего какую-то стройку. Люди стояли неровной цепочкой и образовывали широкую и длиннейшую толпу. Стояли целые семьи, причем одни люди приходили, другие уходили. Но кто-то один "основной очередник" стоял в главной очереди и намертво держался своей позиции. У нас таковым был обычно дед. Нас с братом жалели и часто отпускали домой погреться. Ко времени, когда подходила пора попасть внутрь закусочной, в очередь становились все, ибо харчи отмерялись по числу наличествующих ртов. Торговали же в закусочной сначала вареными курами и бульоном. Потом остался только жидкий бульон, а позднее ее вовсе закрыли, и тогда мы начали по-настоящему бедствовать. Был только хлеб. Больше не было ничего.

Впрочем, выход мы все-таки нашли. Кому это пришло в голову – не знаю, но мы – мальчишки начали ходить на помойки при закрытого типа столовых и собирать там очистки. Надо сказать, что мы не чувствовали себя униженными или обиженными. Выбирая очистки пожирнее, такие, на которых было больше собственно картошки, мы, в общем-то, думали о том, что накормим всех и поедим сами. Принесенные подмерзшие очистки мыли теплой водой, пропускали через мясорубку, добавляли туда молотой редьки, которую не помню, как добывали, и потом жарили "оладьи". Жарить любили мы с Виктором. Когда в печи-голландке, покрытой изящными изразцами, сделанными самим Алексеем Несторовичем, нагорали крупные красивые угли, мы ставили на них большую сковороду. Вместо масла использовалась вода, и "оладышки" не жарились, а скорее – варились. Впрочем, снаружи они даже подрумянивались, а нередко подгорали. Тогда мама говорила: "Ну, ребята, что-то негров напекли". И "негры" и не негры были одинаково ужасны на вид. Но есть-то хотелось. И все мы обедали, съедая жидкое грязно-коричневое месиво, ведь внутри "оладышки" вовсе не пропекались. Нам было трудно и тоскливо, но никто и никогда не распускался, а в тонусе всех держал дед. Он всегда любил шутить и глубоко иронично, всегда с легкой издевкой говорил обо всем том печальном, к чему наша жизнь имела касательство.

Когда ввели карточки на хлеб, дед как глава нашей семьи вынес вердикт: всем выдавать поровну. А ведь на рабочую карточку хлеба давали больше. Когда кто-то, посланный за хлебом, приносил весь паек, его делили на ровные порции. Для развешивания были сделаны весы. Руководил их изготовлением дед, а делили их мы с Витькой. Это было простенькое сооружение: слегка изогнутая планка, просверленная посередине, с продетым в дырочку проволочным хомутиком, который служил осью и позволял подвешивать весы, на концах планки были закреплены на шелковых нитках картонные чашечки. Весы постоянно висели на окне, и это имело большой смысл, ибо они служили символом "хлебной жизни".

После развешивания хлеба каждый, получив свою порцию, втыкал в нее проволочный штырек с этикеткой, на которой значилось имя владельца: "Мама", "Дед", "Валя", "Витя",

"Майя", "Бабушка". Рисовал этикетки я, а сделаны они были с большим тщанием цветными карандашами. Проволочный штырек был очень практичен, ибо позволял прикрепить к порции и все довески. Хранился хлеб в кухонном столике, стоявшем в комнате. За все тяжкое время с хлебом не было никаких недоразумений. Получив свою порцию, каждый имел право либо съесть ее полностью, либо оставить "на потом".

Обедали, как и в Ленинграде, в одно и то же время, которое устраивало всех, но не было уже столовых приборов, салфеток и прочего. Мама обычно отсутствовала, ибо была на работе. Работала она в заводской поликлинике старшей сестрой. В этой же поликлинике сначала начала работать (в регистратуре) Майка, а в 1943 году и я. Работал я ради рабочей карточки курьером.

Надо рассказать о том, как размещались мы в доме Зелениных, и надо поведать, что это был за дом.

Алексей Несторович был до революции состоятельным человеком. Будучи художником, он сам разработал проекты двух домов: двухэтажных деревянных сооружений, обитых дранкой и оштукатуренных. Конечно, это были неординарные дома. У них была необычной формы крыша, а фасад украшали отходившие от крыши фигурные доски, которые перекрещивались друг с другом. Дома располагались один под горой, а другой – на горе. Дело в том, что вдоль всей длинной Коммунистической улицы тянулся довольно высокий и крутой холм. Одна сторона его была обращена к Каме, другая – к городу. Вдоль основания холма, обращенного от реки, пролегла улица, а немного выше ее – деревянный тротуар. Вдоль тротуара выстроились дома. Участок Алексея Несторовича располагался перпендикулярно улице вверх по склону.

Мы обитали на первом этаже, где нам принадлежали две комнаты. В одной – большой, перегороженной шкафами, жили - мама, мы с братом и наша троюродная сестра Майка *) о которой я много раз упоминал. Она была эвакуирована позже нас. Эта комната служила и столовой. В ней-то и висели наши знаменитые хлебные весы.

Был в комнате еще один очень важный предмет. Шла война и, конечно, мы все ежедневно с тревогой прислушивались к хриплому голосу нашего громкоговорителя, а дед внимательно читал все газеты. Положение на фронте мы отмечали на роскошной большой карте из "Атласа Маркса", которую нам дал Алексей Несторович. Разобравшись в газетной информации, дедушка обычно просил меня воткнуть булавки в новые места и передвинуть красную нитку, символизирующую линию фронта. Карта была очень подробная, и мы с дедом искренне радовались, когда находили даже небольшие населенные пункты, упомянутые в сводке.

По этой многострадальной карте мы отступали и, "круша немцев", двигались на запад. С ней было связано столько горестей и радостей – шутка сказать – ведь она вместила в себя всю войну! Будь эта карта у меня сейчас – хранил бы ее, как музейную редкость.

Громкоговоритель, о котором я упомянул, почему-то чаще всего забивал нам уши такой нудной музыкой, как болеро Равеля. Возможно, это гениальное творение, но я его ненавижу. Под это унылое завывание протекали почти все наши и без того грустные пермские будни. Лишь изредка передавали весёлые руслановские "Валенки".

Сейчас я бы сравнил нашу большую комнату с кают-кампанией. В ней мы ежедневно собирались всей семьей, с нею были связаны все немногие радостные дни, в ней вообще происходило все, что могло считаться событием.

Во второй маленькой комнате жили дедушка с бабушкой, причем и их комната была перегорожена шкафами. В левой половине жил бабушкин брат Сергей Александрович с дочерью Верочкой, ибо их почему-то выселили из дома на Большевистской. Таким образом, именно они оказались последними, хотя и непрямыми, но представителями Вологдиных, которые покинули дом Петра Александровича.

Часть комнаты, которую занимали дедушка и бабушка, напоминала поездное купе. Только было оно относительно широким. Между кроватями стоял небольшой

письменный стол, за которым обычно работал дед. В углу у входа располагалось большое кресло, в котором он отдыхал... Когда дед начал работать над книгой, на столе начал гордо возвышаться древний "Мерседес", казавшийся нам с Витькой чудом техники. Единственным украшением комнаты был настоящий текинский ковёр, висевший над бабушкиной кроватью. Помню, что куплен он был в Перми. Эта достопримечательность, слегка побитая молью, вот уже сорок лет – моё наследство. Люблю посмотреть на него, погладить жесткий ворс и вспомнить, что он оттуда, из суровых пермских будней...

Особое своеобразие нашему быту придавало то, что в городе часто не было света, и тогда мы жили при коптилках, которые делал я под руководством деда. Разнообразие коптилок, которые мы делали, было очень велико. Дело в том, что основу их составляли разнообразной формы пузырьки, которых в доме Зелениных сохранилось великое множество с дореволюционных времен. Самое сложное – сделать держатель фитиля. Держатели мы делали с дедом из тонкой латуни. Скручивались трубочки длиной 5-7 см и диаметром 3-5 мм, запаивались с помощью медного паяльника, который грелся на углях. Дед очень любил руководить этой работой. Он требовал, чтобы сначала тщательно размечался материал. Потом его резали обычными старыми ножницами, скручивали в трубочки, которые запаивали. Процесс пайки был самым ответственным делом. У нас с дедом имелись нашатырь и кислота. Сначала дед просил, чтобы я тщательно зачистил шкуркой места пайки. Да, а перед этим, конечно, подготавливался паяльник. Я чистил его напильником, потом шкуркой, затем грел, тер о нашатырь и облужал. Наконец начиналась собственно пайка. Латунная трубочка быстро нагревалась от массивного паяльника и олово ровной и блестящей полоской растекалось вдоль шва. Дедушка придирчиво осматривал каждое изделие и иногда предлагал зачистить какую-нибудь неровность.

---

*) Впоследствии писательница Майя Данини.

Некоторые, особые коптилки мы снабжали стеклами. Конечно, взять готовые стекла было негде, и мы делали их из пробирок. Брали пробирку большого диаметра, наматывали на нее нитку, которая пропитывалась спиртом. Спирт поджигали, а чтобы пробирка нагрелась равномерно, ее вращали. Когда стекло нагревалось, пробирку быстро макали в холодную воду. Раздавался щелчок, и стекло в том месте, где была намотана нитка, трескалось. Получался ровный цилиндр. Имея такое стекло, из обычного пузырька можно было сделать самую настоящую лампу. С нашими коптилками мы нередко делали уроки. А самая большая и светлая из них была даже снабжена отражателем, который мы соорудили из какого-то блестящего металлического кружка.

Дед постоянно учил меня или Витьку делать что-то своими руками. При этом он так удивительно выбирал время для работы, что мы не стремились поскорее убежать на улицу, а наоборот, охотно делали все, что дед предлагал. От этого работа шла скоро и доставляла удовольствие обеим сторонам.

Шла война и, конечно, в магазинах почти ничего не продавалось. Только в писчебумажных еще можно было кое-что купить. Серьезные проблемы возникали в доме, если вдруг выходила из строя кастрюля. Мы с дедом наладили их ремонт, начиная от запаивания дырочек до постановки больших заплат.

В трудном положении оказывались и взрослые, и дети, если отваливалась подметка у валенка. И тут всем на помощь приходил дед. Он научил меня аккуратно подшивать валенки, ставить новые подметки. Подшивались они с помощью настоящей дратвы, которую я вываривал в смеси воска и парафина.

Вообще уроки деда сыграли громадную роль в моей жизни и в жизни моего брата. Когда дедушка учил чему-нибудь, он любил повторять слова своего отца Петра Александровича: "Никакое знание на вороту не виснет". Эта пермская присказка вдохновляла нас с братцем на множество незаметных подвигов. А в конце концов мы научились делать почти все, что можно сделать в домашних условиях. Благодаря этому у нас в жизни просто не возникало великое множество проблем, ибо рецепты их решения нам в раннем детстве преподал дед. И только теперь я понимаю, что он был Учителем с самой что ни на есть большой буквы. Давно нет деда на земле, а то, что он учил делать, я и брат делали и делаем по сию пору и по мере возможности учим этому внуков. Да, воистину: "Никакое знание на вороту не виснет"… зная, умея – жить куда легче.

Знаю, что смогу выжить в любой ситуации, а сказать спасибо за это мое сегодняшнее бодрое состояние духа я должен моему дедушке. Знаю, что такую же благодарность носили в душе всю жизнь мой брат и мои дорогие дядюшки Дмитрий и Игорь. Кстати, во время нашей жизни в Перми оба дядюшки, а также папа умудрялись дважды вырваться из своих воинских частей к нам на побывку.

Игорь служил в артиллерии, был корректировщиком огня. Взрывной волной его сбросило с высокого дерева, он был ранен и контужен. В результате попал в госпиталь, а оттуда его отправили в город Пугачев, где он, в чине капитана, готовил артиллеристов. (За тот бой, Игорь, оказывается, был награжден орденом Великой Отечественной войны. "Нашел" его орден через много лет после окончания войны). В Пермь Игорь попал прежде всего в связи с тем, что на квартире у бабушкиного брата (тогда ещё на Большевистской, 10!) жила тетя Марина с дочками. Танюша уже подросла, а Маргарита (или как мы ее звали всю жизнь - Гаита) была новорожденной крохой. Потом Марина уехала во Фрунзе, куда были эвакуированы ее родители. Наконец они с Игорем до самого конца войны жили в Пугачеве.

Дима служил на Амурской речной флотилии. Помню, когда в июне 1942 года он приехал к нам, на нем была красивая новенькая морская форма капитан-лейтенанта. Подтянутый, чистенький, стройный он, можно сказать, был (насколько это возможно) в СССР "блестящим морским офицером".

Разумеется, сын не мог не напомнить Виктору Петровичу его молодость, Кронштадт и неудачную морскую карьеру.

Попав на целых две недели в "цивильную" обстановку, Дмитрий с удовольствием сбросил с себя все и всякие мундиры и уже на следующий день принялся мастерить нам яхту. То, что это была именно яхта – не случайность. Во Владивостоке оба брата были заядлыми яхтсменами. С неподдельной гордостью поглядывал тогда отец на сына. Ему, конечно, была дорога каждая минута общения с ним. Правда, жила у нас тогда и тетка Анастасия, вспыльчивый характер которой несколько омрачал визит дяди Димы. Дмитрий уговаривал маму отпустить меня служить юнгой на корабль. Я и боялся и хотел этого. Дед поддерживал идею, а мама была категорически против.

Когда приехал с фронта наш отец, дед шутил: «Ну вот, слава богу, хоть один майор у меня есть". Тогда мы с Витькой и, думаю, что дед тоже, с интересом разглядывали папины "шпалы" в петлицах. Он служил в инженерных войсках – был зам. начальника поезда особого назначения по инженерной части. Поезд этот при отступлении уничтожал железнодорожный путь, а при наступлении – восстанавливал. Помню, что мы с папой, дедушкой и бабушкой ходили на "Князя Игоря". Для нас с братом это был первый и последний в жизни поход с папой в театр. Ну а для деда с бабушкой - заядлых театралов, этот поход в театр, конечно, был настоящим праздником, хотя дедушке и трудновато было ходить. Болезнь его все больше и больше мешала нормально жить. Внешне это проявлялось в скованности лица. Очень редко можно было увидеть дедушкину улыбку. Когда он улыбался, выражение лица становилось странным и скорее грустным, чем веселым. Я уже говорил, что часто людям казалось, что дед –

человек замкнутый и мрачный. Болезнь усугубила это впечатление. Страшно для деда было то, что у него сильно тряслась правая рука. Он совсем потерял способность писать. Спасением для него было то, что мама привезла с собой пишущую машинку, на которой он стучал одним пальцем. Это был могучий старый "Мерседес" с очень крупным шрифтом. (Он и сейчас хранится у меня).

Пребывание в Перми, конечно, очень тяготило деда. И связано это было прежде всего с отсутствием у него настоящей работы, ведь та, которая имелась, требовала трудных для него дальних поездок. Все видели, что он страдает, но чем и как мы могли ему помочь? Выход он нашел сам – начал писать книгу. Как родилась идея этой книги? Думаю, вот как.

Я уже рассказывал о том, что сварка при всей ее прогрессивности таила немало загадок и преподносила много печальных сюрпризов, которые мучили деда, да и всех, кто что-нибудь варил. Чем шире распространялась сварка, тем больше накапливалось кошмарных историй. Как-то на Ленинградском судостроительном заводе решили использовать при постройке корабля сталь повышенной прочности. И вдруг выяснилось, что в новеньком корпусе появились трещины, которые располагались возле швов, скреплявших наружную обшивку с набором (шпангоутами и т.д.). Вообще трещины, разрывы, коробление конструкций были подлинным бичом сварного судостроения в период его становления и причиной головных болей у сварщиков.

Непросто было внедрять сварку и в судовое машиностроение. На одном из заводов сварка использовалась при изготовлении редукторов. Механизмы были изготовлены и установлены. Однако при эксплуатации, во-первых, появились трещины, а во-вторых, кусочки металла, которые выкрошились из шва, попали на зубья передачи ("в зацепление"), что вызвало серьезную поломку. Правда, потом выяснилось, что конструкция редуктора недостаточно продумана, что и стало причиной опасной концентрации напряжений в металле, а в конечном счете – поломки.

Видимо, размышляя об этом, дед и решил писать книгу, которая должна была обеспечить упрочнение позиций его любимого детища. Труд этот был воистину выстрадан от начала до конца. Начать с того, что отсутствовала бумага для печатанья рукописи, а также для изготовления рисунков, не было ленты для пишущей машинки. Однако все эти проблемы были решены. Теперь дед нередко, даже если он, казалось, дремал в кресле, на самом деле обдумывал очередной кусок рукописи. Потом он или писал сам, или диктовал бабушке, а та записывала все крупным, разборчивым почерком.

Затем рукопись либо отдавали машинистке, либо ее потихоньку перепечатывала на работе мама. Дело двигалось, что очень радовало деда. Вот только была одна закавыка: – рисунки к книге делал художник Алексей Алексеевич Кондевский – милейший человек, с которым дед виделся обычно только на работе в Курье, а дело не ждало. Вот дедушка и решил попробовать приспособить меня к делу. Помню, как я боялся, что ничего из этого не получится. Но дед был настойчив. Он без конца повторял, что не боги горшки обжигают. Для начала дал мне простое задание – вычертить несколько прямоугольников. Получилось. Видно, недаром дед в молодости и преподавал черчение! Потом мой учитель начал усложнять работу. В итоге, изготовление рисунков стало для меня необходимой составной частью существования. Большая часть чертежиков была сделана летом 1944 г. Мой день тогда складывался так: утром я шел на работу в поликлинику, потом приходил, ел, рубил дровишки для самовара и чертил. Хотя, конечно, этот уныло-однообразный ритм нарушался и обычными мальчишескими заботами. Мы играли в крокет и в городки, в бабки и попы – загонялы, а иногда в ножички и в лапту. Игр хватало. Но, повторяю, дедовы чертежики вошли в мою жизнь как необходимый элемент. Работа нравилась, хотя, к сожалению, кроме линейки да угольника у меня не было никаких инструментов. И тут дед мобилизовал свою изобретательность. Мы с ним то подбирали блюдечки подходящего диаметра, то вычерчивали эллипсы, используя две иголки и нитку. Но, в общем, все понемногу

получалось, и в конце концов я сделал около 39 карандашных рисунков, которые, по мнению моего придирчивого заказчика, вполне годились для сдачи в издательство.

Да, забыл сказать, что, согласно условию, выдвинутому дедом, каждый чертеж оплачивался. Причем при установлении цены обязательно учитывалась сложность работы. Так что можно сказать, что я уже тогда работал "на двух работах" – в поликлинике и у деда. Позже в Ленинграде на заработанный капитал купил себе готовальню, а дед, оставшийся еще в Перми, писал (т.е. писала, конечно, бабушка), что рад моему приобретению, но настоятельно советует использовать его по назначению – не вытаскивать из циркуля гвозди, а из измерителя не делать шило.

С дедушкиной работой над книгой был связан такой эпизод. Зимой к нам кто-то постучался. Я побежал открывать. Перед дедом предстал небольшого ростика капитан, который, едва переступив порог, отдал деду честь и отрапортовал, что гвардии капитан такой-то прибыл от Игоря Викторовича Вологдина по его поручению и доставил небольшую посылку. Раздеться и попить чаю он наотрез отказался. Узнав, что дед пишет книгу, капитан осведомился: "Рассказы или роман?". Дедушка даже немного растерялся и ответил, что это будет "роман о сварных конструкциях". Бойко пожелав успехов, слегка озадаченный капитан удалился.

Вообще надо сказать, что жизнь наша в Перми была бедна событиями, а дни, к счастью пробегавшие быстро, были как две капли воды похожи один на другой. Но случались и вещи, из ряду вон выходящие. Однажды осенью мы проснулись рано утром от страшного холода. Было еще темно. Первая вышла в прихожую мама. Дверь на улицу была открыта, а с вешалки, расположенной у входа, пропало дедово кожаное пальто. Это была катастрофа. Дело в том, что ему больше не в чем было ездить на работу. Не помню все перипетии этой истории, а только каким-то манером через Курьинский завод профессору-консультанту позволили купить армейский полушубок. Дед был счастлив. Впервые за годы эвакуации ему были нипочем морозы. Однако вскоре радость омрачилась. Как-то мы пошли всем семейством в кино (благо, кинотеатр находился не очень далеко, и мы ходили туда пешком). Что смотрели, не помню. А вот когда вышли – обнаружили, что в толпе, по дороге к выходу, какой-то мерзавец прорезал деду полушубок бритвой. Разрез был не очень большой, но на самом заметном месте посередине спины. Потом, как мы ни старались, сделать незаметный шов не удалось, и дед так и щеголял в грубо зашитом одеянии.

Все были очень огорчены, но сам обладатель полушубка, казалось, не придавал случившемуся никакого значения, хотя думаю, что он тоже испытал большое огорчение.

Рассказывая о нашей пермской жизни, конечно, надо вспомнить и о том, как мы с Виктором зарабатывали на хлеб. Ну, во-первых, сам Витька частенько поступал так - шел к нашему заводу (завод № 10 им. Дзержинского) и покупал там в киоске много газет. Этот "товар" он втридорога перепродавал на базаре. Как-то все мы были очень удивлены, когда наш спекулянт принес заработанную им буханку хлеба. Однако чаще мы прибегали к другим способам зарабатывания денег и во всех случаях техническим консультантом у нас был дед.

Именно он подсказал, что можно даже изготавливать церковные свечи. Мы с Витькой нашли у Алексея Несторовича на чердаке несколько кругов воска. Мама, работавшая тогда в физиотерапевтическом кабинете, принесла нам отработанный парафин (от согревающих ванн). Смешав в определенной пропорции, мы растопили их. Рабочая смесь помещалась у нее в довольно глубокой продолговатой емкости. Затем мы сделали рейку, по длине немного превосходящую нашу емкость, и с двух сторон через сантиметр вбили в нее гвоздики. На них навязывались фитили, к концу каждого из которых крепился свинцовый грузик. После того как все было готово, ванночку с парафино-восковой смесью ставили на две керосинки. Когда смесь становилась жидкой, мы, держа рейку за концы, плавно опускали ее вниз, погружая в расплав

фитильки. Затем сооружение поднимали вверх и смеси давали застыть. Следующее погружение должно было быть не слишком продолжительным, чтобы не стаяло то, что налипло на фитиль. Затем рейка опять поднималась и фитиль покрывался новым слоем. Вначале свечки, такие же тоненькие, как фитили, становились все толще и толще. Они были ровненькие, блестящие и очень красивые. Мы экономили материал и поэтому не баловали верующих толстыми свечками. Сбывала нашу продукцию хозяйка Ольга Михайловна Зеленина, или тетя Оля, как мы ее звали. Тетя Оля была тогда церковной старостой Слудской церкви. Другой способ зарабатывания денег изобрел я сам. Собственно в техническом отношении этих способов было несколько. Все они были подсказаны находками, которые я сделал на чердаке у Алексея Несторовича. О находках позже, а сейчас несколько слов о чердаке.

Такого чуда я никогда до той пермской поры не видел и теперь точно могу сказать, что больше никогда не увижу. В громадном помещении с большим светлым окном хранилось бесчисленное количество удивительных вещей. Вдоль стен стояло множество папок с эскизами, сделанными маслом и гуашью, углем и акварелью. Разглядывать их было громадное удовольствие. И казалось странным, что такая красота обречена пылиться на чердаке. Были там ящики и коробки, в которых мы находили старые, а то и новые кисти всех размеров, старые жестяные коробки с акварельными красками, карандаши, самой замысловатой формы дореволюционные пузырьки, из которых делались коптилки и многое, многое другое. Были там разнообразные выкройки и трафареты, а также формочки для отливки фигурок зверюшек и человечков. Это был громадный, неисчерпаемый, разнообразный пыльный музей, в котором мы, мальчишки, могли торчать часами.

Иногда я забирался туда один и млел от восторга, перебирая папку за папкой. Даже сейчас, когда я просто думаю о зеленинском чердаке, светло и радостно становится на душе. Далеко не всегда мне было понятно, как должны использоваться найденные предметы. Тогда я их тащил к деду, и он объяснял, что к чему. Так я постиг тайны разверток, научился их делать сам.

Свое "производство" я начал с изготовления подергунчиков. Это были клоуны, коты, зайцы и другие существа, старательно раскрашенные акварелью. Если дернуть за ниточку, они размахивали ручками и ножками. Когда я все это мастерил, дед был незаменимым консультантом по технологии.

Занимался я всегда этим по выходным (а выходной-то в те поры был один в пятидневку). За несколько выходных дней накапливалось некоторое количество "товара", и тогда Виктор тащил его на базар. Заработанное он тратил на хлеб или отдавал деньги маме. Зарабатывали мы иногда совсем неплохо для мальчишек (на буханку, а иногда на две буханки хлеба), а, ведь, стоили-то они по 500 и даже 800 рублей!

Надо сказать, что дедушка относился к этой деятельности положительно и чем мог помогал. Такая поддержка вдохновляла и вскоре я начал осваивать изготовление формочек и литье. Делал я уточек из гипса, потом пробовал отливать из этого материала солдатиков, но они были очень ломкими. Из олова их делать не удавалось, так как этот расплавленный материал вытеснял воздух из многочисленных пор гипсовой формы и "закипал", не заполняя всю форму. Тогда я начал отливать солдатиков из воска с парафином. У них были другие недостатки. Они совсем не красились акварелью и были очень мягкими, ими совсем нельзя было играть в теплую погоду. Однако, несмотря на это, бизнес наш процветал. Вовсю действовали законы рынка: в магазинах было "шаром покати", и бедные мамы за бешеные деньги покупали моих уродцев. Промысел этот процветал до тех пор, пока что-то не появилось в магазинах. Мне думается, что пик нашей деятельности приходился на зиму 1942 года. Надобно заметить, что таким образом мы с братом (каждый по своему) проходили, как нынче говорят, "школу бизнеса".

Пока я говорил о забавах, но все мы – Виктор, Майка и я учились в школе. Майка была старшей, и мы мало знали о том, что творилось "на Олимпе": в 8, 9, 10 классах, тогда как в годы эвакуации сами ходили в младшие классы. Все мы учились хорошо и не причиняли хлопот дедушке, бабушке и маме. С другой стороны, мы не были и "пай-мальчиками". Так что иногда родителей приглашали в школу. Дед, как правило, не вмешивался в наши учебные дела, хотя мы по своей инициативе нередко шли к нему на консультации по математике. Он никогда не отказывал в помощи, но всегда строил ее так, что приходилось думать самим. Иногда мы просиживали над задачами несколько часов кряду. От сознания своей бестолковости и просто тупости хотелось плакать, но все знали, что дед скажет: " Москва слезам не верит". Знали и то, что решение где-то близко, надо только "не быть бараном". Было это отчаянно трудно, но каждый урок математики был вместе с тем и уроком мужества. Правда, такой суровый подход иногда приводил к тому, что вместо получения "порции мужества" мы попросту шли в школу, не сделав то или иное задание.

Я упоминал, что дед хорошо знал языки: немецкий, английский, французский. Кстати, замечу, что бабушка знала французский, а мама – английский. Уроки по языку мы нередко "отвечали" деду. Обычно он сидел в кресле с высокой спинкой и, придерживая книгу на коленях трясущейся рукой, внимательно просматривал текст. Поблескивая стеклами пенсне, он говорил: "Ну, отвечай". Ответ редко удовлетворял его. Наш строгий учитель прогонял не выучившего вон, потом все начиналось снова. Причем, если ты приходил, с точки зрения деда, "слишком рано", он все равно тебя прогонял, а отвечающему так хотелось поскорее ответить урок и улепетнуть во двор, где его ждал крокет или попы-загонялы, а главное, ждала дворовая команда.

Помню, как-то нам задали учить стихотворение на немецком языке. В нем было всего шесть строк, но они мне никак не давались. Раза три пытался ответить деду, но... он выставлял меня, приговаривая: "Да разве так учат! Надо знать так, чтобы каждое слово отскакивало от зубов". Я учил, а сам думал про двор, думал, что все меньше и меньше остается времени для игры, и стих, естественно, не учился". Кончилась эта история глубоким вечером, когда ни о каком гулянии уже не могло быть речи. Хлюпая носом, но не рискуя расплакаться, я нудным, чуть слышным голосом, наконец, без единой запинки, прочитал все стихотворение. С тех пор запомнил его на всю жизнь. Помню его и сейчас.

Знаю, что "мучая тебя", дед со своей точки зрения просто хотел, чтобы его внук "по-человечески знал предмет". Во всяком случае нелегкая дедова система занятий давала свои результаты. Приходится только жалеть, что он не мог заниматься с каждым из нас постоянно. А в общем же, пусть очень, очень запоздало хочется сказать ему громко и от всей души: "Большое тебе, дедушка, спасибо!".

О книгах, о славе и кое о чем еще

Книга, над которой дед работал в Перми, называлась "Деформации и напряжения при сварке судовых конструкций". В ней оказалось почти 150 страниц, и вышла она в 1945 г. в Москве. Надо сказать, что до той военной поры дедушка не писал крупных работ, да и вообще публикаций у него было совсем немного, ибо он являлся прежде всего инженером-практиком, которому легче было рассказать и показать, что и как надо делать, чем написать об этом. О формальных обстоятельствах, подтолкнувших его к написанию книги, я уже говорил. Неформальные мотивы, заставившие его сделать этот нелегкий труд, были таковы. Сварка-сваркой. Она определенно была хороша, но... При ней вследствие местного разогрева возникали внутренние напряжения.

Как писал Виктор Петрович: "Видимые проявления внутренних напряжений, возникающих при сварке, можно наблюдать на судостроительном заводе чуть ли не на

каждом шагу: к ним относятся трещины в швах или в основном металле в районе швов, выпучины в конструкциях из листового материала, переборках, палубах и т.п., коробление составных балок и элементов набора – шпангоутов, бимсов, кариенгсов и др. и, наконец, случай "задирания носа и кормы сварного корпуса корабля" (16).

Все это вызывало недоверие к сварке, которая, как считал дед, революционизировала производство. Надо было вновь отстаивать свое детище с тем, чтобы обеспечить создание прочных сварных конструкций. Отсюда и родилась идея книги. Однако это было бы слишком прямолинейно просто. А в жизни так не бывает.

В 1921-1931 гг. Киевскую мостоиспытательную станцию возглавлял Евгений Оскарович Патон (1870-1953). Это был талантливый инженер, много сделавший для развития науки и техники. Должен подчеркнуть, что, говоря здесь так, я вовсе не делаю дежурный реверанс с тем, чтобы потом больнее ударить. Нет. Тему Патона, а точнее, Патонов (отца и сына), рассказывая о дедушке, нельзя не затронуть. Касаясь ее, постараюсь быть максимально объективен. Когда мой дед в 1920 г. зажег во Владивостоке сварочную дугу, Евгений Оскарович испытывал мосты и не помышлял о сварке. Об этом свидетельствует он сам в своих воспоминаниях*). Помню, он рассказывал, что впервые увидел сварку в Киеве, когда переходил какой-то мост. Было это в 1926 г. Дед в 1930 спустил на воду первое сварное судно в СССР, а Е. О. Патон только с 1929 г. начал заниматься вопросами сварки. Но уже в 1930 г. по его инициативе при АН УССР был создан НИИ электросварки. Таким образом, действовал он очень оперативно. Хотя напоминаю, что первая лаборатория электродуговой сварки была организована В.П. Вологдиным во Владивостоке в 1925 г. С 1929 по 1930 гг. дед фактически был монополистом в области сварки (особенно сварки в судостроении), а с 1930 г. в СССР начали работать независимо друг от друга два центра - вологдинский и патоновский. В этом не было ничего противоестественного и оставалось только радоваться за отечественную науку и технику.

---

*) К сожалению, у меня не сохранилась соответствующая библиографическая справка.

Вклад Е.О.Патона оказался особенно ощутим в области автоматизации процессов сварки, а также сварки специальных сталей, сварки под флюсом и т.п. Все это, а также внедрение поточных линий нашло, в частности, широкое применение в танкостроении в годы Отечественной войны. Здесь хочу обратить внимание вот на что: Виктор Петрович сидел в своем г. Молотове, консультировал захудалый Курьинский судоремонтный завод, а Патон работал на оборону - строил танки. Где-то рядом с ним трудился Валентин Петрович Вологдин, занимавшийся высокочастотной закалкой важнейших танковых узлов*). Для него выход на эту закалку был прямым продолжением работ, связанных с разработкой высокочастотных генераторов. Разумеется, деду было грустно из-за своей "бесполезности", и это тоже стимулировало работу над книгой. Здесь уместно немного рассказать об основных его достижениях.

Как настоящий провидец, он в 1926 г. писал: "...недалеко то время, когда только электрошов будет считаться надежным швом, а на заклепки будут смотреть как на средство, которое можно допускать для неответственных соединений в исключительных случаях"... Благодаря деятельности деда сварка стала обязательным, ведущим технологическим процессом при изготовлении всех видов металлоконструкций. Благодаря этому страна экономила колоссальные средства. Можно сказать: "Ну, подумаешь, человек по-новому соединил железки! Корабль-то от этого не стал летать по небу!" Да, это так - не стал. Но вот, что произошло. Детище Славянова до 1931 г. влачило в судостроении жалкое существование. Тогда считалось возможным сваривать только второстепенные узлы. С помощью сварки изготавливали трапы, части вентиляционной системы, световые люки и т.д. Но вот уже в 1932 г. при постройке морских кораблей сваривалось 10-20% всего металла, который расходовался

на постройку корпуса. Ну, а говорить о победоносном шествии сварки позволяет хотя бы то, что на судах закладки конца того же 1932 г. сваривалось 35-40% корпусных конструкций. А ведь в эти годы создавался весь новый ("советский") торговый и военный флот. Ясно, что широкое применение при этом сварки очень существенно удешевило строительство таких красавцев-кораблей, как крейсер "Киров" и других.

Особенно быстро шло освоение сварки при строительстве речных судов. В 1931 г. в Киеве построили цельносварной буксир. С 1933 г. самый крупный завод по постройке речных судов "Красное Сормово" отказался от клепаных кораблей и полностью перешел на сварные.

Потребность в кадрах сварщиков возросла в 1932 г. по сравнению с 1931 в 4-5 раз. Так работы, начатые Виктором Петровичем на Дальзаводе, выполнили роль своеобразного запального огонька. Запал сработал. Как только его перевели в Ленинград, он сразу организовал оснащенную по последнему слову техники кафедру технологии сварки, т.е. продолжил дело, начатое во Владивостоке. Став во главе сварочной группы Главморпрома, он со свойственной ему энергией занялся внедрением сварки в производство, уделяя серьезное внимание повышению культуры сварочного дела. И когда в Питере строились сварные суда, на их постройке трудились не только ученики В.П. Вологдина, но и он сам. Опять сверкали и рассыпались от зажженной им дуги славяновские искры. Запал, вложенный в него Славяновым, продолжал действовать. Он регулярно бывал на заводах и прямо на рабочих местах инструктировал инженеров, подготовив целую армию сварщиков.

---

*) За эту работу он с группой ученых и производственников был удостоен Государственной премии СССР.

Сварку признали, ее осваивали, ею занимались тысячи людей, и при стихийном, бесконтрольном развитии она неизбежно дискредитировала бы себя. Поэтому Виктор Петрович всегда, а в Ленинграде в особенности, занимался созданием нормалей по сварке (калибрами швов, классификатором брака и т.д.). Им были разработаны таблицы нормирования сварочных работ, специальные кабели для сварки. Он также заботился о том, чтобы оздоровить условия труда сварщиков. Именно дед в 1936 г. организовал первую Всесоюзную конференцию по сварке в судостроении. Он по-прежнему занимался не только практикой, но и разработкой многочисленных теоретических проблем. Однако главным критерием для него была практика. По его инициативе и при его консультациях с 1934 г. впервые в нашей стране начали строить сварные морские суда типа "Седов", а также большие морские сварные доки, сварные морские трейлеры, буксиры и т.д.

Я уже говорил о том, что Е.О. Патон был прежде всего мостостроителем. Не случайно в 1953 г. его именем назван построенный им прекрасный мост через Днепр. Но вот о том, что и дед принимал участие в строительстве одного из знаменитых мостов Ленинграда, знают немногие. Речь идет о том, что он приложил много сил для того, чтобы бывший Николаевский мост через Неву (мост лейтенанта Шмидта) при ремонте был сделан цельносварным. Фантастической по масштабам была деятельность деда, связанная с пропагандой сварки. Если сложить вместе все доклады и консультации за период с 1933 по 1940 гг., то их окажется 300! То есть в среднем, если вычесть месяц отпуска, дед ежемесячно проводил почти четыре мероприятия – по одному каждую неделю.

Разумеется, бессмысленно прямо сравнивать деятельность Вологдина и Патона-отца в области сварки. Оба сделали много. Только один начал служить этому богу почти на 10 лет раньше и, что особенно важно, постоянно был озабочен подготовкой кадров, в чем серьезно преуспел. Второй, как говорят биологи, занимал несколько иную экологическую нишу: больше занимался исследованиями и их внедрением. Вот тут и поставим точку.

Но становится даже очень грустно. Грустно вот почему. В 1983 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Виктора Петровича. В предвидении этого события я обратился с письмом к замечательному, очень человечному, доброму человеку, знаменитому конструктору самолетов О.К. Антонову. Рассказал ему о дедушке и просил предпринять шаги для увековечения памяти деда. Здесь, конечно, можно спросить: "А при чем здесь Антонов?". Отвечу. Просто я увидел его в детской телевизионной передаче и понял, что это удивительный человек, которому можно верить, на помощь которого можно надеяться. К тому же я был уверен, что Олег Константинович, будучи сам конструктором, без труда и правильно оценит реальный вклад В.П. Вологдина в развитие техники. Я предлагал:

1. Поставить вопрос перед соответствующей комиссией Верховного Совета о присвоении имени проф. В.П. Вологдина Дальневосточному политехническому институту и какому-нибудь из кораблей.
2. Установить бюст В.П. Вологдина во Владивостоке около Дальзавода.
3. Организовать на Дальзаводе мемориальный музей В.П. Вологдина, либо создать соответствующую экспозицию в Краеведческом музее г. Владивостока.
4. Установить мемориальную доску на здании Ленинградского кораблестроительного института.
5. Установить в ДВПИ студенческую стипендию имени проф. В.П. Вологдина.
6. Издать книгу, посвященную памяти проф. В.П. Вологдина. Снять о нем фильм.
7. Установить памятник на могиле В.П. Вологдина на Охтинском кладбище в Ленинграде *).

---

*) Не зная о предложениях автора, по инициативе Ученого Совета ДВГТУ (ДВПИ) выполнено следующее:

1. Установлен бюст В.П. Вологдина в Сквере выпускников (2003 г.).
2. Создана обширная экспозиция в Историческом музее ДВГТУ, посвященная В.П. Вологдину и развитию сварки в судостроении.
3. Мемориальные доски установлены на главном здании ДВГТУ (ул. Пушкинская, 10).
4. Учреждена студенческая стипендия имени профессора В.П. Вологдина (1993 г.).
5. Учреждена премия имени профессора В.П. Вологдина (1994 г.), присуждаемая ежегодно преподавателям, студентам ДВГТУ и лицам из других организаций и стран, внесшим весомый вклад в развитие науки и образования. При этом вручается грамота и нагрудный знак.
6. Опубликован ряд материалов о В.П. Вологдине.

Заканчивая письмо, я писал: «Не сочтите нескромными мои предложения. Я понимаю, что претворить их в жизнь достаточно трудно, но уверен, что, возрождая главные страницы истории науки и техники, мы работаем на будущее".

11.03.1978 г. Олег Константинович ответил мне. Он сообщил, что отправил письмо в Советское национальное объединение историков естествознания и техники с приложением соответствующего раздела моего письма.

Ответа от объединения не последовало. Мне, правда, известно, что трудами теперь уже ректора Дальневосточного технического университета профессора Г.П. Турмова многое сделано для увековечения памяти В.П. Вологдина.

Долгом своим считаю вспомнить, что 27 декабря 1980 г. было торжественно отмечено 60-летие со дня начала применения сварки в судостроении. День-в-день, ровно через 60 лет (!) после того, как В.П. Вологдин зажег во Владивостоке дугу, собрались на Дальзаводе редкие уже его ученики. Проведение этого торжественного мероприятия, конечно, было важным делом. Много говорилось о намерении поставить

первое сварное судно на пьедестал около Дальзавода. Не знаю, удалось ли это сделать...*)

---

*) На пьедестале у Дальзавода первое сварное судно (морской буксир типа «ж») установлено к 100-летию Дальзавода в 199

Наступил 1983 год. Кто-то из знакомых сказал, что в "Науке и жизни" вышла статья о В.П. Вологдине. "Неужели, все-таки, усовестились, неужели отметили юбилей", – эта мысль не давала покоя. Достал журнал (№9), в волнении открыл страницу 99 и увидел статью под заголовком "Центр сварки на Дальнем Востоке". Написали ее два кандидата технических наук А. Гундобин и Г. Турмов (14). Оба из Владивостока. Статья обстоятельная, с фотографиями и новыми фактами. Казалось бы, надо сказать: "Вот здорово!" и порадоваться за то, что люди хранят память о профессоре сварщике. Но прочитал и перечитал статью – все правильно, интересно, но... нигде не произнесены слова "100-летний юбилей", ни единой строкой не обмолвились авторы о столетии В.П. Вологдина, хотя и написали, что родился он в 1883 г. Уверен, в том, что так получилось, нет вины авторов, искренне, по-доброму относящихся к деду. Просто время было такое…

А система – есть система и, соответственно, не только у Виктора Петровича, но и у Валентина Петровича были свои "недобрые гении". Люди, связанные с именем Валентина Петровича, действовали грубо и откровенно. В книге Н. Лебедева они скрываются под псевдонимами Янцат и Бузинский, но давно пора назвать их подлинные имена. Это Бабат и Лозинский – люди, опустившиеся до самого примитивного преступления – до доноса на Валентина Петровича в прокуратуру Москвы. Это Бабат и Лозинский – авторы пресловутого ВЧТ - высокочастотного транспорта - бесполезной идеи, на которую Н.С. Хрущев выкинул немалые деньги. Эти "патриоты" рассчитывали на то, что Вологдина скоро "разоблачат и посадят". К счастью, разоблачили их. Правда, Лозинский покаялся сам, а Бабата, как было принято говорить в СССР, "разоблачил коллектив".

Рассуждая здесь об этой печальной стороне жизни братьев, я, разумеется, не ставлю знак равенства между "незаметными оппонентами" Виктора Петровича и явными доносчиками и плагиаторами, преследовавшими Валентина Петровича. Жить вовсе без них было нельзя, как нельзя было жить без трескучих "патриотических" слов.

Вопрос касающийся взаимоотношений ученых, с одной стороны, и партии и государства, с другой, часто обсуждаемый теперь, конечно, не следует примитизировать, полагая, что если что-то делалось партией или государством, то это было обязательно худо. Однако, если бы братья Вологдины имели то, что принято называть "свободой творчества", убежден, что они добились бы во много раз большего. Недавно я услышал высказывание известного американского экономиста Гелбрайта. Он сказал примерно так: "Идеология существует взамен мышления". Это очень верный взгляд. Отсюда ясно, – идеологическая пропитка вытесняла способность к мышлению. Понятно также, что по-настоящему двигали дело те партийцы, для которых красная книжечка не служила лишь пропуском к карьерному росту. Такие люди партийное пустословие не ставили и в грош, а идеологическая гниль не затрагивала сердцевины их деятельности.

Указ "О награждении доктора технических наук профессора Ленинградского кораблестроительного института Вологдина Виктора Петровича орденом Трудового Красного Знамени" был опубликован во вторник 26 октября 1943 г. в "Известиях". В нем говорилось: "За выдающиеся заслуги в области развития и внедрения электросварки в судостроении, в связи с шестидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием научно-педагогической и производственной деятельности наградить доктора технических наук, профессора Ленинградского кораблестроительного института Вологдина Виктора Петровича орденом Трудового Красного Знамени".

Награде этой дед искренне радовался, ведь получил он ее в очень трудное время. Шла война. Сам дед тяжело страдал от мучившей его болезни, на работе он бывал редко, но упорно, до изнеможения работал над книгой. Важно было и другое – сначала мы услышали о награждении по радио. Наш хриплый допотопный черный рупор вдруг произнес имя деда! А ведь тогда услышать свое имя среди фронтовых известий, к тому же известий о наступлении наших войск, было не просто приятно. Указ звучал не только как признание заслуг, а неизмеримо шире, как признание участия, прямого, самого непосредственного участия в помощи Отечеству. Из дедушкиных бумаг знаю, что хотели его представить к званию "Заслуженный деятель науки и техники", но готовить бесчисленные документы начали слишком поздно. Вскоре дед умер.

Как бы то ни было, а награда сыграла свою роль: в доме был настоящий праздник, а дедовы, начавшие блекнуть глаза сияли теплым, ласковым светом. И у всех от этого становилось светлее на душе. Когда дед, наконец, получил сам орден, мы с Виктором с большим интересом и почтением рассматривали красивую "штуковину". Спрашивал у деда: "А за чем плотина?". И он охотно рассказывал о Днепрогэсе и прочих интересных вещах. Насколько я знаю, после смерти деда Игорь отправил орден во Владивосток.

---

*) Орден выставлен в экспозиции В.П. Вологдина в Историческом музее ДВГТУ

Вообще же дед никогда не был суетно тщеславен, хотя как всякий нормальный человек нуждался в признании своих заслуг.

Пермь - Ленинград - Пермь

Наступил 1944 год. Наконец была прорвана блокада Ленинграда. Перед нами замаячил хоть какой-то лучик надежды на возвращение. Об этом начали думать и говорить сразу, как только открылась дорога в Ленинград. Все – и мы, и бабушка с дедушкой готовы были на крылышках лететь в наш дорогой, наш милый, наш самый замечательный город... Но... В январе 1944 года тяжело заболел в Боровом Всеволод. У него было воспаление черепно-мозговых нервов. 25 января мама взяла отпуск и уехала к нему. Теперь все основные заботы по дому и о харчах легли на Майку и на меня, ибо Катичку очень часто мучили тяжелые приступы астмы. Правда, бабушка делала все, что могла, а дед ей помогал. Он мел пол, выносил ведро с мусором, насколько мог прибирал в комнатах. Так мы прожили целый месяц. Мама вернулась 1 марта. Вова, слава богу, поправился.

Как я говорил, в Боровое были эвакуированы семьи академиков, писателей и других высокопоставленных деятелей. Там мама познакомилась с женой Максима Горького М.Ф.Пешковой, с которой потом долго переписывалась. Вернувшись, она рассказывала много забавных историй, которые, конечно, в основном слышала от Всеволода. Он знал их множество и через много лет после войны с удовольствием их пересказывал.

Запомнилось вот что. В Боровом в домах была коридорная система, ибо жить академикам приходилось в санаторных корпусах, расположенных на берегу дивного озера Щучье. В одном из корпусов обитал знаменитый академик А.Н. Крылов.

В ту пору он работал над книгой "Мои воспоминания". Больше всего Алексей Николаевич любил писать по ночам. Однажды, когда он тихонько колдовал над своей рукописью, ночную тишь прорезал томный кошачий вопль. Сначала, пробуя голос, кот провопил немножко, а затем его м-я-я-а-у окрепло, а интервалы между воплями сократились до минимума. Работать стало невозможно. Старец открыл дверь в коридор и увидел сидящего посреди коридора возмутителя спокойствия. Шикнул на него – ноль внимания – скотина продолжала издавать утробные звуки. Тогда Алексей Николаевич вернулся в комнату, взял толстую, суковатую палку, прицелился, как делал это, играя в

рюхи, и с силой швырнул ее. Оружие возмездия заскользило по кафельному полу и торцом ударилось в дверь на противоположной стороне, а кот сиганул в сторону. Крылов в ожидании замер. Вскоре дверь напротив открылась и из нее высунулась озадаченная физиономия в ночном колпаке. Потревоженный визави (тоже академик, кажется математик) молча оценил обстановку, увидев палку и сидевшего вдалеке кота, глянул на растерянного Крылова и степенно, церемонно ему поклонился. Крылов также отвесил глубокий поклон.

Деда, как и всех, эта история очень забавляла. Между тем жизнь наша в Перми все четче обретала какое-то новое звучание. С одной стороны, она стала невозможной: тягуче-тоскливой и однообразно-монотонной, с другой – в ней проявились прямо противоположные тенденции, наметилась активность совсем необычного рода. Из Перми начали уезжать люди. Первой уехала врач – мамина (да и моя с Майкой) сослуживица Раиса Марковна Ноткина. Она с сыном Леней отправлялась в свой родной город – в освобожденный Кировоград. От того, что уезжали знакомые и друзья, наше житье-бытье становилось еще более грустным. Но уже чувствовалось, что и нас ждут перемены.

20 июня 1944 г. я писал в своем дневнике: "Как скучно живется здесь, в Молотове! Дни совершенно одинаковы, один похож на другой. Хорошо, что они летят очень быстро. Мы живем в Молотове уже скоро 3 года, и все годы сложены из этих нудных дней. Скорее бы уехать отсюда. И не только я, но и все остальные хотят этого. Пусть в Ленинграде будет тяжелее, но то "в Ленинграде", а не в Молотове".

Запись от 24 июня гласит: "Получили открытку от дяди Вали*). Он пишет, что скоро будет в Ленинграде, и что Вова и Мария Федоровна получили разрешение на въезд в Ленинград... 1 июля к нам приехала Валерия Валентиновна. Она привезла из Борового масло, которое послал нам Всеволод.

Наша работа с дедом, связанная с изготовлением чертежей для книги, шла к концу. К первому августа их было готово 20 штук, а к 17 числу - 30. Дед сказал, что все мои чертежи выставит напоказ, чем, с одной стороны, очень смутил исполнителя, а с другой - вселил в него гордость за сделанное.

В сентябре "лед тронулся". Первой уехала Майка, получившая вызов от мамы. Наконец пришла пора собираться и нам. Мы с Виктором под руководством деда делали ящики для имущества. На всякий случай писали на них адреса, хотя и мы, и ящики должны были ехать вместе в телячьих вагонах. Была это радостная и одновременно грустная работа. Мы уезжали, а почти беспомощные наши старики оставались. Уехать нам удалось, завербовавшись на завод "Радист".

Три года мы прожили рядышком с дедом и бабушкой, разлучаясь с ними лишь на то время, на которое нас отправляли в пионерские лагеря. Мы становились большими. Я перешел в восьмой класс, Виктор – в шестой. Дед вполне мог доверить маму таким помощникам.

Жизнь в разлуке оказалась отрезком времени, хорошо документированным, и это понятно. 15 ноября 1944 г. бабушка писала Витьке: "Получила сегодня твое письмо. Спасибо. Ваши письма – это единственное развлечение наше с дедушкой". Правда, нельзя сказать, что мы очень баловали стариков своими посланиями, но часто писала мама. На все письма нам аккуратно отвечала бабушка. По ним я и восстанавливаю события.

Когда мы уехали, и исчезла "тягловая сила", бывшая три года "на подхвате", дед решительно принял на свои плечи всю мужскую работу и при этом, конечно, двигал свое основное дело – печатал на машинке книгу. Первая книга уже вот-вот должна была увидеть свет, и он уже работал над второй.

Утро начинал с того, что колол дрова. Точнее, дрова-то мы напилили и наололи, но было много сырых, и дед откалывал от поленьев сухие части, чтобы поддерживать огонь в печи. Затем он ходил на колонку за водой. А находилась эта колонка почти в квартале от нашего дома – на углу Коммунистической и Осинской.

*) От Валентина Петровича.

Приносил он два бидона, которых хватало на целый день. Правда, зима 1944/45 года стояла в Перми такая, что весь город часто и надолго превращался в сплошной каток. Здесь уж выручал бабушкин брат Сергей Александрович. А в общем же дед был молодцом. Он даже гулял возле дома. С одной из прогулок принес веточку черемухи, которую они с бабуш кой поставили в воду и выгнали мелкие листочки. В связи с этим бабушка в том же письме к Виктору вспоминала: "Когда я была маленькая, у нас всегда ставили в воду черемуху и она давала цветы к новому году".

С питанием у всех пермяков дело обстояло уже хорошо. И бабушка частенько поддразнивала нас – "голодающих питерцев" тем, что приглашала к себе в гости то на шаньги, печь которые была мастерица, то на вкусный обед. И, казалось, была надежда на то, что дед и бабушка так потихоньку и перезимуют, а там, глядишь, вернутся в Ленинград... Но дам слово бабушке. В письме ко мне 12 февраля она писала:

"Дедушка сегодня сказал, что если бы все были здесь – ему было бы легче. Он давно уже перестал работать над книгой, а затем, когда заболела рука, то не смог и читать. Целые дни сидел или ходил. Ясно, что все мысли были сосредоточены на болезни. А при вас некогда было, то один, то другой с вопросами. Я из всех сил стараюсь занимать его разговорами, особенно по ночам, да мои разговоры, вопросы что-то не так его отвлекали, как ваши. Сейчас дедушка уже читает, немножко стучит на машинке – отвечает на письма. Он делает черновик, а набело уже печатаю я. Палец у него еще завязан и мешает ему. Спит он по-прежнему плохо. Сегодня так и не ложился. До 3-х часов вел разговор. Потом ему стало душно, стал ходить. Немного спал в кресле. В шесть уже не мог сидеть, все ходил. Таких ночей у нас много". Вот написал последнюю фразу, а она продолжает гудеть в ушах, как эхо: "Таких ночей у нее много..." Таких.... это значит беспредельно, безнадежно тоскливых, наполненных дедовыми страданиями. Ведь мало того, что его мучила болезнь Паркинсона, у него еще произошло нагноение пальца, да такое страшное, что грозила ампутация. Ему сделали разрезы, но палец продолжал болеть не один месяц, раздулся и почти не сгибался. Вот как рассказывает об их тогдашней жизни бабушка: "У меня что-то настроение невеселое. Устала я от своей работы. Целый день трудишься. Приходится осваивать новые специальности. Посуды нет – судочки распаялись. Хочу попробовать их запаять. Что и выйдет – не знаю. Всю ночь у нас горит свет. Электричество жечь нельзя, т.к. нам по комнате полагается 5 кВт. Мы жжем коптилку. На днях у нас испортилась верхняя трубочка и дедушка велел мне сделать новую. Научилась я здорово. Жесть твердая, не скручивается, но я все-таки сделала".

Словом, у наших пермских жителей все шло по принципу "пришла беда – отворяй ворота". Вот испортилась коптилка, но дед "велел", и наша милая бабушка – почти дама "большого света" научилась скручивать жесть, ремонтировать коптилки. Да, воистину верна присказка: "Никакое знание на вороту не виснет". Сделанный ремонт был как нельзя кстати, ибо вскоре свет вообще отключили. Хотя письмо ко мне бабушка начала словами о том, что дед перестал писать книгу, но из заключительной части ее послания я узнал, что не только первая книга должна скоро выйти, но и вторая уже готова на 75%. Несмотря на все болезни, горести, неприятности дело двигалось. 23 февраля в письме к маме бабушка, оборачиваясь назад, писала: "Встревожила я тебя, но уж очень тяжелые дни я переживала. Сейчас даже удивляюсь, откуда у меня взялись силы выдержать".

Все тяжкие события в жизни деда и бабушки пришлись на январь и большую часть февраля 1945 года. И как часто бывает, именно на это время, когда дед был совсем немощен, надо было представлять первую книгу на Сталинскую премию. Но она, как назло, задерживалась с выходом из печати, и к тому же сам дедушка не мог представить ее, он просил сделать это Всесоюзное научно-техническое общество

сварщиков. 20 января он получил телеграмму с просьбой прислать отзыв о книге. Организовать это было непросто. Его удалось получить, а отправлен он был лишь через месяц – 21 февраля. Представить же саму книгу надо было до 1 марта. Книга вовремя не вышла. Было решено отправить заместителю министра верстку, но, в общем, бабушка уже тогда предсказывала, что "дело не выйдет".

Представляя книгу на премию, дед стремился не столько удовлетворить свое самолюбие, сколько хорошо понимал, что переезд в Ленинград и обоснование на старом месте потребуют немалых расходов. Однако затея эта рухнула. В итоге страдал даже старый кот Мураш, про которого бабушка писала: "Мураш жив, здоров. Два дня почему-то орет. Дедушка ему деликатно поддает под зад".

Здесь немного расскажу о бабушке. Нетрудно было убедиться, что она в письмах очень обстоятельно информировала нас об их жизни. К той серьезной информации, о которой шла речь, надо добавить, что бабушка не только рассказывала о наших приятелях, оставшихся в Перми, но красочно описывала, как мальчишки крючьями цеплялись за бортовые машины и так катались, рассказывала о трамвайной катастрофе, о том, как нашему приятелю Леньке военный надрал уши и т. д. Каждое ее письмо было индивидуальным – адресованным, как правило, одному человеку. Если же она писала сразу Витьке и мне, то начиналось такое послание с извинений.

Милая наша, добрая, заботливая бабушка..., и правда – откуда только брались у нее силы, если учесть, что ее при всем том, что выпало на ее долю, мучила астма. У нее были такие страшные приступы, что она буквально задыхалась. Воздух хлюпал, булькал и свистел в бронхах. Она не могла во время приступов не только что-нибудь делать, но не могла даже разговаривать. Ну, а лекарства – что же – это был вонючий астматол, который бабушка с ожесточением курила, да разного рода ингаляционные снадобья. Только помогало все это скверно, а точнее, совсем не помогало. В одном из писем (от 27 февраля) есть резкие строки, посвященные бабушкой самой себе . Она замечает: "Чувствую я себя не совсем хорошо, очень мучают головокружения, а затем астма где-то притаилась. Сегодня при такой чудной погоде я едва дошла. Ходила за хлебом, потом прошла на базар, а назад едва вернулась. Так стало душить, что едва поднялась на проклятую лестницу. Очевидно, все волнения за папу даром мне не пройдут. Не хватает еще мне этого удовольствия". Увы, "удовольствие это бабушку не покидало. Да и умерла-то она именно от астмы. Но бабушка, как и наша мама, пошедшая в нее, была человеком на редкость выносливым. Чтобы совсем не одолела тоска, она тормошила деда, заставляла его не просто гулять, дышать свежим воздухом, а водила его в кино и даже в церковь. Называлась она "Слудская" (по названию пермского селения Слудка), церковь, старостой которой была наша хозяйка - О.М. Зеленина, благо находилась довольно близко.

Разумеется, и дед, и бабушка были крещеными людьми, но не были не только набожными, а вообще не верили в Бога. Их атеизм брал корни главным образом от всех дедовых революционных увлечений молодости. Из старшего поколения Вологдиных, по-моему, веровала только Надежда Петровна, а из поколения наших родителей только Валерия Валентиновна. Для меня это обернулось тем, что меня и вовсе не крестили, хотя Витька был уже крещеным.

В общем же религия не играла в жизни семьи деда никакого значения. Однако бывать в храме он любил. В то время, о котором идет речь, дедушка не мог выстаивать службу и, войдя в храм, сразу садился. К счастью, в Слудской церкви для этого были поставлены скамеечки.

Выбор фильмов, на которые мы ходили в Перми, был не богат. В своих письмах бабушка упоминает такие картины, как "Подлодка № 9", "Песнь о России", "Иван Грозный", "Антоша Рыбкин", "Нашествие". Дважды встречается название одного и того же фильма, но написанное по-разному. В одном письме он назван "Джинки из джаза" и рядом примечание (кажется так?), а в другом письме - "Джордж из Дзинки

джаза". Во втором случае бабушка замечает: "Я что-то тупею, меня начинает затруднять написание некоторых слов". Думаю, что бабушка здесь была не права, просто слова такие попались, что язык сломаешь.

Но, так или иначе, а к началу марта ситуация у наших стариков начала улучшаться. Уже в конце февраля бабушка писала: "Мы немножко отдыхаем от пережитого...", а в приписке на полях письма добавляла: "Папа начинает немного поправляться, но глаза у него очень усталые".

Еще через месяц, 20 марта в письме бабушки звучат уже совсем бодрые нотки: "Наша жизнь идет пока спокойно. Папа работает хорошо. Часто перевыполняет свою норму. Я тоже принимаю участие. Когда у папы накапливается материал для диктовки - сажусь я. Не думайте о нас плохо! Но папа все-таки печатает быстрее меня. Скованность в движениях заметно уменьшилась. Ему удается надеть теперь самому ботинки, а сегодня даже одел шубу. Пришел в комнату такой сияющий. Хоть в таком состоянии нам бы приехать.

Я нахожусь в состоянии "ни туды, ни сюды". Вчера так схватила утром астма, что я изъяснялась только жестами, целый день лежала. Вставала только разогреть обед. Сегодня лучше. Удушье мучает меньше". Хотя такие неприятности заметно портили жизнь наших стариков, многое теперь ее украшало. В некогда голодной Перми - городе, в котором мы стояли в очередях за тарелкой похлебки и ели очистки, теперь можно было купить и купить недорого почти все: молоко, муку, картошку, мед, масло, телятину, словом, действительно все, что угодно. В доме было постоянно тепло – 19-20 градусов, так как в дровах недостатка не было. И дед шутил: "От такой благодати мы собираемся уезжать!". Чтобы подзадорить нас, бабушка подробно описала их рацион в течение ряда дней. Масленицу 1945 года они с дедом справляли по-настоящему. В понедельник бабушка пекла блины, которые они ели с маслом и сметаной. В среду были шаньги и торт. В пятницу опять блины, а в субботу - настоящие оладьи на дрожжах, которые очень удались. Но, разумеется, невзирая ни на что, дед и бабушка жили одной надеждой - скорее уехать. Но на отчаянные просьбы деда сообщить что-нибудь, внести ясность в вопросы, связанные с отъездом, из Кораблестроительного института не отвечали. 24 марта бабушка писала мне: "Вот и март кончается, как будто и приближается наш отъезд, но вера в него мала. Дедушка давно написал в Институт письма, но ответа до сих пор не имеет. Забудут его в здешнем углу... А мне очень хочется попасть к вам, я так устала от нашего одиночества".

В отличие от бабушки, которую не оставляла астма, дела у деда шли все лучше. Бабушка в том же письме ко мне писала: "На днях меня очень порадовал дед. Представь себе, сам запаял большую кастрюлю. Когда он стал готовиться, у меня на душе стало нехорошо, ну, думаю, буду отличаться вовсю, а дед будет из себя выходить. И вдруг он все сделал сам..."

27 мая бабушка написала письмо Виктору. К сожалению, у них День Победы прошел в общем-то без особых торжеств и, конечно, им очень хотелось бы быть в этот день в Ленинграде, но... вызова из института все не было, а ведь уже кончался май! По этому поводу бабушка заметила: "Мы скоро совсем с дедом закиснем, если нам не вышлют вызова". И добавляла: "Сегодня дед принес последний ящик ваших дровишек. Правда, пора ехать?" Это было последнее письмо из Молотова. Вскоре бабушка и дед наконец вернулись в Ленинград, в котором они не были три года и восемь месяцев. Им исполнилось тогда по 61 году, близилась 62-я годовщина. Им было тогда столько лет, сколько сейчас мне...

Новая жизнь в Ленинграде

В каждом письме из Перми бабушка передавала свою просьбу и просьбу деда - навестить квартиру на Динамо. Однако мама наша тянула и тянула с этим. Тон бабушкиных просьб становился все безнадежней. Даже в последнем письме были слова: "Попадете ли вы когда-нибудь в нашу квартиру?" Мы туда все-таки попали. Это было удивительное событие.

Когда бабушка с дедом улетали из блокадного города, они составили полную опись всего имущества, которое оставалось в квартире. Была договоренность, что приглядывать за нею будут Сережа Овсянников и домработница Маруся. Имея опись, переданную нам бабушкой, мы пошли открывать квартиру. Не помню точно, но, кажется, с нами была домоуправша. Все было таинственно, интересно и жутко. Ведь мы шли туда, где не были почти 4 года, 4 страшных года. Мы шли туда, где прошло наше так нежданно оборвавшееся детство. Наконец, мы шли туда, где умер Сережа.

Снаружи все было заколочено досками: и большущие окна, и дверь. Замков никаких не было, не было и никаких печатей. То, что мы увидели внутри, больше всего напоминало погром. Почему-то почти вся мебель была сдвинута со своих мест. На всем лежал толстый слой пыли, а по углам всюду висели грязные плети паутины. Однако самое интересное началось тогда, когда мы начали проверять наличие вещей по списку. Получалось так, что, как будто, налицо было все. Скажем, был у бабушки громадный ковер, которым не пользовались, ибо он был слишком велик для любой из комнат. Вместо этого ковра на полу валялась облезлая медвежья шкура. Числилась в списке швейная машина фирмы "Зингер", а имелась расхлебанная "Госшвеймаш". Кажется, предметы по списку называл я, а мама и Виктор, охваченные каким-то неестественным весельем, чуть не со смехом отвечали. Я говорил: "Настенные часы с боем". Мне отвечали: "Есть" и показывали на круглые ломаные часы фирмы "Мозер". Словом, подменили абсолютно все мало-мальски ценные вещи и в том числе даже стулья. Нас ограбили, но сделали это так, чтобы и придраться было нельзя. Довольно скоро удалось выяснить, что скорее всего организовала грабеж Маруся. Мне вспомнились слова Сережи из одного его письма, полученного незадолго перед смертью. Он писал, что Маруся утащила у него хлебные карточки, что, возможно, и было причиной его смерти. Известила нас о кончине Сережи Маруся, но ее же видели вместе с матросами, которые таскали вещи из нашей квартиры. Словом, дедушку и бабушку ждал печальный сюрприз, хотя были среди вещей, находившихся в квартире, и совсем не наши. Например, стояла бронзовая фигура девы с надписью "Agriculture". Очень милая, симпатичная статуя, но, повторяю, совсем не наша. Впрочем, таких вещей было совсем немного - помимо статуи - два барометра-анероида.

Рис.33. Игорь Викторович Вологдин – он «варил» газопровод для Ленинграда

Вскоре на Динамо поселились мы с Игорем (я перебрался сюда с Эсперовой) и занялись уборкой, а также ремонтом квартиры. К приезду бабушки и дедушки все было приведено в относительный порядок. В квартире можно было жить. Сразу после возвращения дед включился в работу института и, в частности, возобновил чтение лекций. Дело подготовки сварщиков для судостроения в Ленинграде было возрождено. Снова весело засверкали снопы ослепительных "славяновских" искр на многочисленных стапелях судостроительных заводов, да и во множестве обычных заводских цехов. Теперь город уже не маскировался от возможных налетов германской авиации. Война кончилась, и темными осенними вечерами можно было видеть, как яркие вспышки то здесь, то там освещали небо.

Дел у деда было очень много, и он, уставший от вынужденно ограниченной активности в Перми, со свойственным ему энтузиазмом взялся за работу, ведя ее сразу

по многим направлениям. Впрочем, первое направление было традиционным - он продолжил работу над второй книгой, которая называлась "Коробление и внутренние напряжения при сварке судовых конструкций". Да, кстати, в 1945 году, наконец, увидела свет и первая книга (16), выпущенная "Оборонгизом". Объем ее был 10 печатных листов. Что же представляло собою это произведение, стоившее автору нечеловеческих усилий? Ответ на этот вопрос я нашел в статье преемников деда, написанной после его смерти (9). Г.А. Бельчук и В.Д. Мацкевич писали: "В этой книге Виктор Петрович обобщил свой громадный опыт в области сварки, изложив доступным и понятным языком основные закономерности возникновения сварочных напряжений и деформаций. Монография явилась первым трудом, обобщавшим эту важную проблему. Она получила самое широкое распространение и до настоящего времени является настольной книгой для кораблестроителей и сварщиков, работающих в судостроении".

Как видно, отзыв, что называется, "вполне положительный". При работе над этой рукописью я столкнулся еще с одним вариантом отзыва. Правда, часть строк, которые я процитирую, были вычеркнуты, но они заслуживают внимания. Там сказано: "В книге даются основные сведения из элементарной теории внутренних напряжений и дальше приводится большое число примеров и различных случаев появления усадки при сварке судовых конструкций. На простых остроумных схемах поясняется механизм возникновения напряжений, приводятся численные значения усадки, анализируются способы борьбы с ними".

А вот и купированная часть рукописи: "Можно бросить упрек автору в том, что эта книга была не особенно глубока теоретически, можно не соглашаться с принятыми в ней упрощенными схемами, однако никто никогда еще до этой книги Виктора Петровича не давал таких четких и ясных представлений о картине усадочных явлений. Ни одна сложная теория об усадочных явлениях при сварке никогда не давала столько практических указаний и столько ценных советов рабочим, мастерам и конструкторам".

Понятно, почему вычеркнут этот отрывок. Автор рукописи просто забыл, что пишет некролог и "бросить упрек автору" он, увы, никак не смог бы. Однако этот запоздалый отзыв не слишком доброжелательно настроенного человека ("элементарная теория", "упрощенные схемы") все же интересен. И вот чем. Когда я в Перми наблюдал за работой деда, меня поражало то, что почти все, что мы чертили, он брал из головы. У него ведь не было возможности пользоваться библиотекой, он имел с собой всего пару специальных изданий. То есть всю "элементарную теорию" с эпюрами внутренних напряжений и численных значений усадок дед держал в голове. Далее. Конечно же, он не мог экспериментировать, и все, о чем он написал, вытекало из его собственного опыта работы в качестве простого сварщика. Только глубокая любовь к делу в сочетании с удивительной памятью позволили написать эту явно нужную книгу. И грош цена "сложным теориям", не дающим необходимых, реальных и эффективных советов.

Вторая книга представляла переработанный дедом вариант первой, приспособленный к нуждам производственников. Книга эта вышла в 1948 г. Помню, уже будучи студентом последнего курса университета (т.е. в 1957 году), я увидел в нашем книжном ларьке книгу по сварке, касающуюся деформаций и т.д. С любопытством просмотрел список литературы и не обнаружил там фамилии деда. Это меня, конечно, огорчило. Позвонил на кафедру сварки Кораблестроительного института (не помню, то ли Бельчуку, то ли Мацкевичу). В ответ – веселый смех и слова: "Ну, знаете, с тех пор наука ушла далеко вперед, разработана сложнейшая теория деформации конструкций". Не хочу сказать ничего худого о новой сложной теории, а о короткой памяти некоторых учеников деда сказать надо. Да, увы, с преемниками в Ленинграде деду не повезло. Помню, встретил перед поездкой во Владивосток на юбилей сварки В.Д.Мацкевича. Спросил его, как участвует дедова кафедра в юбилее. Он ответил что-то очень невразумительное.

Работа у деда шла своим чередом. Я рассказывал уже, как еще до войны он показывал мне и Виктору "незвучащую" сварную конструкцию. Нам она показалась даже не очень интересной игрушкой. Но за этим стояло очень и очень серьезное дело, к которому дед вернулся после войны.

Сделана эта конструкция была гениально просто, по принципу мороженого (было до войны такое мороженое: кружок-вафля, затем само мороженое и снова кружок). Так вот, на лист стали наносили слой битума, а потом на него накладывался второй. Торцевые части листов сваривались. Такой лист, сколько по нему не колоти, не звенел, а в судовых конструкциях не резонировал. В итоге, делая из такой "незвучащей" стали кожухи зубчатых редукторов на быстроходных судах и используя ее в других "звучащих" механизмах, удалось значительно снизить уровень шума на кораблях. Это усовершенствование нашло широкое применение.

Снова, почти как до войны, дед был занят делами. Теперь я был взрослым и видел их, что называется "в разворот". Этому содействовал и способ моего существования. После переезда в Ленинград я работал механиком на заводе "Радист", *) потом учеником конструктора в ИРПА**) и учился в школе рабочей молодежи. Однако маме, конечно, было "жаль мальчика", и в сентябре 1945 года я уволился и перешел в дневную школу. Поселился на Динамо с бабушкой и дедушкой. Утром я отправлялся в школу, потом, вернувшись из школы, перекусывал и шел на Эсперовую готовить дрова. Пообедав с мамой, Витей и Всеволодом, я опять шел на Динамо, где готовил уроки и ложился спать. Жил я в маленькой комнате на втором этаже - рядом со спальней деда. Разумеется, видел я его каждый день. В его лексиконе чаще всего слышались слова: институт, кафедра, техсовет, общество сварщиков...

У Виктора распорядок жизни был подчинен иному - эсперовскому ритму.

---

*) Ныне завод "Измеритель", что на Чкаловском проспекте.

**) В Институте радиовещательного приема и акустики им. А.С. Попова.

Мама тогда работала патронажной медсестрой в университетской поликлинике. Чтобы дать представление о способах существования Вологдиных в то время, должен сказать о дядюшках, да и о семействе Валентина Петровича.

Игорь вернулся в Ленинград в конце 1944 года и с грехом пополам получил квартиру на втором этаже деревянного дома на углу улиц Подковырова и Щорса (Малого пр. Петроградской стороны). Работал он в разных организациях, но больше всего мне запомнился Ленгазсетьстрой, где он занимался контролем сварных швов на газопроводе. Тетя Марина присматривала за девочками.

Дима участвовал в быстротечной войне с Японией, он с семьей вернулся в Ленинград 9 ноября 1945 года. Поселились они в довоенной квартире на Ропшинской улице, 12 (тоже на Петроградской стороне). Дмитрий работал на судостроительном заводе № 5 - военном заводе, на котором строили торпедные катера. Анастасия, как и Марина, занималась дочками.

Дядюшки не слишком баловали нас вниманием и появлялись на Динамо не очень часто. Хотя я вовсе не хочу сказать, что они забывали стариков. Впрочем, говоря об этом, мне трудно сохранить объективность. Ведь как бы то ни было, а в общем забота о двух больных пожилых людях была возложена на мальчишку 16 лет от роду. И видимо, это было единственно возможное решение. Шла тяжкая послевоенная пора. Дядюшки были по горло заняты устройством семейных гнезд. Мама буквально разрывалась между работой, Эсперовой и Динамо. Она единственная бывала у бабушки и деда каждый день.

Теперь о семье Валентина Петровича. Дядя Валя за годы работы на Урале можно сказать "врос" в большую промышленность. Были внедрены многие его рекомендации

и изобретения. Стал еще более известен он, множество "командиров производства" стали известны ему. Кстати, интересно, что Валентин Петрович так был занят производственными делами, что бывал в Боровом очень редко. Поэтому он вовсе не являлся полноправным членом академического мира.

По окончании войны встал вопрос о том, где жить. Многое говорило за то, что надо перебираться в Москву. В то время Валентин Петрович был уже лауреатом Сталинской премии, и вопросы о работе и жилье вполне можно было решить. Однако перетянул Ленинград. 22 августа 1944 г. Валентин Петрович вернулся в Северную столицу. Полупустой эсперовский дом снова начал наполняться жизнью. Приехала и Валерия Валентиновна со всем своим семейством. К сожалению, младший ее сынок Санечка навсегда остался в пермской земле. Он умер от воспаления легких.

В послевоенные годы Валентин Петрович был одержим одной идеей – необходимостью создания специализированного института - института токов высокой частоты. Вначале (в 1946 г.) при Ленинградском электротехническом институте была создана лаборатория высокочастотной электротермии Академии наук. А уже в апреле 1947 г. был создан ВНИИТВЧ. На дядю Валю легла тройная нагрузка: он возглавлял институт, лабораторию и кафедру в ЛЭТИ. Его кипучая натура получила полнейший выход. К счастью, здоровье позволяло ему тянуть тяжелейший воз.

Возможности Виктора Петровича все резче ограничивала болезнь. Все скованнее становились движения, все больше нарушалась их координация. Когда дед волновался, правая рука его начинала очень сильно дрожать. Вскоре стало ясно, что он совсем не может ездить на работу на городском транспорте. Ну, а ездить на такси было слишком дорого (не хватило бы и профессорской зарплаты!). В то же время было ясно, что для деда выход на пенсию равноценен смерти. И снова выход нашел он сам. Дед предложил купить машину. Конечно, немалую роль в таком решении сыграли и дядюшки, ибо, конечно же, машина была их мечтой.

Купить тогда трофейный автомобиль было не очень трудно. И вскоре перед нашей квартирой появился черный "Opel-6". Это был очень симпатичный автомобиль, в очень хорошем состоянии. С грехом пополам решили проблему с гаражом, и дядюшки начали возить деда в институт. Однако это постоянно создавало большие трудности: надо было отпрашиваться с работы. При опозданиях шоферов дед, конечно, нервничал. Снова надо было искать выход. Тут-то дед вспомнил, что его "старый знакомый" Клим Ворошилов является председателем Президиума Верховного Совета СССР, а вспомнив, написал ему.

В связи с этим он часто, смеясь, цитировал известное тогда стихотворение: "Климу Ворошилову письмо я написал: товарищ Ворошилов, народный комиссар". К чести народного комиссара, он разрешил "в виде исключения" включить в штатное расписание ЛКИ должность шофера (личного шофера проф. В.П.Вологдина).

Воз, который он тянул, был по силам разве что вполне здоровому человеку. Дед заведовал кафедрой ЛКИ и читал лекции, руководил работой аспирантов, консультировал ряд заводов, участвовал, стараясь не пропускать ни одного заседания, в работе технического совета по сварке и в работе Научно-технического общества сварщиков. Мне, а особенно бабушке, при сборах на заседаниях НИТОС доставалось "на орехи". Дед с утра начинал готовиться к заседанию. Он тщательно подготавливал все необходимые бумаги, складывал их в портфель. За несколько часов до начала начинал одеваться, ибо этот процесс был длителен и мучителен. Бабушка обязательно клала ему в карман чистый, надушенный одеколоном носовой платок. Наконец, я помогал деду сесть в машину, и он отправлялся священнодействовать, именно священнодействовать, ибо его отношение к работе совета и НИТОС было в полном смысле этого слова благоговейным.

Интересно такое свидетельство, приведенное в книге "Товарищ Дальзавод". Главный сварщик завода Святослав Николаевич Агрономов (12) в 1947 году был на Всесоюзной

конференции по сварке. Тогда дальзаводчане привезли В.П. Вологдину адрес и в перерыве между заседаниями его вручили. Сам Виктор Петрович уже доклада не делал, вместо него он был зачитан кем-то другим.

Святослав Николаевич впервые увидел Вологдина в их владивостокском доме в 1923 г. Его отец – проф. Агрономов – математик по специальности – был тогда проректором ДВГУ и соответственно заместителем Виктора Петровича. Сын его пришел в сварку лишь в 1940 г. И вот несмотря на то, что в последний раз дед мог видеть младшего Агрономова в 1933 г., он его узнал и, как сказано в статье, вдруг спросил: "Вас, кажется, когда-то звали Славой?". И получив подтверждение, тут же приказал: "Завтра – ко мне в институт!" Дальше в статье сказано:

"Он водил земляков по лабораториям, говорил о работе, но когда попытался что-то начертить мелом на доске, молоденькая сотрудница поддерживала его руку". Помню, что в те годы дед часто встречался с Федором Францевичем Бенуа - одним из потомков славного рода, который заведовал сварочной лабораторией судостройремонта, а затем был доцентом Ленинградского института водного транспорта. Этот удивительно мягкий, поистине интеллигентный человек, несмотря на высокий рост, был так тих и незаметен, что иной раз я даже не слышал, как он, поднявшись на второй этаж, проходил мимо моей комнаты. Все разговоры с дедом они вели буквально вполголоса. Тихо, ровно журчала беседа, и если мне случалось сидеть рядом, меня от журчания незнакомых терминов непременно клонило в сон. В те годы дед занимался разработкой технологии изготовления так называемых гармониковых мембран. История с этими мембранами началась еще в 1939 г., когда Ленинградский металлический завод должен был освоить их изготовление.

Гармониковые мембраны внешне действительно были похожи на гармошку, составленную из почти плоских кружков. Нужны они были для регулирования давления пара в турбинах, а инженерное их название было "сильфоны". До войны при их изготовлении брак составлял до 75 %. К тому же работали такие мембраны от нескольких часов до месяца. Лишь одна проработала целый год. Так вот в 1939 - 1940 гг. лаборатория сварки ЛКИ сварила для Металлического завода 80 мембран. При этом, как пишет К.М Олиференко [32]: "Несмотря на многочисленные трудности, эта работа была выполнена В.П. Вологдиным очень искусно и с большой тщательностью. Завод использовал их в регуляторах паровых турбин ряда электростанций. Но, началась война и проследить за работой мембран оказалось невозможно" (17, с. 25).

В 1948 г. снова потребовались сильфоны, которые заказчик (Ленинградский завод "Знамя Труда") хотел видеть изготовленными из нержавеющей стали. Такие гармониковые мембраны различного размера, из разных марок "нержавейки" были изготовлены у Виктора Петровича в лаборатории. И тогда же, в 1949 г. он получил на них авторское свидетельство, которое я передал в музей Дальзавода. Позже один из сотрудников дедушкиной лаборатории, используя его материалы, наладил массовое производство мембран на самом заводе. У меня в памяти остались до сих пор симпатичные, очень аккуратные кружочки, не сходившие с рабочего стола деда. По их кромке пробегал аккуратный сварной шов.

Дед хорошо понимал, что для него главное было продолжать работу, продолжать во что бы то ни стало. И хотя было очень трудно, порой невыносимо трудно, он продолжал свое любимое дело.

Виктор Петрович и его потомки

Был ли счастлив Виктор Петрович? Нашел ли он счастье в своих детях и внуках?

Рассказ этот, видимо, надо по старшинству начать с нашей мамы. Как всякому сыну мне трудно писать о ней. Ведь при этом так и просятся на бумагу слова в превосходной

степени, только знаю, что они здесь неуместны. Но, соберусь с духом и постараюсь немного рассказать, нет, не о маме, а об отце и дочери.

Я, разумеется, ничего не знаю о переживаниях деда, связанных с маминым разводом. Однако сейчас, выстрадав сполна развод сына, могу себе кое-что представить. Такое несчастье есть прежде всего в какой-то мере потеря человека, недавно еще родного, своего, и превращение его в чужого. Это всегда горько, это всегда тяжело. Говорят: "Уехать, значит, немножко умереть". Ну, а в таком случае развестись, значит, почти по-настоящему умереть. Для деда мамин развод был двойным горем, ибо он сразу терял и зятя, и человека, с которым были связаны самые светлые надежды на совместную работу, надежды на появление преемника, которого он самозабвенно готовил. В какой-то мере скрашивало удар то, что при маме оставались два "башибузука", т.е. мы с братом. Однако, как я уже говорил, именно из-за нас мама должна была бросить учебу и, разумеется, это тоже являлось для деда тяжелым ударом... Но то, что была у родителей дочь Вероника, было для них великим счастьем. Потому что никто на всей земле так не любил мать и отца, потому что никто и никогда не принимал так близко к сердцу их горести и радости.

Мама, конечно, была талантливым человеком. Она прекрасно пела, вышивала, шила и перешивала. Главным же даром ее была любовь к людям и умение заботиться о них. Она и только она на протяжении всей жизни дедушки и бабушки была их основной надеждой, человеком, который в самое трудное время не только был рядом, мог помочь, утешить, но был и незаменимым домашним медиком.

Когда не стало родителей, мама не могла жить спокойно. Она постоянно должна была опекать несчастных, слабых и одиноких. Я мог бы назвать не менее десятка людей, которых мама неоднократно возвращала к жизни и которым, как могла, скрашивала самую страшную и безнадежную предсмертную пору жизни.

Дед (с первых дней ее жизни) очень любил свою дочь. Когда он, молодой папа, с любовью рисовал силуэт трехмесячной девочки, он не мог знать, что именно она будет его настоящим ангелом-хранителем. В тяжкие годы эвакуации, когда казалось, что боль и безнадежность навсегда поселились в нашем доме, что мрачна и беспросветна будет вся оставшаяся жизнь, только мама умела снять боль и вернуть ускользающую надежду. И надо было видеть, с какой нежной признательностью смотрел отец на свою дочь.

Дед, разумеется, мечтал, что сыновья пойдут по его стопам. Игорь, преодолев много всяких увлечений, все-таки, хотя и по-своему, пришел к сварке. Путь его был тернист, поскольку самые яркие черты характера деда, которые он унаследовал, были: вспыльчивость, принципиальность и настойчивость. Он не мог видеть несправедливость в любом ее проявлении: был ли это обсчет или обвес в магазине, или что-нибудь на самом деле серьезное. Этот мой дядюшка всегда очертя голову "бросался в бой", что нередко вело к неприятностям. Многие бои ему было бы выиграть значительно легче, будь он членом ВКП (б). Однако он им никогда не был. Как говорил мой отчим Всеволод, в том, что касалось партийности, у нас действовало "правило младшего брата". Именно младшие почему-то вступали в партию, а старшие оставались беспартийными. Дмитрий был партийным человеком, а Игорь - нет. Членом партии стал младший брат Всеволода Владислав, а также мой брат Виктор. Это смешное правило, конечно, имело свое объяснение. Наши младшие братья либо на что-то надеялись, либо реально занимали высокие места, ну, а для этого, как известно, партбилеты были очень нужны. Любовь Игоря к технике была фантастична, но, пожалуй, ярче всего, как и у Дмитрия, это проявлялось в любви к автомобилю. Не случайно братья ряд лет держали первенство в Питере по мастерству вождения. Когда у дедушки появился "Opel", Игорь тоже загорелся желанием иметь машину. И хотя финансовые возможности его были ограничены, он все-таки приобрел и даже не один, а два трофейных автомобиля. Приобретение имело марку "DKW". Я лишь недавно узнал, как расшифровываются эти три буквы: "Der Kleine Wunder", или по-русски "Маленькое

чудо". Это был германский "народный автомобиль" с дешевым мотоциклетным двигателем и кузовом, сделанным из дерева и дермантина. Когда я сказал, что Игорь купил две машины, я был не вполне точен, ибо собственно машина была одна, но было два кузова: один представлял собой спортивный двухместный вариант со съемным верхом, другой обычный – на четыре персоны. Замечательным достоинством DKW была быстрая заменяемость кузовов. Отвинтив 4 гайки, можно было сменить "марку" автомобиля. Таким образом, если для Игоря автомобиль был один, то для сослуживцев он был обладателем двух машин. Хотя по-русски "ДКВ" чаще всего расшифровывали как "Дурак, кто взял". Похоже, это у кого-то эти две машины вызывали зависть, ибо при первом удобном случае на дядюшку сделали донос, в итоге которого его арестовали. Это печальное событие сопровождалось рядом анекдотических эпизодов. Мой отчим Всеволод был страстным коллекционером-филателистом. Среди его марок было несколько серий с портретами Гитлера. Ясно, что хранить "такое" дома было опасно. Поэтому Всеволод отдал криминальный альбом Игорю, который марок не собирал и у которого Гитлера никто бы искать не стал. И вот по иронии судьбы именно у Игоря был обыск и именно у него нашли то, что прятал Всеволод. Впрочем, этим не исчерпывался "криминал", сыщики изъяли николаевский золотой рубль и какие-то украшения тетушки Марины. И вот после ареста Игоря по двору поползли слухи: "У Вологдина нашли портрет Николая в золотой раме!".

Конечно, дед ничего об этом не знал, ибо был тогда уже при смерти. Игорь, увы, даже не смог быть на похоронах отца, а освободили его, продержав в тюрьме полгода, прямо из зала суда. Освободили и выплатили зарплату "за вынужденный прогул". Я упоминал о том, что Игорь занимался сваркой. Собственно суть его работы составляла дефектоскопия – проверка качества сварных соединений посредством гаммаграфирования, т.е. просвечивания и фотографирования швов для обнаружения скрытых дефектов, расположенных в толще металла. Игорь много сделал в этом плане. И не случайно в томе Трудов ЛКИ, посвященном памяти отца, он опубликовал статью "Разрешающая способность гаммаграфирования сварных стыковых соединений". Ну, а во времена оные, дед очень любил поговорить с сыном на технические темы. Это для него была настоящая радость. При этом глаза у него начинали светиться мягким и добрым светом.

Дима, можно сказать, был тоже почти продолжателем дела деда. Он окончил кораблестроительный институт и, как не раз говаривалось, строил корабли. Однако его увлекла не сварка, как таковая, а создание самих кораблей, независимо от того, из чего и как они изготавливались.

Рис.34. Дмитрий Викторович Вологдин – конструктор кораблей по призванию

Сразу после войны он начал работать на заводе №5, где делались торпедные катера, материалом для постройки которых была дельтадревесина (т.е. специальным образом пропитанная древесина). На этом заводе Дмитрий работал под руководством замечательного инженера Павла Густавовича Гойнкиса... Не знаю, как этого симпатичного англичанина занесло в Россию, но знаю, что работал он в "шарашке", т.е. попросту находился под арестом и командовал Конструкторским бюро. Подобно Туполеву и Королеву он был "подпольным" лауреатом гос. премий. Когда Гойнкис освободился, Дмитрий был с ним в самых добрых отношениях. Знал его и дедушка. Быть может, сближали старого конструктора и Диму такие черты характера Димы, как предельная аккуратность и тщательность во всем, очень серьезное, до педантизма отношение к делу, к людям и вообще к жизни. Впрочем, должно быть, все это пришло не сразу. Помню, как году в тридцать восьмом дед и бабушка, живя на даче, с нетерпением ждали, когда Дима вернется из учебного плавания. А его все не было. Возвращение затягивалось слишком сильно и, наконец, стало известно, что во время

практики Дмитрий пострадал – упавшая крышка люка сломала ему ногу. Ногу загипсовали, а самого пострадавшего положили на вытяжку. Только позже я узнал, что в основе "происшествия" лежали совсем иные события. Милые мои дядюшки с большой лихостью мчались на мотоцикле (тогда у них вместо "Цюндапа" был уже "Красный Октябрь") и свалились вместе с машиной, поскользнувшись на мокром асфальте. Ну, а выдумка про "крышку люка" была ложью во спасение. Дед не очень верил тому, что ему говорили, но особенно до сути не докапывался. Словом, кончилось все благополучно.

Дед как специалист-судостроитель, разумеется, знал цену сыну-конструктору. На своем, к сожалению, недлинном веку *) дядя Дима участвовал в создании многих самых разнообразных судов. Помимо торпедных катеров, которые, кстати, ему довелось строить даже в гор. Ухань, в Китае, он конструировал поисковые суда для китобойной флотилии "Слава", прогулочные катера, которые ходили по Неве, спасательные лодки, катера "Невка" на подводных крыльях и даже, как я упоминал, моторную яхту «для самого» Никиты Хрущева.

Чтобы дать представление об одном его детище, приведу выдержку из статьи, опубликованной в "Ленинградской правде" 30 августа 1968 г. Там сказано: "Небольшое судно, чуть больше 10 метров длиной мчится по заливу, оставляя за собой шипящий след. Всем своим обликом напоминает оно спринтера в последнем порыве перед финишной лентой. Устремленный вперед нос, развернутые в сторону и назад стойки подводных крыльев... Удивительно законченные динамичные формы". Кстати, это судно, главным конструктором которого был Дима, являлось второй моделью, а первая уже плавала по Черному морю. По результатам описанных испытаний "Невка-2" была рекомендована в серию.

Конечно, Дима, как и Игорь, нередко обсуждали с дедом те или иные технические проблемы, они с азартом могли о чем-то спорить, но чаще такие беседы были спокойными консультациями или деловыми обсуждениями. После чего собеседники расходились, довольные друг другом. В молодости в жизни Диминой семьи была тяжкая полоса. Его молодая жена Анастасия страдала туберкулёзом. Ей часто приходилось лечиться в санаториях и "поддуваться"! (делать пневмоторакс). Конечно, это сильно осложняло и омрачало жизнь. Разумеется, дед принимал горячее участие в судьбе невестки.

Ну, вот как мог, рассказал о дедовых детях. При этом умышленно не затрагивал пока всерьез тетушек. Они пережили своих мужей, хотя жива только Анастасия Борисовна. Ныне она – самый старший представитель Вологдиных по женской линии. По мужской – эта честь принадлежит мне.

---

*) Дмитрий Викторович Вологдин умер от рака, когда ему было немного за 50.

А что же в пору жизни деда – чем и как влияли они на дела семейные? Конечно влияли, постоянно и весьма многим. Обе мои дорогие тетушки навсегда вписали свои жизни в жизнь рода Вологдиных. Достаточно сказать, что Марина и Игорь начинали свою семейную жизнь на проспекте Динамо все в той же маленькой комнате, в которой потом многие годы (с 1945 по 1986) жил я. Марина – всегда выдержанная, спокойная, доброжелательная, конечно, была хорошей невесткой. Однако не зря сказано: " Жизнь прожить – не поле перейти". Были и неизбежные шероховатости, и недоразумения. Так, какая-то черная кошка пробежала между стариками и семьей Игоря в конце войны. И сын, и невестка почти перестали писать. Бабушка по этому поводу сообщала маме: "Относительно Игоря я не могу ничего понять – почему он так порвал с нами, что за причина? Все-таки это очень больно. Как будто относились к ним хорошо и скоро два

года, как мы виделись, а я получила (от Игоря - прим. - В.Ш.) только одно письмо. Марина тоже пишет раз в 4,5 месяца".

Понятно, что на фоне дедушкиных и бабушкиных пермских бед такое отношение к переписке казалось крайне обидным. Но, думаю, что законная бабушкина обида не имела под собой никаких реальных корней, а Игорь вовсе "не рвал с ними", просто оба, и Игорь, и Марина *) были погружены в повседневные семейные заботы и считали, что вовсе не редко пишут старикам. Впрочем, как бы то ни было, а дети, даже самые добрые, самые хорошие и самые отзывчивые всегда вольно или невольно обижали и продолжают (реально и мнимо) обижать родителей и, разумеется, это, говоря бабушкиными словами, "очень больно". Однако, конечно, не обиды определили суть отношений деда и бабушки с семьей Игоря. Основу этих отношений все-таки определяли внучки. Два очаровательных существа, которые часто паслись на Динамо. Хотя дед в эту пору был уже очень болен, он очень любил, когда девчонки приезжали в гости. Мне трудно судить, улавливал ли дед, что старится. Танюшка была очень похожа на мою маму. В конце жизни деда она была уже большой девочкой, ей исполнилось 10 лет и характер ее вполне определился. Как и мама, она была и есть очень добрый, отзывчивый человек, как и мама – всегда серьезна. Не случайно, должно быть, она единственная пошла по дедовым стопам – окончила ЛКИ.

Впрочем, не буду перечислять все достоинства моей двоюродной сестрицы, их много. Ну, а Гаитка **) была слишком мала, чтобы вызывать какие-то особые эмоции.

Досадно, что нам не дано заглянуть в будущее. Если бы это было возможно, то дед увидел, что именно Таня оказалась ближе всего к делу, которому он отдал жизнь. Она окончила кораблестроительный институт, его сварочное отделение.
И многие годы занималась вопросами сварки, работая в редакции журнала по сварке. Кстати, одним из редакторов его был ученик деда, Соколов, сохранивший самые добрые воспоминания об учителе.

Гаита же, как я упоминал, стала художницей. Жена Дмитрия Анастасия – тетя Ася – была моей любимой теткой Она вышла замуж очень рано. Ей исполнилось всего, если не ошибаюсь, 17 лет. Это было чудесное веселое создание, создание, жизнь которого омрачал проклятый туберкулез. Хорошо помню, что именно тетя Ася ходила со мной по магазинам в 1937 году, где мы покупали все для школы – первые тетрадки, ручки, чернильницы, карандаши. Я очень гордился своей юной тетушкой, потому что, во-первых, она была очень хорошенькой, а во-вторых, у нее был симпатичный кругленький животик. Тогда планировалось появление моей двоюродной сестрицы Марианны. Как и о прочих, я уже упоминал о ней. Дополню портрет ее тем, что была это рыжая, въедливая девчонка, требовавшая, чтобы все в жизни было так, как она того желает. И она многого добилась.

---

*) Увы, Марина Александровна Вологдина (ур. Чумакова) умерла 3.01.1997 г.
**) Так звали дома в детстве Маргариту Игоревну.

Марианна была старшей внучкой. Поэтому дед еще до войны занимался ее воспитанием. У меня в альбоме есть две фотографии. Под одной подпись: "Воспитание ребенка", под другой – "Результат воспитания". Хотя это было более 40 лет назад, помню, как все мы пошли в лес за шишками для самовара. Идти было недалеко, и поэтому взяли с собой Мариашку. Ей было тогда три годика. Это рыженькое создание шло в беленьких трусиках, маечке и панамке. Начали собирать шишки, и все было хорошо, но вдруг Мариашке это надоело. Дед, как бы играя, предложил ей продолжить полезное дело. Но ребенок заартачился. И вот, несмотря на обильные слезы, несмотря на все выкрутасы маленькой хитрушки, дед, где лаской, где таской добился своего.

Дитя вновь, причем охотно, принялось за сбор шишек. Процесс "воспитания" занял много времени, но в таких случаях дед времени не жалел.

Ася, как и дочка, тоже умела взыгрывать. Но ее "взрывы", иногда довольно серьезные, возникали в основном на почве ревности и прямо не затрагивали бабушку с дедушкой. Хотя тетя Ася в общем умела "держать всех в тонусе", кто-то же должен был делать это, иначе жизнь была бы слишком пресной.

Димины дочки, как я говорил, от дедовой дороги оказались далеки, хотя младшая - Катя и стала инженером-электриком. Теперь должен рассказать о себе и Викторе. Мой брат всегда хорошо учился и смолоду увлекался спортом. Он занимался греблей. Благо около самого эсперовского дома было несколько гребных клубов. Виктор выбрал "Буревестник". Его участие в делах общесемейных, в силу обитания на Эсперовой, носило эпизодический характер. Разве что по воскресеньям он вместе со всеми бывал на Динамо в гостях и тогда мы вместе "гоняли собак". Наконец о себе. Собственной персоне я должен буду уделить относительно много внимания, ибо я жил на Динамо и...

Сначала, когда дед и бабушка находились в Перми, мы жили все вместе на Эсперовой: мама, Витька, Всеволод и я. Обитали мы с братом в комнате тети Глаши. Вначале я ходил на работу на завод "Радист", потом перевелся в Институт радиовещательного приема и акустики (на Каменном острове, возле спиленного ныне дуба Петра Великого), где работал электромонтером. Работа на заводе была хорошей школой жизни. Мой жалкий опыт работы в Перми в поликлинике, где я в 43-44 гг. разносил бумажки и где мама следила за тем, чтобы я не переработал, не шел ни в какое сравнение с суровой заводской действительностью. Однако меня не столько поразил "трудовой процесс", не столько озадачили "сверхурочные", когда мы работали, не уходя с завода, по два-три дня кряду, сколько поразила, озадачила обстановка в школе рабочей молодежи. Там никто не хотел учиться. Учиться, ходить на уроки считалось зазорным. Хотя, конечно, "ученики" в каком-то количестве присутствовали. Особенно туго приходилось мне с моими замашками "нормального" ученика обычной провинциальной школы. Я еще приходил в школу, выучив уроки, и охотно отвечал, получая пятерки. Это сердило соучеников, которые подстраивали мне разные каверзы, а главное, не позволяли оставаться в классе, если задумали "сачковать" – идти всем классом в кино. Несмотря на все это, я очень прилично закончил 8 класс и перешел в 9. Но тут-то, жалея меня и учитывая необходимость помогать бабушке с дедушкой, мне позволили уволиться с завода и перевестись в дневную школу.

Результаты сказались быстро. Уже к окончанию девятого класса я сполз в школе до двоек, ибо теперь без принуждения сам охотно пропускал уроки. Сидя у какого-нибудь лоботряса, мы болтали, иногда играли в карты и немного покуривали. Сейчас, оглядываясь назад, с удивлением констатирую, как мало потребовалось времени, чтобы нормальный парень и в общем неплохой ученик превратился в бездельника. И, увы, я в те поры очень мало был полезен бабушке с дедом. Вот, что я записал в свой дневник 16 апреля 1947 года: "Я живу у бабушки с дедушкой, которым, безусловно, очень многим обязан, Верне, обязан всем, что имею. Теперь – а велика ли польза от моего пребывания в их семье? – Пользы для них абсолютно никакой. Во всяком случае, те мелкие услуги, которые я оказываю им, сводятся к нулю по сравнению с тем, что было сделано дедушкой и бабушкой для меня". Вот так печально складывалась наша новая жизнь на Динамо, хотя были, конечно, в ней и светлые дни. Это, прежде всего, семейные праздники, на которые по традиции собирались все от мала до велика. А теперь семья со всеми внуками и внучками насчитывала тринадцать человек! Праздники проходили очень оживленно и весело. Особенно любила такие сборища бабушка. Готовиться к общему сбору она начинала заранее. Заблаговременно, главным образом на рынке, приобретались продукты. И бабушка с домработницей принимались колдовать. Помогала им в этом мама. Когда собирались гости, дед всегда был в гуще событий,

шутил, причем нередко над самим собой. Среди многочисленной мелкоты, которая тормошила и донимала его, он, казалось, совсем забывал о своей болезни...

Дед сделал интересную попытку вернуть воспоминания о далеких владивостокских годах. В нашем доме появился щенок-овчарка по имени Грей. И это был важный шаг. 3 января 1946 года я писал в своем дневнике: "Сейчас сел заниматься и даже не сразу понял, отчего так светло и радостно на душе. И только теперь понял, что это от того, что дедушка сегодня выглядит таким молодым, веселым и жизнерадостным. За ужином он занимался дрессировкой Грейки и так хорошо радовался ее успехам и смеялся ее неудачам, что, я думаю, всем и Катичке, и Витьке было радостно на душе. Дедушка даже шутил с Катичкой по поводу белой булки, которую ему запретил есть врач. Да, все это замечательно, и замечательно потому, что все последнее время дедушка был особенно угрюм и неразговорчив". Однако вскоре пес заболел и его пришлось усыпить.

Но вернусь к собственной персоне. В 1947 году я все-таки закончил школу и начались страдания с поступлением. Куда поступать? Этот вопрос был невероятно мучителен для меня. К тому времени я поднаторел в поэзии, много читал, к тому же друг мой Витя Португаль, живший в наших корпусах, учился в Библиотечном институте и меня тоже тянуло туда. С другой стороны, я с детства любил зверюшек, любовь к которым воспитал в основном Всеволод, и меня тянуло на биофак, а дедушка, конечно, мечтал видеть меня в "корабелке". Все мои метания и страдания кончились тем, что я все-таки стал студентом Кораблестроительного института. Дед радовался этому больше, чем я сам. Не случайно в предисловии ко второй своей книге он написал, что приносит глубокую благодарность внуку своему Валерию Шевченко, ныне студенту I курса ЛКИ за изготовление большинства рисунков к книге. Казалось, что после этого у меня не было хода назад – быть мне корабелом-сварщиком. Однако к собственному моему огорчению выдержать испытание техническим образованием я смог только один семестр. Замучали меня "начерталка" и марксизм. Сдавал их бесчисленное количество раз, но безуспешно. Оказавшись на улице, чтобы "не болтаться", я снова пошел работать в ИРПА. На этот раз сидел в КБ и с большим увлечением чертил. Наконец, осенью 1948 г. я поступил в университет на биофак. Знаю, что это было большим ударом для деда, но, что поделаешь, теперь, проработав в биологической науке 46 лет, я могу сказать, что это действительно было мое призвание. К счастью, биологическое образование шло у меня чем дальше – тем успешнее, и дед это видел, что в какой-то мере сглаживало его разочарование. Некому было передать начатое.

Валентину Петровичу повезло в этом плане больше. По его стопам пошли Всеволод и Владислав, а из внуков и их жен и мужей ЛЭТИ окончило семь человек. Владислав даже был много лет директором НИИТВЧ, когда институт носил имя его отца. Кстати, носит он его и сейчас. Сохранился и бронзовый бюст Валентина Петровича. Вот только Историко-технический музей, хранящий многое из того, что напоминает не только о дяде Вале, но и других братьях Вологдиных, влачит жалкое существование. К главному зданию серьезно приценивалась весьма солидная организация – ФСБ. На наше счастье у неё не оказалось «лишних» денег, а то ведь пришлось бы искать новое место для бюста Валентина Петровича, стоящего перед дворцом.

Что же такое жизнь?

Почти 10 лет мучила Виктора Петровича болезнь, но он мужественно сопротивлялся ей. Главное "лекарство", спасавшее его все эти годы, была работа, и в горькой его участи она и только она одна могла утишить боль, вселяла в сердце надежду: "Я тружусь, и значит я нужен!" И конечно, в тяжелые минуты не раз спасали деда от безысходной тоски мысли о том, что большое его дело живет в учениках.

Однако приходит в жизнь людей такая печальная пора, когда далеко не все то, что ты хочешь сделать – ты способен сделать. Дед с трудом, но смирился с тем, что он сам

не мог одеться, зашнуровать ботинки, с трудом, он смирился с тем, что его, как маленького, надо было кормить с ложки, ибо вибрировала непослушная рука, с трудом смирился с тем, что не мог один ходить. Но труднее всего ему было пережить, когда перестал уверенно звучать некогда звонкий голос его, когда его прекрасная дикция медленно угасла, а говорить он стал так тихо, что студенты на лекциях ничего не могли разобрать. Это была настоящая большая беда. Надо было отказаться от чтения лекций...

Рис.35. Виктор Петрович в последние годы жизни

Помню, как возмутило меня известие о том, что какая-то группа студентов написала в ректорат, отказываясь слушать лекции В.П. Вологдина. "Как так! - негодовал я, - отказываются слушать то, что он с таким трудом готовил и так увлеченно рассказывал".

Я никогда не слышал дедушкиных лекций, но и я, и все вокруг знали, как интересно, с каким энтузиазмом он рассказывал обо всем, что ему близко и дорого. По свидетельству очевидцев, именно в последние годы Виктор Петрович говорил на своих лекциях, слушателям, что они будут участниками проектирования и постройки полностью сварных кораблей. И вот теперь надо было бросать дело, занимавшее, если не центральное, то очень существенное место в жизни.

Что касается моего возмущения "неразумным" поступком студентов, оно имело и такое основание. У нас на биофаке лекции по анатомии читал проф. Д.И Дейнека. Когда нам довелось его слушать, он был глубоким стариком. Читать ему было отчаянно трудно. Еле-еле добравшись до кафедры, лектор этот буквально повисал на ней и из-под его моржовых усов едва слышался надтреснутый шепот. Студенческая братия занималась в это время в аудитории чем угодно. Слушали его только те немногие, кто специально, чтобы слышать и конспектировать, садился на первую скамью. Мне нравились лекции Дмитрия Ивановича…

Сейчас, рассказывая об этом, все более склонен думать, что я потому и слушал Дейнеку, что он напоминал мне деда. От лекций Виктору Петровичу пришлось отказаться. Так постепенно все более и более обесценивалась его жизнь. И, кажется, именно в это время, очевидно для заполнения бреши во временном бюджете, дед начал диктовать свои воспоминания. Но, к сожалению, было слишком поздно. Говоря о том, что труд охраняет и сберегает жизнь, я назвал лишь одну, главную силу, но ведь есть и другая – давно известная человечеству – это юмор.

Вспоминается такая история. Было лето. Дед вышел на крыльцо посидеть на стуле, подышать свежим воздухом. Однако насчет воздуха в тот день дело обстояло скверно. На "Динамо" – тогда единственном действующем большом стадионе был матч, и вдоль по проспекту выстраивались целые шеренги автомобилей. Почти к самому крыльцу подрулил шикарный черный лимузин. Из него вышел толстенький, чистенький хозяин и шофер. Они о чем-то посовещались, после чего шофер решительно направился к деду.

– Дедушка, а вы долго здесь будете сидеть? – спросил он. Дед ответил: "Долго".

– Тогда покараульте машину.

Дед кивнул.

Повеселевший водитель бросился догонять хозяина. Потом народ бесновался на трибунах, о чем можно было судить по мощным воплям, вырывавшимся из тысяч глоток. Дед посиживал и поглядывал на автомобиль, на который никто не покушался. Матч кончился. Из ворот "Динамо" повалили толпы болельщиков. Появился и "хозяин" с водителем. Подошли они к машине, и шофер, что-то шепнув шефу, показал на деда, а через секунду, подойдя к нему, он попытался сунуть ему червонец. Дед посмотрел на молодого человека долгим взглядом и сказал: «Я понимаю, что заработал эти деньги, но как-то профессору неудобно брать на чай».

В подтверждение своих слов о принадлежности к профессорскому званию, он показал на сварную табличку на дверях. Молодой человек покраснел, застеснялся и с извинениями удалился.

С мая и до октября 1950 г. была самая страшная пора в жизни деда. Собственно, жизни уже не было. Была нескончаемая, невыносимая мука. Спасали положение только мама и бабушка. Их невероятное терпение, их выносливость и оптимизм выручали всех нас. Мне позволили съездить на практику в Ворсклу. В сентябре начались занятия..., а в октябре деда не стало... Случилось это 14 октября. Я был внизу, когда спустилась мама и тихо сказала, что дедушка умер. Меня закрутило, завертело – ведь после того, как вдали от нас умер Сережа, это была смерть первого близкого человека. Я бросился к приятелю своему Вильке Португалю и просидел у него много часов. Когда пришел домой, мама спросила: "Ты где был, ведь дедушку так трудно было переносить вниз..." Я отмолчался. В доме были все. В столовой на столе стоял гроб, и кругом лежало множество цветов.

В день похорон приехали люди из института и дедушку увезли. Потом мы все поехали в институт. Прощались с дедушкой в том самом актовом зале, куда он нас водил на елку. Как положено, говорили речи, длинные и прочувствованные, короткие, всякие. Но какое это имело значение...? Нашего деда больше не было на земле.

Потом вынесли гроб и установили его на катафалке, в который были впряжены белые кони, накрытые белой же ячеистой попоной. Гроб утопал в цветах. Процессия тронулась. Ей предстоял неблизкий путь: от Лоцманского переулка, что возле Калинкина моста, до Охтинского кладбища. Тогда я впервые увидел гаишников – мотоциклистов, которые, проехав вперед, перекрывали движение и давали возможность процессии спокойно преодолеть оживленные перекрестки. Это было важно, ибо колонна провожающих растянулась не меньше чем на полтора километра.

В том, что похоронная процессия прошла почти весь город, крылось что-то важное. Дед прощался со своим любимым городом, город прощался с ним. Дошли до Охтинского моста. Мне вспомнилось, что это о нем дед нередко говорил как об образце клёпки. Мириады заклепок были израсходованы при его постройке. Процессия пересекала мост. Тихо плыл катафалк, мерно цокали по металлу лошадиные подковы. И вдруг левее моста, на том берегу, там, где располагалась "Петровская верфь", вспыхнула вольтова дуга, за ней еще одна. Сыпались и сыпались крупные голубые искры. Загоревшиеся огоньки ненадолго гасли и вспыхивали вновь. И было это глубоко символично: люди строили корабль, и люди прощались с тем, кто научил их делать это, с тем, кто не пожалел для этого жизни, кто сжег ее до конца так, как сварщик Вологдин сжигал электрод. Сверкая, сыпался, как прощальный салют, шлейф славяновских искр...

Дедушку похоронили на высоком песчаном месте, на старинном Охтинском кладбище. Сначала администрация института предполагала установить на могиле его памятник, который надо было специально заказать. Я видел проект его у дяди Игоря. Это было невысокое прямоугольное гранитное сооружение с эмалевой пластинкой, на которой в профиль изображен сварщик со щитком, а центр занимала феерическая, многоцветная горящая жарким пламенем дуга. Однако вскоре разговоры о памятнике затихли, и бабушка с мамой выбрали и купили сооружение, которое, как мне кажется, напоминает буфет. Главным "достоинством" его было то, что на нем можно было поместить две надписи. Так бабушка позаботилась о месте для себя.

Только мы схоронили деда, как буквально дня через три после него умерла Галина Сергеевна - дочь Сергея Петровича, мать Майки, прожившей с нами всю эвакуацию. Галю похоронили рядом с дедом, а в 1958 г. там же нашла упокоение и бабушка. Здесь, кажется, можно поставить точку. Я честно рассказал все, что мог, все, что помню... Однако что-то мешает, что-то требует продолжить разговор. Всегда, когда мы прощаемся с близкими у этой самой загадочной и трагической, у этой самой последней черты, всегда возникает вопрос: "А что же такое жизнь? Зачем бывает она?". А можно

ли сказать здесь хоть что-то новое? Не знаю... Хочу сказать то, без чего не могу закончить свое повествование.

Инженеры подсчитали все, что сделал за свою жизнь дед – все мосты, пролеты-фермы, емкости, катера, баржи и еще бог знает что. А сделал он очень и очень много, ведь главное его качество было бесконечное, фантастическое трудолюбие. Подсчитано также, что дед напечатал более 30 работ... Это совсем немного... Осталась и работает созданная им кафедра в ЛКИ, живет во Владивостоке полнокровной жизнью бывший Политехнический институт (теперь технический университет)… А где-то по сибирским рекам плавает сухогруз "Профессор Виктор Вологдин". Кстати, вскоре после спуска этого судна плавала на нем Татьяна Игоревна Вологдина – сварщица – внучка сварщика.

Команда корабля преподнесла ей такое доброе стихотворение:

Навашинцев сработанный руками,
Идёт по морю гордый исполин.
И на борту, увековечив имя,
Красуется: «Профессор Виктор Вологдин».

Чем заслужил почёта Вологдин?
Науку на людей работать он заставил
И клёпку корпусов на сварку заменил,
Да скромность в назидание оставил.

.

Светилась радостью за деда внучка,
Родством профессии ему не изменив,
Стояла в тишине подъема флага,
Наш экипаж в одно соединив.

И капитан умелыми руками
В строй сахалинцев судно поведёт.
А экипаж упорными делами
То имя на борту не подведёт.

В морях с солёными штормами
Начнётся милей жизни счёт,
Пройдёт арктическими льдами,
В любой доставит грузы порт.

Жизнь в корабле свою учёный
На миг истории продлит.
О нём народ советский помнит.
Он с нами! Жив, он – не забыт!

Где он сейчас – «Профессор Вологдин»? Какие воды бороздит? Счастливого ему плавания! Эти строки были написаны давно, а 18 июля 2003 г. мне позвонила из Москвы Татьяна Попенченко и сообщила: «Дедушкин корабль продали, причем, несмотря на все и всякие мои знакомства, я не могла узнать: кому продали «Профессора Виктора Вологдина» и какое имя он теперь носит».

Это, конечно, оскорбление, нанесённое национальной гордости нашего Отечества. Горько сознавать, что Родиной правят «иваны, не помняшщие родства».
Тем дороже всё то доброе, что делает Дальневосточный и государственный технический университет и его нынешний ректор Г.П. Турмов!

Ну, и конечно, не надо забывать, что живет на Земле большая семья, в которой каждый из внуков хранит о дедушке своем особую память. Правнуки знают о том, что был у них в роду профессор, доктор технических наук Виктор Петрович Вологдин, а знают они об этом из рассказов родителей. Будет ли у них охота или необходимость рассказать о прадеде детям и новым внукам, правнукам... Кто знает... Кто знает?.. Это тем более важно, что, к прискорбию, мужская линия в вологдинском роду совсем оскудела. Продолжателями рода являются только Валентин Владиславович Вологдин, внук Валентина Петровича, и его сын Владислав...

Говоря о том, в чем и где остался жить дед, нельзя не вспомнить о Майкиной (писательницы М.Н. Данини) книге "День рождения" (18), которая вышла в 1973 г. Книга эта заслуживает специального разговора потому, что автор, как шаловливый ребенок, нарочито перемешал в ней все, что можно перемешать. Зачем она сделала это – не знаю. Но обязательно должен сказать, что в главе I "Дом на Каменном" речь идет вовсе не о Каменном, а о Крестовском острове.

В этой главе есть такая фраза: "Я могла узнать у тети Мани*) куда больше, но я не умела быть послушной и любимой внучкой, со мной всегда надо было справляться. Лучше всего это удавалось деду и тетке Виктории **),которой я обязана всем на свете: она и дед – брат моего родного деда – во время войны взяли меня (из блокадного Ленинграда – прим В.Ш.), и только благодаря им я осталась жива".

Есть в книге глава двенадцатая, которая называется "Дед". Здесь Майка очень точно воспроизводит многое из того, что было характерно для деда, да и нашего дома вообще. Она говорит об "особенном стиле сдержанности и некоторой холодности во всем доме". Да, это было так, и я этого не замечал, ибо сам, как мы все, был сдержан и жил в этой совершенно естественной, с моей точки зрения, обстановке, хотя и изрядно страдал от нее. Есть в Майкином рассказе и еще важные слова о дедушке.

Она пишет: «Кто был твой дед?" – спрашивали меня часто, и я отвечала: "Сварщик". Отвечала так, как принято было говорить дома про деда Сергея, брата моего родного деда, которого называли "металлургом". Хотя оба они были докторами наук, и не то, что я этого не знала, не то, что не хотела говорить всем обязательно: "Он доктор наук, специалист по сварке кораблей", или: "Он – доктор технических наук по технологии металлов", просто это было не принято говорить, и говорилось, как было принято». Кстати, я сам на тот же вопрос отвечаю точно так же, как Майка. Да, дед наш был сварщик – это было то самое почетное звание, которым он более всего гордился.

---

*) М.Ф. Вологдиной (Теплоуховой).

**) Так Майка перекрестила зачем-то маму – Веронику.

И еще. Майка, конечно, на всю жизнь запомнила наше пермское житье. Приводит она в своем рассказе о дедушке два образчика его шуток. Повторю их и я:

"За столом, когда я быстро начинала глотать, Виктор (мой брат – В.Ш.) спрашивал:

– Почему она опять быстро ест?

– Потому, – говорил дед, – что медленно работает.

– А почему медленно работает?

– Потому, что она слишком быстро ест.

– Она, – говорила я оскорбленно, – говорить в присутствии человека нельзя.

– Разве я сказал она? – спрашивал дед Виктора.

– Ты не сказал, а он сказал – говорила я.

– А он говорить можно, – говорил дед утвердительно, и в интонации его звучало примирение и та беззлобная насмешка, которая так сердила меня и нравилась мне, которую мне всю жизнь хотелось обрести и... и никак не удавалось".

А вот второй эпизод: "Иногда хотелось быть совсем такой, как он, даже страдать такими же бессоницами.
– Ты опять не спал? – спрашивала я утром. Но почему, почему? – Забыл заснуть, – усмехался дед, - вернее, забыл, как засыпают".

Эти картинки так живо напоминают деда и будут напоминать, пока люди не разучатся читать. Однако все это разговор не на тему. Ведь обсудить-то мы собирались "Что такое жизнь?", а забрались в дебри, которые есть ничто иное как "жизнь после смерти". Не стало деда, но он живет в строчках, в пароходах... Это мы все проходили. И не про деда это, а про дипкурьера "Нетте". Известно, что Энгельс определял жизнь, как форму существования белковых тел. С абсолютной верой в бесспорность этого положения я прожил всю жизнь, а вот теперь засомневался.

И все-таки: что же такое жизнь? Ответ на этот вопрос искало и ищет все человечество. Конечно, я не решил эту проблему, но хочу на прощание рассказать о некоторых мыслях, которые породили печальные думы, связанные с уходом деда.

Жизнь – ведь это – цикл – жизненный цикл, протекающий в определенной форме. Форма же, чтобы существовать, должна обладать определенным способом существования. Сочетание формы и способа и дает интегральную характеристику жизни. Если существует какой-то вид, т.е. какая-то форма, то он обладает определенным циклом, а значит, описав жизненный цикл какого-то определенного вида, мы тем самым получим представление о жизни этого вида.

Я должен попросить прощение за эти отвлеченные рассуждения, но они необходимы, чтобы понять дальнейший ход рассуждений. Каждый конкретный человек, разумеется, существует как определенная форма. Форма эта может быть высокой и худой, курносой и голубоглазой, либо низкорослой и толстой и т.д., но чтобы понять ее, жизнь, надо знать, какой способ, какую "стратегию" существования эта "форма" избрала.

Дед с ранних лет избрал свой способ существования. Сквозь всю жизнь пронес он чудесный искрящийся огонь вольтовой дуги и все, что он делал на земле, было подчинено этому главному делу жизни - сварке. Раз в жизни избрав этот путь, он не мог и не хотел свернуть в сторону и цикл его жизни прошел как будто под знаком Зодиака голубого, мирного, созидающего огня. И он научил россиян пользоваться этим огнем. Если взглянуть на жизнь деда так, как мы это сделали, становится понятным его трагедия, связанная с надеждой вырастить достойного преемника. Конечно, он видел преемника не только таким же, как он сам, но видел его еще более трудолюбивым, настойчивым, умным, дальновидным. Но для этого должен был появиться человек еще более крупного масштаба, чем дед, а такие люди, как известно, редки. И никто из претендентов, ни отец мой, ни дядюшка, ни тем более я никогда не смогли бы поднять начатое дедом дело на принципиально новую ступеньку. Да не смогли бы... и прежде всего потому, что жизнь каждого человека неповторима и уникальна, и мы избираем свои особые способы существования. Это не значит, конечно, что достойные преемники вообще не могут существовать. К примеру, тот же Патон оказался удачливее в этом плане – его сын не только продолжил сварочное дело, но и стал президентом академии. Правда, это президентство, на мой взгляд, более смахивало на вариант партийного престолонаследия. Ведь недаром один из главных постулатов коммунистов гласил: настоящий коммунист должен уметь все - и заведовать баней, и быть президентом. Здесь мы подошли к очень важной проблеме, к вопросу о роли социального строя в жизни человека. Дед жил сначала при царизме, потом в демократической республике, потом при обыкновенном (не развитом) социализме в СССР. Семью в годы войны да и после неё спасло прежде всего фантастическое мужество деда, удивительная неприхотливость, стойкость и бодрость духа всех родных, заражавшихся его жизнелюбием. Добывание материальных благ никогда не было для Вологдиных самоцелью. Кстати, при советской власти дед сделал только два

крупных приобретения: до войны купил фонолу и приобрёл трофейный автомобиль "Opel". Впрочем, машина была куплена только потому, что дедушка с трудом ходил. Во всём прочем же дед был обыкновенным сов. служащим, хотя и получавшим профессорский оклад.

Но вокруг него было столько ртов, что все его преимущество перед дворником исчезало как дым. Ему предоставлялась возможность знакомого гражданам Союза унизительного существования. Это, разумеется, накладывало печальный отпечаток на всю его жизнь. Он хотел, но не мог по-настоящему помогать дочери и сыновьям. Он, конечно, хотел, но не мог выехать за рубеж. Он хотел лечиться у хороших врачей, но... В общем, жизнь у деда, была как всякого советского человека. Однако он никогда не сетовал, не жаловался на судьбу... Знал – жил "как все". Так что жизнь в СССР отнюдь не была "избранной" самим человеком, а способом в значительной мере навязанным партией и государством, которым была глубоко безразлична жизнь и судьба любого конкретного человека.

Когда уходят навсегда замечательные чем-то люди, те, кто остается, прежде всего стремятся сохранить их дома, их квартиры – те места, где они жили, и те вещи, которыми они пользовались. Почему? Да, очевидно, потому, что возможность войти в ту дверь, в которую входил тот необычный человек, возможность пройти по тем половицам, по которым он ходил, возможность увидеть в его окно кусочек мира, который он видел, наконец, вообще возможность попасть в мир его вещей – все это равноценно предельно доступному приближению к постижению способа бытия, способа каждодневного существования того, кто ушел.

Дом Валентина Петровича, с которым с 1925 г. была связана жизнь четырех поколений Вологдиных, перестал существовать в 1979 г. Он был обречен на уничтожение потому, что коммунистам стало тесно в их привилегированной больнице имени Яши Свердлова. На проспекте Динамо было развернуто строительство филиала этой больницы, а по сути – нового роскошного комплекса. Под застройку ушел ряд улиц и в том числе Эсперов проспект, на котором стоял ряд солидных, капитально построенных старых домов. Их уничтожили, не задумываясь. Однако, несмотря на то, что новый комплекс раскинулся очень широко, непосредственной угрозы эсперовскому дому он не представлял. Она возникла после того, как прямо напротив дома начали строить профилакторий КГБ на 70 коек. Поразительна смычка этой организации с "любезной нашей" партией: куда иголка – туда и нитка! Вот эта самая "нитка" и захлестнула петлей наш эсперовский дом. Под предлогом наведения порядка в городе к олимпиаде он был уничтожен. Его облили керосином и сожгли. Сейчас трудно найти место, где он стоял – там разбит аккуратный скверик. Дорожки, газоны… и никакого напоминания о былой жизни.

Выкорчевали даже весь сад до последнего кустика (пожалуй, сохранилась одна яблоня). Ну, да я спас старый куст жимолости и белую сирень. Они растут возле "Банного домика" на территории Биологического института Санкт-Петербургского университета в бывшем имении Сергиевка в Старом Петергофе. Каждый год кусты цветут и вызывают к жизни сонм воспоминаний.

Ко времени уничтожения эсперовского дома наш динамовский был в плачевном состоянии. Текли крыши, заливало водой подвалы, сгнили оконные рамы, постоянно выходили из строя канализация и водопровод. Немудрено, ведь строили их с расчетом на 40 лет, а прошло все 50. Мы писали, жаловались, просили, угрожали... Все без толку.

И вдруг в 1983 г. прошел слух, что скоро нас переселят, ибо наши дома будут переоборудованы в профилакторий Жилотдела Ленгорисполкома. В "Ленинградской правде" даже опубликовали по этому поводу статейку и фотографию макета, изображающего наши корпуса после перестройки. Все мы – жители многострадальных домов, конечно, хотели, чтобы в них сделали ремонт, но никто не хотел уезжать с Крестовского, из такого райского уголка... Но на нас жали, давили, грозили выселением

по суду. И вот в это время в нашей квартире вдруг появился прыткий киевский житель Григорий Евсеевич Десятников. Оказывается, он снимал фильм, в котором небольшой кусочек был посвящен деду. Я дал этому самому Десятникову все, что у меня еще сохранилось, и он, используя цветные пленки и всякие другие «хохмы», снял-таки что-то для какого-то рекламного фильма. Попробовал упросить Григория Евсеевича снять дедов дом и сделать несколько сюжетов в квартире, чтобы сохранить память о месте, где жил дед. Однако получил категорический отказ. Тогда я принес с работы 16 мм камеру и снял все, что мог. Увы, пленка оказалась с техническим браком. Так что на память о дедовом доме сохранилось лишь небольшое число фотоснимков.

Сейчас на месте динамовских корпусов красуются дикие по архитектуре "теремки" новых русских. Ими же буквально загажен весь Крестовский остров. Могучие некогда липы, обрамлявшие проспект Динамо, отжили свой век и спилены. Очень немногое ещё напоминает о жизни целого поколения людей.

Я каждый год обязательно бываю на нашем "пепелище" и уже даже не пытаюсь найти хоть что-нибудь, напоминающее о деде.

Послесловие

Рукопись моя, хотя и лежала годами на полке, постоянно была тем стимулятором, который изо дня в день заставлял думать о семье деда, думать о прошлом, пытаться осмыслить день сегодняшний.

Большую роль в этом процессе думанья сыграло то, что власти решили в 1996 г. отпраздновать 300-летие Российского флота. А дед в моём представлении всегда жил в образе стройного морячка-курсанта, который трансформировался в волшебника-создателя судов.

Рядом с образом деда возникал другой "морской" Вологдин – Владимир. Ведь это при нём ремонтировалась на Франко-Русском заводе "Аврора". Валентин заботился о развитии радиосвязи на флоте, Сергей с коллегами обосновал научный подход к подбору металлов для создания кораблей. О вкладе братьев в развитие Российского флота я сподобился рассказать в статье, опубликованной в питерской газете "Час Пик" под названием "Улица братьев Вологдиных?" (19).

Получалось так, что, во-первых, четыре брата (из пятерых) не просто нечто сделали для флота, а во-вторых, трое сделали многое для развития науки, производства и подготовки кадров для флота. Всё это вместе взятое дало нечто такое, без чего Россия вообще не смогла бы стать современным государством. Если же это так, то почему бы не быть в нашем 300-летнем прекрасном городе улицы имени братьев Вологдиных?

Серия мощных прорывов по многим направлениям сразу, осуществленных к тому же членами одной семьи, разумеется, не частое явление в истории человечества. Последнее стало для меня особенно очевидно после того, как 5 июня 1997 г. Ассоциация металловедов России провела на базе Московского технического университета (бывшего МВТУ им. Баумана) конференцию, посвященную братьям Вологдиным [33]. Не осталось сомнений в том, что братья фактически обеспечили становление и развитие в России ряда ключевых областей техники. Недавно отгремели салюты ещё одного 300-летнего юбилея. Мир отпраздновал – трехсотлетие Санкт-Петербурга. Но ведь Питербурх начинался с флота, жил и живёт им. Хотя бы поэтому просто невозможно себе представить, что город забыл братьев Вологдиных.

Свято верю, что люди никогда не забудут того, кто со своими учениками создал новую специальность «сварщик», научил их варить корабли и совсем по-новому, быстро и красиво строить заводы, плотины и обустраивать жизнь страны!

Если у вас хватило терпения прочесть написанное мною, посмотрите вечером в окно. И вы увидите, как пульсирует, как бьется живой огонь сварки. Это пульсирует, это бьется, зовя людей вперед, живая мысль сварщика Виктора Петровича Вологдина.

Рукопись эту мне не удалось бы завершить без помощи внуков Роксаны и Александра Шевченко. Большое им, сердечное спасибо и от меня и от прадеда.

РОДСТВЕННИКИ, ЗНАКОМЫЕ И ДРУЗЬЯ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА, УПОМИНАЕМЫЕ В ТЕКСТЕ

1. ОВСЯННИКОВ Сергей Владимирович – сын известного ботаника Владимира Федоровича Овсянникова. Вместе с моим отцом Г. Д. Шевченко учился в ДВГУ по специальности "паровые котлы". До Отечественной войны работал на Балтийском заводе. Участвовал в ходовых испытаниях многих судов, построенных на нём. Был близок к нашей семье, до войны занимался моим воспитанием и воспитанием моего брата Виктора. Умер от голода в блокадном Ленинграде в квартире В.П. Вологдина на Динамо.

2. ШАРЦ А.К. – был высокопоставленным партработником в Свердловске (кажется, секретарём обкома). По какой-то причине (скорее всего по причине человеческой порядочности) попал в опалу и был отставлен от должности. Оказавшись не у дел, стал, по совету Б.Д. Удинцева – исследователя творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка, приводить в порядок собранные ранее материалы о фамилиях выдающихся деятелей Урала: Богословских, Вологдиных, Теплоуховых, Карпинских, Славяновых, Черепановых и многих других.

3. СНЕЛЛИНГ (SNELLING) Татьяна Евгеньевна (1927) – дочь единственной сестры братьев Вологдиных Надежды Петровны, вышедшей замуж за Евгения Евгеньевича СОСУНЦОВА. Родилась в Дагомее, где работал её эмигрировавший из России отец. Получила образование в Сорбонне. В Париже жила с бабушкой Людмилой Дмитриевной Вологдиной. Бывала в доме Владимира Петровича. В 1950 г. вышла замуж за англичанина - сэра Снэллинга. Работала в Министерстве иностранных дел Великобритании. Сейчас пенсионерка. Живет в Лондоне. Сын Питер – бизнесмен. По делам фирмы временно работает во Франции, куда перебрался вместе с женой Дженни.

4. ВОЛОГДИН Григорий Александрович (1857-1938) – брат Петра Александровича. Родился в Куве. Учился в школе в Перми (в то время, когда семья продолжала жить в Куве). До войны работал преподавателем рисования в Ленинграде. Похоронен в нашем городе на кладбище. На надгробье написано: "Народный учитель ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОГДИН" и приведены даты рождения и смерти.

В январе 1998 г. я встретился с его дочерью Людмилой Григорьевной, которой исполнилось 95 лет (!) и внучкой Аделаидой. С их слов – был он тихим, спокойным, доброжелательным человеком. Страстно любил рисование. В комнате его дочери видел две картины. На одной – миловидная женская головка, другая может быть названа "Бежал бродяга с Сахалина..." На ней лесной пейзаж и крошечная фигурка беглеца – человека с каким-то мешком на плече. Г.А. очень любил музыку и, проявляя фантастическое терпение и удивительный талант, переписывал ноты песен и романсов от руки. Причём так, что его "самиздат" нельзя отличить от типографского варианта.

Работал над родословной, когда ему было около 80 лет, но несмотря на это, рисунок древа выполнен художественно и технически безупречно. Он выбрал для изображения прекрасный "александринский" ватман, который через 63 года лишь слегка пожелтел, а акварельные краски сохранили свои тончайшие оттенки.

5. ПЛОТНИКОВА Ирина Александровна (1926). Внучка Григория Александровича Вологдина. Работала архитектором. Живёт в Перми.

6. ВОЛОГДИНА Вероника Викторовна (1908-1989). Наша мама, о которой много сказано в рукописи. Любимая дочка Виктора Петровича.

7. ВОЛОГДИНА (Немкова) Валерия Валентиновна – дочь Валентина Петровича и Марии Федоровны. По образованию агроном. В молодости работала в Сибири. После замужества большую часть жизни прожила с родителями. Рассталась с ними лишь в годы войны, когда эвакуировалась с детьми в Пермскую область, где жила в деревне Плотниково, неподалёку от с. Слудки Ильинского района. С этим селом Ильинским связано многое в жизни Вологдиных и Теплоуховых. Мать пятерых детей.

8. НЕМКОВ Сергей Сергеевич (род. 1935) – старший сын Валерии Валентиновны, инженер-электрик, кандидат технических наук. Работает в Научно-исследовательском институте токов высокой частоты имени собственного родного деда проф. Вологдина.

9. ВОЛОГДИНА Людмила Григорьевна (была замужем за УЛЬЯНЕНКО) (род. 1903) – дочь Григория Александровича – дядюшки братьев.

10. ЛЯУС Виктория Германовна (род. 1923) – внучка Григория Александровича. Живет в Петербурге. Активно участвовала в создании родословной Вологдиных, подготовленной в 1987 году.

11. АНТИПЬЕВА Нина Михайловна (род. 1936) – внучка Анатолия Александровича Вологдина. Разработала большую ветвь родословной Вологдиных "издания" 1987 года. Живет в Перми.

12. ВОЛОГДИН Анатолий Александрович (1864-1939) – брат Петра Александровича.
13. ВОЛОГДИН Алексей Александрович (1860-1941) – брат Петра Александровича. Родился в Куве. Умер в Перми.

Собирая сведения о Вологдиных и Строгановых, пользовался всеми доступными ему источниками. Замечает, что знаком с родословной Строгановых, составленной Федотом Волеговым по данным Строгановского, которая приведена у Дмитриева в его «Пермской старине».

14. ВОЛОГДИНА (ТЕПЛОУХОВА) Мария Федоровна – жена Валентина Петровича. Бестужевка. Училась вместе с будущей женой известного народовольца Николая Александровича Морозова. В молодости занималась революционной деятельностью. Венчалась с В.П. в тюремной церкви. Мать четверых детей – двух дочерей и двух сыновей. Исключительно заботливая хранительница домашнего очага. Только благодаря её искусному управлению семейством Валентин Петрович мог спокойно заниматься научным творчеством. М.Ф. не терпела праздности и всегда была занята делом. Уже в весьма преклонном возрасте переводила с французского записки своих предков, которые Теплоуховы на протяжении 50 лет вели в майоратных строгановских лесах.

15. ВОЛОГДИНА (девичья фамилия Пономарёва) Евдокия Михайловна. Выше я привел кажущуюся мне наиболее правдоподобной («кухмистерскую») версию её происхождения. Но Ксения Павловна ПОНОМАРЁВА, дочь Ирины Сергеевны Вологдиной в своих кратких воспоминаниях приводит иную «цыганскую» версию её происхождения. Она писала: "Семейные хроники гласят, что Григорий Иванович, живя в Петербурге, полюбил цыганку из хора в ресторане "Яр", который находился на Чёрной речке. Хозяин хора не противился этой любви, но требовал выкуп за певицу. Гр. Ив. обратился к графине, которая дала денег на выкуп невесты (400 р.) золотом, но отправила молодую семью обратно в Пермь. Цыганку звали Евдокия ЧАБЫКИНА. По преданию она была очень красива..."

Сама Ксения Павловна, как и тетка её Наталья Сергеевна, много лет работала в Институте гидротехники им. Веденеева. Последние годы была очень дружна с Марией Валентиновной Вологдиной – дочерью Валентина Петровича. Воспоминания свои (3 стр. машинописи) она написала по предложению Валентина Сергеевича Немкова, которые он прислал мне из Детройта, в коем он ныне проживает.

16. ТРЕЙ Матильда Яковлевна и Анна Яковлевна (после замужества МОСТОВА) – сестры жен Сергея и Бориса Вологдиных. Одну из них – Анну я хорошо помню, ибо жила она в Ленинграде и часто бывала у бабушки моей Екатерины Александровны, которая звала её Анютой. Бабушка её боготворила и нередко ходила к ней на приём, поскольку та была прекрасным глазным врачом.

17. ТРЕЙ Евгения Яковлевна (1874-1926). Жена Бориса Петровича Вологдина. Была старше мужа на пять лет. Принимала самое активное участие во всей его революционной работе: писала, редактировала и распространяла прокламации. Ей принадлежит перевод с французского "Коммунистического манифеста" К. Маркса. Существует "Биографи Е.Я. Вологдиной", написанная Борисом Петровичем (2 стр.) и хранящаяся в архиве А.К. Шарца. ТРЕЙ Софья Яковлевна – жена Сергея Петровича Вологдина.

18. ЕВАНГУЛОВ Михаил Георгиевич (1870-1942) – замечательный российский технолог-металловед. Как и Сергей Петрович, учился в Петербургском технологическом институте. Окончил его на три года раньше. По окончании преподавал в родном институте 42 года. Был увлечён созданием научно обоснованных процессов обработки металлов и литейного производства.

"Металлографию" создавали два молодых человека. Во время работы над книгой Михаилу Евангулову было 35, а Сергею Вологдину 31 год.

19. ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Алексеевич (1831-1895). Почётный член Петербургской Академии наук, выдающийся российский учёный и инженер-практик. Заложил основы теории автоматического регулирования, создал научную школу конструирования машин. С 1875 г. был директором Петербургского технологического института, а в конце жизни - министром финансов.

20. ТРЕЙ Яков Иванович – глава семейства и глава издательского дома. Среди выпускавшейся им литературы видное место занимали труды Плеханова, Энгельса и других революционеров. Вместе с тем он очень много внимания уделял выпуску недорогой просветительской литературы. Среди книг, сохранившихся у Марии Федоровны Вологдиной, я видел цензорский экземпляр «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Удивительно умная и интересная работа! Кстати, цензоры не нашли там никакой крамолы.

21. КУРНАКОВ Николай Семёнович (1860-1941) – выдающийся российский химик, основатель физико-химического анализа, создатель школы общей и неорганической химии, академик, заслуженный деятель науки России (РСФСР). В годы, о которых идёт речь, Николай Семёнович был профессором физической химии Электротехнического института.

22. МОНЧАДСКИЙ Александр Самойлович – профессор Зоологического института АН СССР. Руководитель моей диссертационной работы после преждевременной кончины шефа.

Когда я принёс ему готовые главы своей работы, написанные "под деда", он брезгливо взял рукопись двумя пальцами и спросил: "Вы думаете, что я буду это читать – ошибаетесь. Извольте написать всё крупно и разборчиво". Мне было обидно

расставаться с родным почерком который мне так нравился, но я вынужден был "изволить". После написания 200 страниц почерк у меня совершенно изменился.

23. СЕРДЖИО Е. СЕМИНАРИО ВОЛОГДИНЭ (SERGIO E. SEMINARIO VOLOGDINE) (род. 1939) – внук Владимира Петровича Вологдина. Родился и живёт в Эквадоре, где жил недавно скончавшийся его отец EDUARDO SEMINARIO. Мать Серджио Милица Владимировна вышла замуж за господина Семинарио и родила ему сына. Сама же умерла очень рано в 1942 г. на острове Мартиника, куда Эдуардо был направлен как офицер французской армии.

Серджио владеет банановыми плантациями, выращивает кофе и креветок. Жена его Мария работает в авиационной компании "Люфтганза" У них дочь 1967 года рождения, которую зовут Мария Кристина и сын Серджио Андрес, родившийся в 1964 г. Дочь – медик. Защитила в Англии диссертацию, посвященную астматическим заболеваниям. Сейчас работает в США. Андрес преподает в университете, работает на телевидении. Был женат. У него есть дочь Ария и сын Андрес.

24. ВОЛОГДИНА Лидия Григорьевна – дочь Григория Александровича, т.е. племянница Петра Александровича. В годы войны она жила в Перми вместе с нами в доме Алексея Несторовича Зеленина, преподавала биологию. Помню, как делал ей картинки для демонстрации на занятиях.

25. БУХАРИН Николай Иванович, крупный советский государственный и партийный деятель, академик, редактор «Известий». Занимался проблемами философии и политэкономии. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован посмертно.

26. КРАСИН Леонид Борисович, российский и советский политический деятель, с 1920 г. нарком внешей торговли и руководитель промышленности.

27. ЛАРИН Ю. (настоящее имя и фамилия Лурье Михаил Залманович), советский партийный деятель, экономист, литератор.

28. ВАНДЕРЛИП, известный американский финансист-банкир, представитель фирмы Моргана, приезжавший в Россию, в частности для заключения нефтяной концесии в Баку.

29. ЛЛОЙД ДЖОРДЖ Дэвид – английский политический деятель и дипломат. В 1922 г. премьер-министр правительства Англии. Во время генуэзских переговоров настаивал, в частности, на возвращении царских долгов.

30. ГЕНУЯ. Этот итальянский город упоминается в связи с тем, что в нём в 1922 г. проходила международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. В Генуе буржуазные деятели впервые обсуждали с коммунистами проблемы экономики и вопросы сотрудничества между Россией и капиталистическими странами. В частности, удалось договориться о готовности большевиков предоставить концессии.

31. ШУВАЛОВА Мария Христиановна – домработница в семье Валентина Петровича – замечательная женщина, ставшая за многие годы работы почти членом семьи.

32. ОЛИФЕРЕНКО Клавдия Митрофановна – сотрудница В.П. Вологдина на кафедре сварки.

33. Торжественное собрание памяти братьев ВОЛОГДИНЫХ – фактически конференция, организована 7 июля 1997 г. по инициативе Татьяны Игоревны ПОПЕНЧЕНКО (Вологдиной) – внучки Виктора Петровича. Событие было приурочено к 50-летию НИИ токов высокой частоты, созданного Валентином Петровичем, и собрало большую аудиторию. Мероприятие состоялось благодаря организационной помощи проф. Бориса Алексеевича ПРУСАКОВА - председателя "Ассоциации металловедов России".

Библиографический список
(составлен автором)

1. ШАРЦ А.К. Вологдины: Библиографические материалы о Вологдиных – Петре Александровиче, Сергее Петровиче, Борисе Петровиче, Валентине Петровиче и Викторе Петровиче. – Пермь, 1966. – 57 с.

2. ВОЛОГДИН В.П.Путь учёного // Ленинградский альманах. – Кн. 5. – 1953. – С. 314-333.

3. РОГИНСКИЙ В.Ю. Валентин Петрович Вологдин. 1881-1953. – Л.: Наука, 1981. – 214 с.

4. ДЕМЕНТЬЕВ В. Великое устье. – М.: Сов. Россия, 1972.

5. ВОЛОГДИН Гр. Ал. Воспоминания: /С предисловием чл.-корр. АН СССР, сына его Григория Александровича Вологдина. Машинописная рукопись. 94 с. (Часть стр. отсутствует).

6. БУРДИН Б. Вечные часы // Пермская областная газета "Звезда". – № 3. – 3 февраля 1981.
7. ВОЛОГДИН Б.П. Моя автобиография Ч. 1-2. – 1879-1897. – 98 с. машинописи.

8. ЛЕБЕДЕВ Н. Профессор Вологдин – М.: Профиздат, 1953. – 279 с.

9. БЕЛЬЧУК Г.А., МАЦКЕВИЧ В.Д. Научная и инженерная деятельность Виктора Петровича Вологдина и его роль в развитии сварки в отечественном судостроении // Тр. Ленингр. кораблестроит. ин-та; Вып. 19. – 1956. – С. 5-15.

10. ИОФИК В. Сталь и характер (статья о Сварщике Синенко) // Товарищ Дальзавод. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. – С. 43-47.

11. ГОРБАЧЁВ И.В. Библиографическая справка не найдена и будет выслана позже.

12. ПОЛЕЩУК Ю. Главный сварщик (статья об С.Н. Агрономове) // Товарищ Дальзавод. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. – С. 103-110.

13. ВОЛОГДИН В.П. Постройка первого электросварного катера на Дальзаводе. – Владивосток: ДВПИ, 1931. – 18 с.

14. ГУНДОБИН А., ТУРМОВ Г. Центр сварки на Дальнем Востоке // Наука и жизнь. – 1983. – № 9. – С. 99-103.

15. ВОЛОГДИН В.П. Первые шаги в развитии сварки на Дальзаводе (из воспоминаний заводского инженера) // Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР. Владивосток, 1967. – С. 10-15.

16. ВОЛОГДИН В.П. Деформации и напряжения при сварке судовых конструкций. – НКАП: Оборонгиз, 1945. – 148 с.

17. ОЛИФЕРЕНКО К.М. Опыт изготовления сварных гармониковых мембран в лаборатории сварки ЛКИ // Тр. Ленингр. кораблестроит. ин-та. – Вып. 19. – 1956. – С. 17-26.

18. ДАНИН М.Н. День рождения: Повесть о детстве. Л.: Сов. Писатель, 1973. – 224 с.

19. ШЕВЧЕНКО В.Г. Улица братьев Вологдиных? // Час Пик. – 1996. – № 168. – Сентябрь. – С. 1,14.

20. ТОЛСТОЙ Л.Н. Что же нам делать? // Собр. соч. М., 1964. Т. 16

СОЗДАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ СВАРКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

Образование и развитие научной школы В.П. Вологдина

В ноябре 1918 года на базе экономического отделения Восточного института был основан Владивостокский политехникум – первое высшее техническое учебное заведение всей восточной половины России. В 1919 он был переименован во Владивостокский политехнический институт.

В январе 1920 года во Владивостоке была свергнута власть колчаковского правительства. Образовалось Временное правительство Приморской земской управы с участием большевиков. Это сказалось на статусе вуза. 17 апреля 1920 года постановлением Временного правительства политехнический институт был преобразован в государственное высшее учебное заведение.

25 сентября 1920 года В.П. Вологдин становится исполняющим обязанности профессора Владивостокского политехнического института, а в октябре 1921 года был избран ректором института.

В 1923 году Владивостокский государственный политехнический институт вливается в ГДУ в качестве технического факультета.

Приказом № 23 по ГДУ от 19 февраля г. В.П. Вологдин назначается профессором по кафедре тепловой механики.

ГДУ как объединяющий вуз Дальневосточного края просуществовал 7 лет. В 1930 году после очередной реформы высшего образования (Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 июня 1930 г. № 270/6с) он был реорганизован в ДВПИ.

Период 1926-1936 гг. был перидом расцвета политехнического образования на Дальнем Востоке и, в частности, научно-исследовательской работы, проводимой научными работниками ГДУ-ДВПИ. В это время организовались и первые научные школы по техническим наукам. Среди них – школа В.П. Вологдина по сварке металлов.

В начале 20-х годов успехи применения сварки на Дальзаводе были настолько значительны, что В.П. Вологдин поставил своей целью осуществление постройки цельносварных судов. Понимая всю сложность поставленной перед собой задачи, он уделял самое серьезное внимание вопросу подготовки специалистов, способных внедрять сварку в производство и совершенствовать ее методы, так как в то время сварка нередко встречала сопротивление.

Многочисленные доклады и популярные лекции, читавшиеся В.П. Вологдиным по различным вопросам сварки, были средством популяризации сварки и повышения квалификации инженерно – технических работников предприятий в этой области.

С 1920 по 1933 год он прочел около 130 докладов и лекций по различным вопросам сварки. Однако для дальнейшего внедрения сварки одной пропаганды становилось недостаточно. Необходимо было готовить кадры, более глубоко знающие сущность сварочных процессов, оборудование для производства сварочных работ, особенности проектирования и расчета сварных конструкций и технологии их изготовления.

В начале 20-х годов сначала на Дальзаводе, а затем и на других предприятиях края были организованы краткосрочные курсы по повышению квалификации в области сварки для технологов и конструкторов. Кроме того, по инициативе В.П. Вологдина в учебных планах технического университета ГДУ, начиная с 1925 года, был предусмотрен курс сварки в объеме 40 – 50 часов, обязательный для всех студентов факультета.

В 1925 году профессор В.П. Вологдин организовал при техническом факультете ГДУ лабораторию электрической и газовой сварки, которая явилась первой вузовской лабораторией такого профиля в стране. Данная лаборатория находилась на территории Далъзавода в арендованном университетом здании. Организацию А.А. Алексеевым лаборатории электросварки в Ленинградском электротехническом институте относят к

*) Овчаров О.Д. Научно-практическая школа сварки.
В.П. Вологдина: Дис…. канд. техн. наук – Владивосток, 1999. С. 115-148.

концу 1927 года, а небольшая электросварочная лаборатория в Киеве была организована Е.Д. Патоном в 1929 году.

Кроме учебных целей, перед лабораторией были поставлены задачи внедрения научных исследований и разработки методов широкого применения сварки. Вскоре на территории Далъзавода открылась производственная мастерская, послужившая экспериментальной базой для В.П.Вологдина и его сотрудников, что позволило вести конструирование и выполнение сложных сварных объектов. Это был экспериментальный завод в миниатюре, объединенный с исследовательской и учебной лабораторией в единый «сварочный центр».

В.П. Вологдин предвосхитил новые формы организации исследований и экспериментов, которые получили признание значительно позже. Под его руководством сформировалось научно-исследовательское ядро рациональной структуры: конструк-торское бюро – исследовательская лаборатория – экспериментальная мастерская. Сюда с заказами обращались многие организации. Но руководителей «сварочного цеха» привлекали главным образом те заказы, в которых можно было применить интересные новые технические решения. Инициатором важнейших проектов был В.П. Вологдин, постоянно предлагавший решения в «сварочном» варианте ряда сложнейших работ. Средства, вырученные от выполнения заказов, использовались на переоборудование и укрепление лаборатории. Так были созданы возможности для расширения научной работы и смелых производственных экспериментов. Мастерская входила в производственное бюро вуза, которое также возглавлял В.П. Вологдин. В бюро входили и учебные мастерские, где вскоре началось изговление пластинчатых конвейеров. При изготовлении и монтаже конвейерных линий применялись электросварочные работы, в том числе при сварке опор. Некоторые из них являлись сооружениями башенного типа высотой около 5,5 метров. Они поддерживали конвейерные линии, проходящие над пакгаузами и железной дорогой. Так как сортовая сталь оказалась дефицитной, опорные башни сварили из старых рельсов, получив, несмотря на несовершенные методы монтажа, существенное снижение стоимости.

Только за 1927 год было выполнено свыше пятидесяти значительных работ. Мастерская принимала заказы по ремонту судов от Владивостокского торгового порта, Совторгфлота и других организаций, но все более сосредотачивала свои силы на изготовлении новых сооружений и металлических конструкций при помощи сварки. Первоначально это были отопительные котлы, дымовые трубы (диаметром до 0,5 и высотой 20 метров), конструкции из рельсов. Затем, после накопления опыта и предварительных исследований, мастерская – лаборатория перешла к сооружению первых в Советском Союзе сварных мостов.

К концу 1926 года лаборатория электрической и газовой сварки ГДУ стала перед проблемой применения электросварки в котлостроении. Считаясь с неблагоприятными условиями деятельности отечественных заводов, резко отличающихся от условий работы зарубежных предприятий, лаборатория поставила целью усилить прочность применяемых в котлостроении сварных швов, выполненных в обычных заводских условиях.

Намеченная лабораторией программа сразу же выявила обширность исследования и несоответствие материальных возможностей лаборатории поставленной цели. Несмотря на поддержку в проведении работы со стороны Дальзавода, принявшего на себя расходы по изготовлению образцов, пришлось, с одной стороны, сузить программу, а с другой – выполнение ее сделать более схематичным. Вся работа была

проведена в 1926-1927 годах, в порядке выполнения дипломного задания Г.К. Татуром под непосредственным руководством В.П. Вологдина. На основании результатов, полученных после введения экспериментов, было сделано заключение, что «в электрической арке мы имеем весьма совершенный способ соединения однородных металлических частей между собой». Так же было установлено, что рационально выполненные швы электросваркой помимо хороших прочностных характеристик обладают еще достаточной для практических целей упругостью и полной способностью воспринимать любую механическую обработку.

За первые два года существования лаборатория выполнила значительные по объему исследования прочности, жесткости и непроницаемости сварных соединений, что представляло большую ценность для сварки паровых котлов.

Доверие к сварочной лаборатории возрастало, росла известность ее в Советском Союзе. Уже в 1927 году в лабораторию приезжали специалисты для стажировки, в том числе инженеры из Грозного и Баку.

Основываясь на накопленном опыте, В.П. Вологдин смог приступить к проектированию и изготовлению сварного моста.

В записке, озаглавленной «Применение электрической дуговой сварки при постройке мостов и крупных железных конструкций» Виктор Петрович отмечал отсутствие мирового опыта в этой области. Приводя результаты своих исследований, он делал вывод о полной надежности правильно выполненных сварных соединений.

Предварительные исследования, проектирование и проверочные испытания мостовой фермы выполнялись коллективом ученых, инженеров и студентов. Сварной мост пролетом 25,08 метра был построен на Эгершельде летом 1928 года. Он оказался первым сварным мостом в СССР. В Европе сварных мостов к тому времени также не было. Четверо сварщиков завершили сварочные работы за 25 дней. Удачный опыт положил начало сварке еще нескольких мостов, строительных ферм и локомотивных котлов.

К 1928 году относится серия докладов профессора В.П. Вологдина о применении электросварки при изготовлении паровых котлов (в научно – техническом комитете Наркомтруда, ведавшим органами котлонадзора), об исследовании электросварных соединений и применении электросварки при постройке металлических конструкций (в научно – техническом управлении ВСНХ, на собраниях Всесоюзной ассоциации инженеров в Ленинграде, Харькове, Хабаровске).

В 1928 году в Москве прошло всесоюзное совещание по сварке, где были намечены пути ее развития.

Вернувшийся из Москвы В.П. Вологдин в конце ноября 1928 г., читая лекцию по сварке в аудитории №1 (ныне комната музея ДВГТУ), объявил о создании сварочной специальности и предложил желающим записаться для обучения. Это были студенты – механики третьего курса, поступившие в вуз преимущественно в 1926 г.

Первый учебный план разработал В.П. Вологдин с сотрудниками; учебные планы из Москвы пришли лишь в 1932 г. Срок обучения составлял 4,5 года.

Профессор Вологдин разработал свою систему обучения. По этой системе студенты должны были не только получить хорошие теоретические знания, но и в совершенстве овладеть практической стороной своей специальности. Им следовало самим выполнять сварочные работы, научиться проектировать сварные конструкции, понимать возможности и специфику новой технологии.

На первых двух курсах обучение студентов сварочной специальности вводилось по плану, унифицированному для всех специальностей механического факультета. Специализация начиналась с третьего года обучения. На старших курсах студентам читались лекции по теоретическим основам сварки, основам физической химии, специальному курсу металловедения, технологии газовой сварки и резки, производству газов, применяемых при газовой сварке и резке, технологии дуговой сварки,

контактной сварке, сварочным машинам и трансформаторам, сварным металлическим конструкциям и проектированию сварочных цехов. Чтение лекций по специальным дисциплинам было обеспечено коллективом преподавателей: В.Т. Быковым, В.П. Вологдиным, И.В. Горбачевым, Н.Н. Рыкалиным, В.Н. Шумкиным и другими, впоследствии ставшими известными учеными Дальнего Востока и всей страны.

Теоретические знания студентов закреплялись лабораторными занятиями, носившими зачастую характер научно-исследовательских работ, а также учебной и производственной практикой. Базой учебной практики служила мастерская электрической и газовой сварки при лаборатории, где студенты выполняли работу сварщиков, технологов и конструкторов. В процессе теоретического обучения и работы на производстве каждый студент получал квалификацию электросварщика третьего – четвертого разряда по семиразрядной тарифной сетке, а также приобретал навыки в работе с газовой горелкой и газовым резаком. При прохождении производственной технологической практики студенты нередко выполняли сварку ответственных конструкций. Профиль будущего специалиста – сварщика определялся преддипломной практикой. Студенты, отправляющиеся на преддипломную практику, получали специалъно разработанные задания по дипломному проектированию, в которых ставилась задача изучения специфики данной отрасли производства, сбор необходимых материалов для предстоящего дипломного проектирования. Студенты на преддипломной практике работали бригадирами, помощниками мастеров и мастерами. Студентам первых выпусков приходилось не только учиться, но и. обучать сварке, внедрять сварку в различных отраслях производства. Из 18 сварщиков, работавших на Далъзаводе летом 1930 года, 11 были студентами ГДУ.

В 1925 году сварочная мастерская ГДУ спроектировала и изготовила башни для воздушных конвейеров.

В том же году руководимая В.П. Вологдиным лаборатория разработала и построила второй мост, пролетом 25,04 м. Осенью 1930 года началось и в первые месяцы 1931 года закончилось сооружение сварной фермы массой 350 т и пролетом 36,6 м. Сварка производилась за пределами города зимой при морозах до сорока градусов. Проект и изготовление этой фермы по технической смелости должны быть отнесены к числу работ, имеющих мировое значение. Разработкой технологии изготовления данной металлоконструкции, а также ее изготовлением занимался коллектив лаборатории и студенты.

В 1930-1931 годах лаборатория – мастерская ГДУ – ДВПИ изготовила шесть строительных ферм пролетом 22,5 метра для здания котельной городской электростанции. В 1931 году была сварена еще одна мостовая ферма из предварительно заготовленных пустотелых элементов (сваренные продольным швом уголки). Пустотельные стержни в сварных конструкциях были применены впервые в нашей стране и дали значительный технико-экономический эффект.

1930 год ознаменовался уникальной работой – сваркой бака для бензохранилища. Необычными были не только размеры его, но и приемы изготовления и монтажа, предложенные В.П. Вологдиным. Емкость бака 300 т, диаметр 7,7 м, высота 6,38 м. Кровля коническая из четырехмиллиметровой стали, толщина листов днища 6 мм, барабанов 5-7 мм, общая масса – около 12 т. Отдельные барабаны были сварены во Владивостоке и по железной дороге отправлены за 2000 км в Большой Невер, где была произведена монтажная сварка. Сооружение производилось без применения лесов и сложных вспомогательных сооружений на месте работ. Резервуар состоял из пяти поясов. На монтаже вначале сварили пятый и четвертый пояса, затем их подняли талями и приварили третий пояс; подняв три сваренных пояса, подварили второй пояс и в последнюю очередь – первый пояс. Работа была выполнена электросварщиком С.А. Горбачевым под руководством инженера И.С. Дмитриева. Соединение листов под сварку произведено внахлестку. С наружной стороны барабаны сваривались сплошным

швом, а с внутренней – прерывистым (100 мм – сварка, 400 мм – пропуск и т.д.). Все работы по сборке и сварке бака на месте заняли 19 дней, вместо запроектированных 21 дня. Испытание бака наливом воды дало хорошие результаты.

Эта работа, которая не получила широкой огласки на Дальнем Востоке, была выдающимся событием в истории сварочной техники. Профессор Вологдин первый в нашей стране предложил оригинальный метод подращивания (наращивания снизу), который позднее применялся на отечественных стройках. Этот метод позволяет вести работы на земле без лесов и подвесных площадо, и он чрезвычайно облегчает применение электросварки.

Этот способ позволил значительно облегчить и ускорить работу. Описание сварного бака, построенного на железнодорожной станции Большой Невер, обошло советские, американские, немецкие и английские специальные журналы. На одной из конференций в Москве немецкие специалисты консультировались у Вологдина.

В 1931 году он же разработал первую систему условных обозначений сварных швов на чертежах. Данная система легла в основу разработки отраслевой нормали. В том же году Вологдин начал составлять атлас сварных инструкций.

Статьи сотрудников «сварочного цеха» печатались в трудах ДВПИ (до 1930 г. ГДУ), в центральных и зарубежных технических журналах. В.П. Вологдин использовал ежегодные командировки в центр для докладов и выступлений на съездах, совещаниях, в различных организациях, для консультаций на крупнейших заводах страны. Существовавшее настороженное отношение к сварке объяснялось не только консервативностью специалистов, но и отсутствием у них знаний о ней. Крайне нужны были кадры инженеров и рабочих, хорошо знающих новый технологический процесс. С этой целью в двадцатых годах на Дальзаводе началась подготовка рабочих – электросварщиков индивидуальным ученичеством и на курсах при сварочной лаборатории. Занятия проводили И.С. Дмитриев, Г.Д. Шевченко, М.С. Куликов и другие специалисты.

Исследования по сварке и внедрение ее проводились большим коллективом ученых, инженеров и студентов. Значительный объем исследовательской, педагогической и практической работы с большим основанием позволяет говорить о создании В.П. Вологдиным Дальневосточной научной школы в области сварки.

Ученики В.П. Вологдина

В 1920 г. во Владивосток приехал *Петр Кузьмич Пантелеев*, закончивший физико-механический факультет Петербургского университета и пять курсов кораблестроительного факультета Петербургского политехнического института. Поступив преподавателем высшей математики в ГДУ, он в 1923 году зачислился студентом на механический факультет и получил задание на дипломный проект. По инициативе и под непосредственным руководством Вологдина П.К. Пантелеев детально и всесторонне разработал и в 1925 году блестяще защитил в ГДУ дипломный проект «Теплоход электросварной конструкции для рейсов Владивосток – Петропавловск-на-Камчатке». Это был первый инженер – кораблестроитель, вышедший из стен ГДУ. Впоследствии П.К. Пантелеев преподавал судостроительные дисциплины (гидромеханика, теория корабля, строительная механика корабля) в ГДУ – ДВПИ в должности доцента.

Татур Геннадий Кузьмич (Прилож., рис. 13) в августе 1927 года защитил дипломный проект на тему «Применение электросварки в постройке паровых котлов высокого давления». Данная работа была опубликована в 1929 г. После обучения, оставшись на кафедре сопротивления материалов, Г.К. Татур много внимания уделял совершенствованию расчетных методов прочности сварных конструкций.

В 1929 году ГДУ окончил *Николай Николаевич Рыкалин*, который также остался работать при институте. После отъезда В.П. Вологдина из Владивостока он заведовал кафедрой автогенного дела. Именно под таким названием кафедра была образована осенью 1930 года. С 1937 года название кафедры изменилось – она стала кафедрой сварки. Кафедра и специальность до 1940 года числилась при механическом факультете, и все, оканчивающие специальность, назывались инженерами-механиками сварочной специальности. Н.Н. Рыкалин – инженер-механик со специальностью «грузотранспортные установки», но под влиянием Вологдина В.П. он активно занимался проблемами расчета сварных соединений и распределением тепла при сварке вольтовой дугой.

В 1945 году в МВТУ им. Н.Э. Баумана Н.Н. Рыкалин создал курс «Тепловые основы сварки». Труды академика Н.Н. Рыкалина широко известны как у нас в стране, так и за рубежом. В работе «Тепловые основы сварки» он изложил результаты исследований нагрева и охлаждения металла при сварке, представляющие основу для расчета сварочных процессов. Основное внимание было уделено дуговой сварке.

Он провел работы по систематическому изложению методов тепловых расчетов сварочных процессов, а также рассмотрел процессы распространения тепла при нагреве металла дугой и газовым пламенем, влияние характера распространения тепла на процессы плавления электродов и основного металла, а также – на термический цикл и возникающие в основном металле структурные изменения.

Рыкалин много внимания уделил рассмотрению вопросов термодинамики и теории теплопередачи, лежащих в основе высокотемпературных технологических процессов.

В работе «Высокотемпературные технологические процессы» он рассматривал физические явления, происходящие при воздействии излучения оптических квантовых генераторов (ОКГ) на непрозрачные среды. Привел основные сведения о технологических процессах, использующих излучение ОКГ, развил представления о методах расчета тепловых процессов при сварке и термической обработке. Привел экспериментальный материал по различным схемам лазерной сварки, получения отверстий, резки материалов.

В «Основах электронно-лучевой обработки материалов» Рыкалиным освещены физические основы электронно-лучевой обработки материалов. Также рассмотрено воздействие электронного луча на различные материалы и даны основные положения технологии обработки этим лучом. Приведены практические рекомендации по использованию электронного луча для получения отверстий, пазов, полостей в различных деталях, а также для распыления различных материалов при нанесении пленок и покрытий.

Работы Н.Н. Рыкалина в области теоретических основ и методов расчета тепловых процессов при сварке посвящены изучению тепловых характеристик источников, применяемых при сварке и местной тепловой обработке металлов, а также процессов распространения тепла в основном металле. Расчеты, основанные на теории распространения тепла подвижных сосредоточенных источников, позволили описать с удовлетворительной для практики точностью тепловые процессы, протекающие в металле при сварке в удаленной от дуги области. В результате этого был разработан способ определения характера изменения структуры и механических свойств металла в зоне термического влияния. На основе этой методики назначался режим сварки, обеспечивающий требуемые структуру и механические свойства металла в зоне термического влияния.

На основе теории сосредоточенных источников была разработана методика расчета основных параметров сложного термического цикла основного металла при многослойной сварке, определяющих структуру и свойства металла в зоне термического влияния.

Эта же теория позволила изучить процесс развития собственных напряжений и деформаций в элементах сварных конструкций. Расчеты эффективности процесса проплавления основного и расплавления присадочного металла при электродуговой сварке, основанные на теории сосредоточенных источников тепла, дали возможность изучить влияние параметров режима на площадь проплавления основного металла и скорость расплавления электрода и электродной проволоки.

В работе «Распространение теплоты в стержнях при стыковой сварке трением» Н.Н. Рыкалин исследовал энергетические соотношения при нагреве стержней трением торцов, основанные на измерениях расходуемой механической мощности и распределения температуры. Характерно для сварки трением то, что мощность трения в начальный период возрастает, достигает максимума, а затем несколько снижается, стремясь к установившемуся значению. Расчетную схему для оценки нагрева стержней при сварке трением разработал автор – Н.Н. Рыкалин.

Н.Н. Рыкалин был членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Н.Н. Рыкалин руководил лабораторией плазменной металлургии Института металлургии им. А.А. Байкова АН СССР. В 1974 году стал председателем Национального комитета СССР по сварке, вице-президентом Международного института сварки. Б.Е. Патон писал: «Ведущая роль в разработке тепловых основ сварки принадлежит советским ученым, и в первую очередь академику Н.Н. Рыкалину».

В июне – октябре 1930 года ГДУ были выпущены три инженера – механика сварочной специальности.

Первый инженер – механик электросварочной специальности в нашей стране – ученик и ближайший сотрудник В.П. Вологдина *Геннадий Дмитриевич Шевченко* окончил вуз 6 июня 1930 года. Документы, свидетельствующие об этом, посылались в координационный совет при институте электросварки им. Е.О. Патона. После экспертизы координационный совет подтвердил, что первых инженеров – электросварщиков в стране выпустил ГДУ (письмо об этом экспонируется в музее ДВГТУ. Г.Д. Шевченко, как и другие студенты – сотрудники В.П. Вологдина, был зачислен в штат сварочной лаборатории еще до окончания вуза. Он принимал участие в ее оборудовании, в проектировании и сооружении сварных мостов, сварных мачт и резервуаров. Окончив вуз, Г.Д. Шевченко провел несколько научных исследований. Наиболее важные из них – изучение прочности электросварных соединений бимсов и шпангоутов, механических свойств наплавленного металла при высоких температурах. Некоторое время он возглавлял электросварочную лабораторию ДВПИ.

В учебном пособии Г.Д. Шевченко «Сварка, пайка и термическая резка металлов» подробно рассмотрены и в доступной форме изложены разделы дуговой сварки, газовой и термитной сварки, контактной сварки, а также новые в то время методы сварки (сварка трением, ультразвуком, токами высокой частоты, плазменная, взрывом и т.д.). Приводится раздел по термической резке металлов и сплавов и их пайке.

Г.Д. Шевченко стал кандидатом технических наук, доцентом, заведующим кафедрой сварочного производства и деканом факультета Брянского института транспортного машиностроения. Он написал более 40 научных трудов, в том числе учебники по сварке для вузов.

Вторым инженером – механиком сварочной специальности, окончившим вуз в 1930 году, был *Власов Алексей Максимович*. В 1932 году он был назначен начальником цеха сварного судостроения Дальзавода.

В годы Великой Отечественной войны А.М. Власов возглавлял сварочное бюро завода, занимаясь ремонтом боевых кораблей. Ни одна из технологически сложных сварочных работ не проходила без его участия. В послевоенные годы в связи с бурным развитием сварочного производства на заводе А.М. Власов направляет основную свою деятельность на освоение и внедрение новой сварочной техники и технологии.

Он уделяет большое внимание и развитию электродного производства завода, являясь некоторое время главным инженером проекта реконструкции электродного участка.

В 1960 г. А.М. Власов назначается главным сварщиком Дальзавода. Он как высококвалифицированный специалист принимал участие в качестве эксперта и консультанта в решении сложных вопросов на предприятиях края. Большой вклад внес А.М. Власов и в дело подготовки кадров специалистов – сварщиков. Он награжден четырьмя медалями и орденом Трудового Красного Знамени.

Третьим инженером – механиком сварочной специальности, окончившим вуз в 1930 году, был учившийся без отрыва от производства *Иван Степанович Дмитриев* (по приказу числится окончившим 3 января 1931 г., но фактически окончил вуз в декабре 1930 г.).

И.С. Дмитриев с 1922 года был ближайшим помощником В.П. Вологдина. Приобретая навыки электродуговой сварки и занимаясь разработкой ее технологии, он руководил практическими занятиями студентов в сварочной лаборатории. При сварке опор для конвейеров И.С. Дмитриев применил очистку старых рельсов от ржавчины нагревом в восстановительном пламени газовой горелки. К концу 20-х годов относится попытка Ивана Степановича создать автомат для электродуговой сварки. При его участии производилась сварка больших резервуаров, мостовых и стропильных ферм, паровых котлов.

По требованию ВСНХ Иван Степанович был переведен в Москву на должность начальника сварочного сектора треста Стальмост, руководившего вновь созданной отраслью промышленности – производством и монтажом металлических конструкций.

И.С. Дмитриев включился в проектирование важных сварочных объектов, в том числе для Днепростроя и Магнитогорского металлургического комбината. При сооружении первой доменной печи Магнитостроя трест сварил около 120 тонн фасонных частей и колонны для поддержки газопроводов над путями. С помощью сварки был изготовлен газопровод горячего дутья – и это при том, что иностранные консультанты категорически возражали против сварки газопроводов, основываясь на неудачном американском опыте.

В 1934 г. Дмитриев получил ученое звание доцента, а затем ученую степень кандидата технических наук. Иван Степанович был ответственным консультантом по сварке на строительстве каналов, начальником Главной сварочной конторы Волгостроя, занимал ряд других крупных должностей. С 1943 года работал в лаборатории подводной сварки и резки. На счету И.С. Дмитриева около шестидесяти печатных трудов и 14 изобретений.

С января по март 1931 г. были выпущены десять инженеров – электросварщиков: В.А. Жданов, В.Н. Доенин, К.В. Любавский, Л.М. Яровинский, В.В. Дьяченко, Н.И. Чуйко, М.А. Калин, Е.В. Соколов, Н.Я. Славянский, Н.С. Комаров.

Василий Николаевич Доенин после окончания вуза работал в тресте Оргметалл в Москве, затем на Московском автозаводе, был директором завода малолитражных автомобилей и со временем стал крупным руководителем промышленности. Он возглавлял Московский городской Совет народного хозяйства, а позже – Совнархоз Российской Федерации. В 1965 году В.Н. Доенин был назначен министром машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР, а на XXIII съезде КПСС избран кандидатом в члены Центрального Комитета партии.

Константин Васильевич Любавский также по окончании учебы в 1931 г. был отправлен в Москву. В первые годы своей деятельности в Оргметалле К.В. Любавский разрабатывал и внедрял процессы сварки углеродистой стали и чугуна, затем занимался разработкой технологии и металлургии сварки коррозионно-стойких высоколегированных сталей для газовых турбин, паровых турбин и паропроводов.

Стахановское движение выдвинуло ряд технических задач, нуждающихся в глубокой научно – экспериментальной проработке. В борьбу за повышение производительности труда включились не только инженерно – технические работники предприятий,

но и научные работники. Решению этих задач и был посвящен ряд работ К.В. Любавского. В частности, большой комплекс работ был выполнен им в области разработки электродных покрытий и новых марок электродов.

К.В. Любавский провел много работ по изысканию оптимальных составов флюсов и электродной проволоки. Он впервые доказал, что для сварки под слоем флюса вовсе не обязательно применять дорогостоящую кремнемарганцовистую проволоку. При наличии соответствующего флюса, позволяющего в достаточной мере легировать металл шва, вполне удовлетворительные результаты могут быть получены при сварке малоуглеродистой проволокой. Разработанные им флюсы ОСЦ – 45, ФЦ – 2, ФЦ – 3 и др. являются по своим технологическим данным, а также по прочностным показателям металла шва одними из лучших.

Разработка К.В. Любавским флюса ОСЦ – 45 явилась крупным достижением советской сварочной техники. Характерно, что американские фирмы не смогли сами разработать доброкачественный флюс для автоматической сварки и встали на путь присвоения советского изобретения. В 1947 году американская фирма «Линкольн» объявила о разработке марганцовистого флюса, рецептура которого в точности соответствовала рецептуре флюса ОСЦ – 45, разработанного К.В. Любавским еще в 1941 г.

После разработки К.В. Любавским флюса ОСЦ – 45 при автоматической сварке под флюсом вместо кремнемарганцовистой проволоки стала широко применяться малоуглеродистая проволока. Флюс ОСЦ – 45 получил широкое распространение на заводах, изготавливающих ответственные сварные изделия.

Для сварки низколегированных сталей в ЦНИИТМАШ под руководством К.В. Любавского были разработаны безмарганцовистые основные флюсы ФЦЛ-1 ФЦЛ-2.

Исследования автоматической сварки котельной стали больших толщин, проведенные в ЦНИИТМАШ К.В. Любавским и Б.И. Лазаревым, установили необходимую грануляцию флюса, формы разделки стыкового шва и режимы сварки с предварительной автоматической и ручной подваркой.

В 1949 и 1952 годах К.В. Любавскому присуждаются Государственные премии. Большие исследования были выполнены в 50-х годах в области жаропрочности аустенитно-ферритных швов, широко используемых для сварки аустенитных сталей. Работами К.В. Любавского были определены оптимальные пределы содержания ферритной фазы в швах, обеспечивающие, с одной стороны, отсутствие горячих трещин при сварке, а с другой стороны — исключение заметного охрупчивания при высокотемпературной выдержке.

Широкое применение нашла сварка в углекислоте плавким стальным электродом. Этот способ впервые разработали в 1951 г. К.В. Любавский и Н.М. Новожилов в ЦНИИТМАШ /37/. За изобретение и внедрение этого технологического процесса К.В. Любавскому с группой сотрудников и инженеров в 1963 году была присуждена Ленинская премия /40/.

Труды К.В. Любавского переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. Он был делегатом многих международных конгрессов, съездов и конференций, являлся членом Национального комитета по сварке при Академии наук СССР, членом Научного совета по сварке при Госкомитете по науке и технике. Награжден орденами и медалями СССР.

Лазарь Матвеевич Яровинский вскоре после окончания вуза был привлечен к перепроектированию с клепки на сварку металлоконструкций мартеновского цеха Магнитостроя. Затем принимал участие в проектировании и сооружении сварных конструкций Ново-Краматорского завода. Под его руководством был спроектирован и построен большой сварной мостовой кран. В 1942 году Л.М. Яровинского назначили главным инженером отдела сварки ЦНИИТМАШа, в 1956 году – начальником этого отдела. Он занимался внедрением автоматической сварки под флюсом. За участие в

этой работе по созданию и усовершенствованию аппаратуры для автоматизации дуговой электросварки ему в 1951 году была присуждена Государственная премия. Он руководил также исследованиями свариваемости средне – и высоколегированной стали.

Л.М. Яровинский – кандидат технических наук, опубликовал ряд научных статей, имел изобретения.

Выпускник ДВПИ 1931 г. *Василий Васильевич Дьяченко* в начале своего трудового пути работал в тресте Стальмост в Москве, затем руководил организацией цеха сварных конструкций в Днепропетровске. Человек большого трудолюбия, добросовестности и настойчивости, он в нелегких условиях выполнил и защитил кандидатскую диссертацию. Позже В.В. Дьяченко стал доцентом, научным руководителем крупной проблемной лаборатории. Имел научные труды, был награжден орденами и медалями СССР, в 1950 году получил звание лауреата Государственной премии за разработку и внедрение новых способов сварки. Им рассмотрены физико-химические характеристики и свариваемость тугоплавких металлов и сплавов на их основе, освещены особенности металлургических и технологических процессов сварки некоторых промышленных марок сплавов, представлены основные характеристики оборудования, рекомендуемого для электронно-лучевой и аргонодуговой сварки, рассмотрены требования, предъявляемые к сварочным материалам, подготовке поверхности и свойствам сварных соединений.

Михаил Акиндинович Калин по окончании ДВПИ был направлен для работы во Владивостокский торговый порт, где он руководил уникальными работами по монтажу и пуску в эксплуатацию 120-тонного плавучего крана и плавучего углеперегружателя, смонтировал большой мостовой перегружатель и выполнил ряд других заданий по оснащению порта. Труд коллектива механизаторов обусловил возможность переработки большого количества грузов, что особенно важно было в годы Великой Отечественной войны.

По окончании войны М.А. Калин был командирован на восстановление сначала Ленинградского порта, а затем портов Южного Сахалина. Во время нахождения Главного управления Министерства морского флота (Главдальфлота) во Владивостоке, М.А. Калин был заместителем его начальника по портам, затем главным инженером строившегося порта в Находке.

В 1952 году М.А. Калина командировали в Академию морского флота, которую он окончил с отличием и был направлен на должность главного инженера Одесского порта. Товарищи по работе отмечали смелый, творческий подход М.А. Калина к разрешению сложных инженерных проблем, характеризовали его как отличного специалиста и общественного деятеля, отдающего много энергии подготовке кадров, рационализации, техническому совершенствованию порта. М.А. Калин имел семь правительственных наград.

Евгений Владимирович Соколов начинал свою трудовую деятельность в тресте Стальмост в 1931 г., затем был главным инженером Опытного сварочного завода в Москве, являлся главным редактором журнала «Сварочное производство». Он известен как создатель ценных электродных сплавов, как редактор двухтомного «Справочника по сварке». Е.В. Соколов был членом Национального комитета по сварке, входил в Координационный Совет по сварке, в Научный совет при Госкомитете по науке и технике. Ему было присвоено звание лауреата Государственной премии.

В работе «Электроды с качественным покрытием и их производство» Е.В. Соколов обратил внимание на необходимость учета кинетики реакции окисления углерода при образовании пор в сварных швах.

Работу «Электроды с качественным покрытием и их производство» он посвятил исследованию технологии электродного производства, в которой подчеркивалось качественное подобие электродных обмазочных масс и пластичных систем, известных в других технологических процессах.

Осенью 1931 и в начале 1932 гг. ДВПИ было выпущено 11 инженеров-электросварщиков: С.К. Звегинцев, К.В. Звегинцева (Солдатова), З.А. Знаменская, В.А. Ионов, М.С. Куликов, Б.И. Лазарев, В.Д. Таран, А.А. Ерохин, П.И. Мельниченко, П.С. Стукалов, М.А. Чикалов.

Сергей Капитонович Звегинцев после окончания вуза в 1931 г. остался при нституте, выполняя научные исследования, в частности по усталости сварных соединений. Затем работал в Ленинграде на Кировском заводе, где проводил работы по изучению сварочных свойств жароупорной аустенитной хромоникелевой стали ЭЯЗС. Сталь ЭЯЗС применялась для изделий, работающих при высоких температурах. Сварка производилась на переменном токе электродами из стали 25СХНА и из стали ЭЯО. В результате были получены вполне удовлетворительные свойства сварных соединений, работающих при температурах 200-700 °С. Исследованиями было установлено, что во избежание трещин сталь ЭЯЗС следует сваривать с обязательным предварительным подогревом до температуры 300 °С и последующим медленным охлаждением.

Михаил Степанович Куликов в 1931 году окончил ДВПИ по специальности «Сварочное производство» и был оставлен аспирантом. Но вскоре аспирантура при ДВПИ была закрыта, и он остался работать в качестве и.о. доцента. В 1934 году был направлен в Москву для повышения квалификации, где работал в сварочном комбинате «Оргметалл». В этот период им совместно с А.А. Ерохиным по заданию НКТИ были разработаны обмазки для электродов, применявшихся при дуговой сварке марок ОММ-1, ОММ-2 и ОМУ-1. Это были одни из первых отечественных обмазок, обеспечивающих высокое качество наплавленного металла и получивших широкое распространение в промышленности. По возвращении из командировки в 1935 году Куликов М.С. заведовал кафедрой сварки. С 1940 г. после закрытия сварочной специальности в ДВПИ он остался работать на кафедре технологии металлов в качестве старшего преподавателя.

В годы войны доцент Куликов М.С. трудился в тылу и многое сделал для решения сложных производственных вопросов на предприятиях города. Так, М.С. Куликов совместно с учебным мастером А.П. Соколовым разработали способ ремонта аварийных коленчатых валов различных двигателей.

В декабре 1947 г. М.С. Куликов был командирован в Москву для сдачи кандидатского минимума. Защита диссертации состоялась в МВТУ им. Баумана в декабре 1951 г. Отзыв о диссертации М.С. Куликова на тему: «Исследование плавления электрода и основного металла при сварке под флюсом» подписал д.т.н., профессор Н.Н. Рыкалин.

Педагогическую деятельность М.С. Куликов сочетал с оказанием помощи производству, которая выражалась в совместном решении сложных вопросов, консультациях, лекциях. Под его руководством в сварочной лаборатории ДВПИ производились особо сложные сварочные работы.

Борис Ильич Лазарев долгое время работал в ЦНИИТМАШе научным сотрудником. За разработку и широкое внедрение серии флюсов для автоматической сварки Б.И. Лазарев в 1952 был удостоен Сталинской премии.

Б.И. Лазарев совместно с К.В. Любавским провел исследование по изысканию рациональной технологии сварки двухслойных сталей с тонким слоем из стали 0,8Х12. Разработанные ими электроды ЦЛ-8, ЦЛ-9, ЦЛ-10 обеспечивали при наложении подварочного шва со стороны слоя из нержавеющей стали получение аустенитной структуры. Автоматическая сварка основного слоя производилась малоуглеродистой электродной проволокой под слоем флюса ОСЦ-45. При этом, если сварка основного слоя производилась без предварительной подварки, рекомендовалось обязательно применять флюсовую подушку – иначе возможно было расплавление легированного слоя и насыщение хромом малоуглеродистой стали.

Исследование различных технологических вариантов выполнения сварки двуслойных сталей позволило детально разработать технологию, которая с успехом применялась на машиностроительном заводе им. Серго Орджоникидзе.

Владимир Диомидович Таран после окончания учебы в 1931 г. получил распределение в Москву. Впоследствии стал видным ученым в области сварки. Он одним из первых обратил внимание на водород как главный источник образования пор при сварке газозащитными электродами. По его мнению, реакция окисления углерода, наоборот, способствует уменьшению пористости за счет механического удаления водорода при кипении металла. Позднее было установлено, что водород является источником пор при сварке электродами, имеющими в покрытии водородосодержащие компоненты (каолин, крахмал и др.).

В работе «Технология сборки и сварки стальных магистральных трубопроводов» описаны технологические процессы сооружения магистральных газо-, нефте- и продуктопроводов и водопроводов, все основные специальные виды линейных работ: сборка труб, сварка, спуск в траншею, пооперационное и гидравлическое испытания, переходы через реки, дороги, искусственные сооружения. Приведены механический расчет трубопровода, расчеты термической компенсации, также дается анализ усадочных напряжений при сварке, расчетное обоснование наивыгоднейших технологических процессов.

В работе «Технология сварки и монтажа магистральных трубопроводов» рассмотрены основные вопросы современной технологии монтажа и сварки магистральных трубопроводов. Описаны типы труб, организация и выполнение на трассе сборочных и сварочных операций, способы сооружения переходов через естественные и искусственные препятствия, технология работ в зимних условиях, методы контроля качества сварных швов.

Андрей Александрович Ерохин впоследствии стал профессором, доктором технических наук.

В середине тридцатых годов А.А. Ерохин разработал электроды ОММ-1, ОММ-2, следующей маркой электродов была ОМУ-1. В работе приводятся данные по испытаниям электродов, которые включали в себя: механические испытания основного материала, механические испытания сварных швов на стали с содержанием 0,5% углерода голыми электродами, механические испытания сварных швов, выполненных электродами ОМУ-1 на стали с содержанием углерода 0,5%. Испытания дали хорошие результаты.

Позже А.А. Ерохиным были разработаны электроды Н-1 для сварки изделий из тонких листов нержавеющей стали, обеспечивающие высокую производительность и позволяющие производить сварку в любом положении на постоянном токе при обратной полярности. Электроды Н-1 допускали работу на малых токах и получили применение в промышленности. Разработанные А.А. Ерохиным высококачественные электроды Н-1 позволили решить важный для практики вопрос дуговой электросварки нержавеющих сталей малых толщин.

Благодаря работам А.А. Ерохина в стране были достигнуты серьезные успехи в разработке электродов, обеспечивающих сварку всевозможных сталей. Были разработаны научные основы шихтования электродных покрытий, что позволило получить большой ассортимент электродных покрытий для сварки малоуглеродистых и низколегированных сталей и полностью отказаться от их импорта.

А.А. Ерохин является автором многих научных трудов. В работе «Кинетика металлургических процессов дуговой, сварки» он осветил результаты экспериментальных исследований по металлургии дуговой сварки; дал количественную характеристику условий взаимодействия металла с газами и шлаком на разных стадиях процесса; установил основные закономерности кинетики реакций при сварке, определяющих полноту протекания реакций; объяснил причины и механизм различного окисли-

тельного действия электродных покрытий и защитных газов; привел примеры использования найденных закономерностей при разработке новых марок электродов и расчетов химического состава металла шва.

Осенью 1932 года состоялся новый выпуск инженеров. Среди них был *Вадим Дмитриевич Мацкевич,* который свою специальность выбрал по рекомендации В.П. Вологдина в 1930 г. С того же 1930 года, обучаясь в ДВПИ, Мацкевич стал работать на Дальзаводе технологом, мастером, потом строителем первых сварных судов. С 1946 года перешел в ЛКИ – аспирантом, потом ассистентом, доцентом. В 1950 году возглавил кафедру сварки взамен ушедшего из жизни В.П. Вологдина. Позже стал заместителем директора Ленинградского кораблестроительного института.

Под руководством В.П. Вологдина приобрело профессию сварщика большое количество рабочих. Многие из них стали затем инженерами, некоторые – мастерами самой высокой квалификации. Активные сотрудники В.П. Вологдина – сварщики электросварочной лаборатории И.В. Аммосов, Н.А. Силин, А.В. Шадрин после отъезда из Владивостока возглавили сварочные участки на крупных предприятиях страны. *Иван Васильевич Аммосов* организовал сварочный цех на Верх-Исетском заводе, три года занимал ответственную должность главного инженера по сварке на строительстве Магнитогорского металлургического комбината.

Поучительной является история применения сварки на Магнитострое. Когда создавался проект Магнитогорского комбината, проектные организации планировали применение клепки в качестве основного технологического процесса при изготовлении металлоконструкций. Применение клепки вызывало большие потери металла, растягивало сроки строительства. Поэтому было принято решение применять на строительстве электросварку. Лишь за один 1931 г. на Магнитострое было сварено 3080 т металлоконструкций. Широкое применение электросварки на Магнитострое вызвало категорическое возражение и противодействие представителей заграничных фирм, оказывавших в тот период техническую помощь нашим стройкам. Советские сварщики под руководством инженера И.В. Аммосова, организатора внедрения сварки на многих предприятиях СССР, с большим упорством и энергией взялись за создание сварочных цехов, за широкое внедрение сварки при изготовлении ответственных сооружений.

Против применения электросварки решительно выступали представители американской фирмы Артур Г. Макки и К°. Представитель фирмы В. Хейвен писал начальнику Магнитостроя: «Мы абсолютно возражаем против сварных конструкций, кроме труб чистого газа, и это только если будет применена газовая, а не электрическая сварка и при постоянном надзоре, пока эта сварка делается... Настаиваем на оставлении клепки труб согласно нашим чертежам и деталям».

В 1932-1933 годах на Магнитострое было сварено много тысяч тонн самых разнообразных конструкций. На сварку было переведено много новых объектов.

После Магнитостроя И.В. Аммосов совместно с А.В. Шадриным руководил изготовлением цельносварных котлов, внедряя сварку в паровозостроение на Улан-Удэнском заводе.

Александр Васильевич Шадрин как сварщик, а затем мастер по сварке Дальневосточной лаборатории в 1924-1931 годах участвовал в выполнении многих заданий, включая изготовление первого сварного катера. В дальнейшем, на центральных заводах, он занимался сваркой паровых котлов, в том числе паровозных при поточном методе производства, за что ему присуждена Государственная премия.

В 1934 году Луганский завод начал серийное производство паровозов «ФД». Было решено перевести на сварку ряд узлов. Для этой цели потребовалось увеличить количество специалистов – сварщиков. На завод были переведены опытные инженеры – сварщики И.В. Аммосов и А.В. Шадрин, которые значительно расширили применение сварки в изготовлении паровозов. Начали сваривать бак и раму тендера, огневую

коробку топки, связи топки, зольник, производили исправление дефектов стального литья и другие работы. В этом же году было выпущено 230 сварных топок. К 1935 году на заводе при изготовлении паровозов «ФД» сварка вытеснила клепку: по тендеру – почти на 100%, по огневым коробкам – на 90% и по топкам – на 50%. С 1934 по 1938 г. заводом было выпущено 300 паровозов со сварными топками.

А.В.Шадрин – автор восемнадцати статей и книг.

Сотрудник В.П. Вологдина *СА. Голубев* был известен во Владивостоке как отличный мастер, которому поручалось выполнение ответственных заданий. *С.И. Синенко*, поступивший в сварочную лабораторию девятнадцатилетним юношей в 1930 году, успешно трудился на Дальзаводе до середины семидесятых годов, выполняя сложные работы. Сам Вологдин с большой теплотой вспоминал о сварщиках **Н**.*П. Вяткине, И.Н. Дрокине* (впоследствии инженере), *А.А. Силине* и других.

Ученик В.П. Вологдина *Иван Васильевич Горбачев* закончил ДВПИ в 1931 году. По окончании вуза был оставлен на кафедре технологии металлов аспирантом, а затем преподавателем. В 1945 году в Уральском индустриальном институте защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Заведовал кафедрой технологии металлов и кафедрой физики твердого тела. В 1950 году утвержден в ученом звании доцента. В 1951 году представлялся к Государственной премии, учился в докторантуре Академии наук ССР. В 1966 году избран на должность профессора. Иван Васильевич является автором более 200 научных работ.

И.В. Горбачев – организатор проведения всесоюзных конференций, посвященных 50-летию подготовки инженеров-электросварщиков и 100-летию со дня рождения В.П. Вологдина. Собрал много материалов, касающихся жизни и деятельности В.П. Вологдина.

Дело, начатое В.П. Вологдиным, дало замечательные результаты. Его ученики и последователи способствовали внедрению сварки не только на Дальнем Востоке. Еще в 1931 году В.П. Вологдин писал о «сварочных гнездах», возникших в результате «отпочковывания» и «пересадки» от его лаборатории в Москве, Ленинграде, Благовещенске, Чите, на Урале, на заводах Харькова, в Донбассе и других местах /21/.

На Дальзаводе более широкое распространение получила сварка при главных сварщиках С.Н. Агрономове и В.С. Семенченко.

Святослав Николаевич Агрономов закончил ДВПИ в 1940 году по специальности «сварочное производство», после чего работал на Дальзаводе.

В 1943 году С.Н. Агрономов был назначен старшим технологом по сварке. В этой должности он проявил себя как инженер, систематически рационализирующий производство и внедряющий новую технику. Продолжая заниматься вопросами дальнейшего расширения области применения электрометаллизации на заводе, он успешно работал в области электрической контактной сварки, применив ее при массовом изготовлении продукции военного времени. В это время им осваивается и внедряется стыковая контактная сварка котельных труб – новый технологический процесс, представлявший для завода большую ценность.

В 1947 году С.Н. Агрономову было поручено освоение нового технологического процесса – автоматической сварки под слоем флюса. С этого времени он непрерывно работал в этой области.

Им были предложены и при его участии внедрены на заводе полуавтоматическая сварка угловых швов, автоматическая наплавка стальной арматуры нержавеющей сталью, автоматическая наплавка валов по винтовой линии и ряд других технологических процессов, отчеты о которых были опубликованы в печати.

Находясь в 1947 г. в командировке в г. Ленинграде, он провел большую работу по изучению метода электроискровой обработки металлов, в результате которой он сконструировал, изготовил и внедрил установку электроискрового действия, давшую значительный экономический эффект.

Педагогическую деятельность Агрономов начал в том же 1947 году в судостроительном техникуме. С 1948 года он преподает по совместительству в ДВПИ. В 1950 году – утвержден доцентом ДВПИ. В 1952 году С.Н. Агрономов провел большую работу по модернизации точечных контактных машин и освоению новой технологии изготовления легких дюралевых и стальных перегородок. Главным в этой технологии был перенос изготовления переборок с объекта в цех и перевод соединений элементов переборок с клепки на сварку. За успешное внедрение этой технологии, обеспечившей большой эффект, Министерство судостроительной промышленности в 1953 г. наградило С.Н. Агрономова Почетной грамотой и присвоило ему звание лучшего технолога МСП.

В октябре 1964 года С.Н. Агрономов был назначен главным сварщиком Дальзавода, сменив на этом посту А.М. Власова, и работал в этой должности до июня 1980 года.

В 1966-1970 годах при непосредственном участии С.Н. Агрономова были внедрены в производство аргонно-дуговая сварка и плазменная резка нержавеющих сталей, освоена сварка по формирующей подкладке сталей АК, внедрен совместный помол компонентов электродных покрытий.

Начиная с 1944 года, Агрономов активно участвовал в работе НТО МСП, соответственно являясь членом совета НТО завода, членом Приморского краевого правления НТО и с 1955 г. по 1963 г. – председателем совета первичной организации НТО завода и ЦКБ. В 1955 г. в Ленинграде Агрономов был избран членом Центрального правления НТО МСП. В мае 1959 г. на III съезде НТО СП он был вторично избран членом Центрального правления и также являлся членом координационного совета по сварке Хабаровского филиала ЦНИИТС.

Награжден орденом «Знак Почета» и четырьмя правительственными медалями.

В июле 1980 г. *Василий Степанович Семенченко* был назначен приказом директора завода главным сварщиком завода, проработав в этой должности до апреля 1997 года, до реорганизации отделов Дальзавода.

В.С. Семенченко организовал работу отдела главного сварщика (ОГС) таким образом, что охватил все основные цеха завода, выполняющие крупные производственные заказы, включающие производство сварочных работ. Для этих целей структурная специализация отдела имела четкую организацию, включая три подразделения: бюро сварки корпусных работ, бюро сварки механизмов и трубопроводов и сварочную лабораторию. Основными направлениями работы отдела являлось технологическое обеспечение сварочного производства, внедрение нового сварочного оборудования, внедрение новой техники и прогрессивных технологических процессов.

За годы руководства ОГС В.С. Семенченко значительно расширилась область применения автоматической и полуавтоматической сварки, контактной сварки. Широкое распространение получила сварка в двуокиси углерода. Удельный вес ее в общем объеме механизированной сварки составлял 80%. Постоянно внедряется новое оборудование, позволяющее шире применять автоматическую сварку под флюсом. В основном этот способ сварки нашел применение при изготовлении плоскостных секций, замене настилов палуб и платформ на судах, а также при изготовлении различных конструкций цилиндрической формы.

Значительное развитие на заводе получила ручная и механизированная аргонодуговая сварка, которая применялась при изготовлении судовых корпусных конструкций из легких сплавов, медных и медноникелевых судовых трубопроводов, бронзовых облицовок валов и т.п.

Внедрение мероприятий, направленных на повышение технического уровня, позволило улучшить показатели сварочного производства. Уровень автоматизации сварочных работ составлял 11%, механизации – 52%, механизации наплавочных работ – 48%.

Возглавляемый В.С. Семенченко коллектив активно осваивал эти годы новые процессы сварки: титановых труб, автоматической аргонодуговой сварки труб при изготовлении змеевиков экономайзеров и пароперегревателей.

В 1987 году был создан участок, на котором осваивался процесс восстановления деталей плазменным напылением и металлизацией.

Большая работа была проделана коллективом ОГС по созданию специального оборудования и освоению автоматической сварки цилиндрических конструкций. На электродном участке была внедрена конвейерная печь для сушки и прокалки электродов, позволившая перевести изготовление электродов на поток. Непрерывно шел процесс обновления сварочного оборудования на более современное.

В.С. Семенченко на протяжении 10 лет являлся председателем краевой секции сварки НТО им. академика А.Н. Крылова. Возглавляя секцию, он принимал непосредственное участие в подготовке и проведении семинаров и конференций по сварочному производству, а также в проводимых конкурсах по внедрению в производство научно-технических достижений. По результатам конкурсов В.С. Семенченко имеет более 40 дипломов и грамот за лучшие работы. За активное творческое участие в работе НТО он награжден знаком «Активист НТО» Центрального Правления НТО им. Крылова и отмечен Почетным дипломом. В соавторстве с другими работниками завода он имеет три авторских свидетельства на изобретения, награжден знаком «Изобретатель СССР».

На протяжении 25 лет В.С. Семенченко являлся членом Государственной экзаменационной комиссии по приему дипломных проектов на кафедре сварки ДВГТУ и возглавлял ее в течение 15 лет, являясь председателем.

Возглавляемый им коллектив многократно являлся победителем в соревновании среди отделов Дальзавода, в том числе и к 100-летнему юбилею завода.

Приложение

Основные даты жизни и деятельности профессора В.П. Вологдина

Виктор Петрович Вологдин родился 28 июля 1883 года в Кувинском заводе Пермской губернии. Среднее образование получил в Пермском реальном училище.

1902 г.	Поступил в Морское инженерное училище в г. Кронштадте. Незадолго до выпускных экзаменов был отчислен за агитацию.
1906 г.	Был принят на электромеханическое отделение Петроградского политехнического ин-та.
1909 г.	Защитил дипломный проект, получил звание инженер-электрик, был оставлен при ин-те.
1910-1918 гг.	Работал в институте лаборантом, затем читал и вел практические занятия по описательной части морских паровых машин и котлов.
1914 г.	В декабре, продолжая занятия в учебных заведениях, поступил в Главное управление кораблестроения на должность производителя работ по электротехнике.
1918 г.	В начале года получил приглашение на должность консультанта по электротехнике на Воткинский завод Вятской губернии, где и работал по август месяц.
1919 г.	Получил назначение на должность директора правления казенного Дальневосточного завода в г. Владивосток.
1920 г.	Работал на заводе в должности начальника технического бюро. Начал опыты по электрической сварке металлов. 24 ноября был избран на должность и.д. профессора по кафедре прикладной механики в ДВПИ.
1921 г.	19 февраля избран деканом механического факультета.
1924 г.	Организовал лабораторию паровых котлов.
1925-1928 гг.	Ректор ГДУ. В 1925 г. организовал лабораторию электрической и газовой сварки металлов.
1930 г.	Работал консультантом по вопросам постройки цементного завода в г. Спасск-Дальний.
1931-1933 гг.	Состоял на должности технического директора Дальзавода г. Владивостока. В 1931 г. разработал первую систему условных обозначений сварных швов на чертежах.
1933 г.	Был переведен в Ленинград, возглавил группу по развитию сварочной техники в Главморпроме.

1935 г. Заведовал кафедрой сварки Ленинградского кораблестроительного ин-та.

1943 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1946 г. Возвратился из эвакуации и продолжал работу в ЛКИ.

1950 г. 14 октября Виктор Петрович скончался.

Работы В.И. Вологдина

1. Вологдин В.П. // Бюллетени краеведческого науч. – исслед. ин-та при ГДУ. – Владивосток, 1925. – Гл.: Отчеты о деятельности отдельных членов ин-та. – С. 36-37.

2. Вологдин В.П., Татур Г.К. Влияние проковки, отжига и подогрева на электросварной шов // Автогенной дело. 1930. № 5.

3. Вологдин В.П. Дать кислород судостроительным заводам // Сварщик. 1934. № 2. С. 14.

4. Вологдин В.П. Деформации и внутринние напряжения при сварке судовых конструкций. – М.: Оборон ГИЗ НКАП, 1945. – 149 с.

5. Вологдин В.П. Институт техники (ТИН): Отчет о работе за 1932 г. // Вестник ДВ филиала АН СССР. 1933. № 1-2-3. С. 127-129.

6. Вологдин В.П., Данилов С.А. Исследование прочности соединений электрозаклепками // Труды Новочеркасского инж. - мелиоративного ин-та. – Ростов-н-Д., 1933. – Т.П.

7. Вологдин В.П. Исследование скорости плавления электродов при варке металлической вольтовой дугой. – Владивосток: Дальгиз, 1932. – 15 с.

8. Вологдин В.П. Исследование скорости плавления электродов при варке металлической вольтовой дугой // Вестник ДВО АН СССР. 1932. № 1-2. С. 47-59.

9. Вологдин В.П. К вопросу о выработке новых профилей фасонного железа для применения в сварных конструкциях // Труды 3-го Всесоюзного автогенного съезда. – 1932. – Вып. 2.

10. Вологдин В.П. К статье А.Ф. Стручкова «Исследование методов сварки стыковок V-образного шва» // Судостроение. 1937. № 6. С. 443.

11. Вологдин В.П. Коробление судовых конструкций от сварки. – Речиздат, 1948.

12. Вологдин В.П. Новые достижения в области электросварки способом Вологдина: [доклад] // Бюллетени Краеведческого науч. – исслед. ин-та при ГДУ. – Владивосток, 1925. – Гл.: Годовые отчеты о деятельности отделов ин-та. – С. 33; Гл.: Отчеты о деятельности отдельных членов ин-та. – С. 36-37.

13. Вологдин В.П. Одиннадцать лет электросварки на Дальнем Востоке // Красное знамя. 1931. 27 дек. С. 1.
14. Вологдин В.П., Изергин Д.А. Основные характеристики топлив, применяемых на Дальнем Востоке СССР / ДВПИ. – Владивосток, 1931. – 4 с. + 4 л. Прилож.

15. Вологдин В.П. Первые шаги в развитии сварки на Дальзаводе (из воспоминаний заводского инженера) // Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР / Под общ. ред. А.А. Гундобина. – Владивосток, 1967. С. 10-15.

16. Вологдин В.П. Победа на фронте электросварки // Красное знамя. 1931. 20 нояб. С 3.

17. Вологдин В.П. Постройка первого электросварного катера на Дальзаводе / ДВПИ. – Владивосток, 1931. – 18 с.

18. Вологдин В.П. Постройка первого электросварного катера на Дальзаводе в г. Владивостоке (фрагменты из работы 1931 г.) // Alma mater. 1993. № 3. С. 49-50.

19. Вологдин В.П. Постройка первого электросварного резервуара для бензина // Автогенное дело. 1930. № 1.

20. Вологдин В.П. Прибор для определения коэффициента использования сварочного поста: [Доклад, сделанный на собрании Секции сварки ВНИТОСС 23 марта 1937 г.] // Судостроение . 1937. № 8. С. 601-606.

21. Вологдин В.П. Применение качественных сталей в конструкции корпуса в связи с вопросами технологии электросварки // Труды ВНИТОСС. – 1937. – Т.2; Вып. 3.

22. Вологдин В.П. Применение сварки на судостроительных заводах в 1935 году (из материалов к конф. «Сварка в судостроении») // Судостроение. 1936. № 1. С. 15-31.

23. Вологдин В.П. Применение сварки при постройки железных конструкций // Областной объединенный науч. – техн. Совет в Ленинграде: Труды комиссии по сварке. – Л., 1929. – Вып. 1: Автогенная сварка.

24. Вологдин В.П. Применение электросварки при судоремонте в судостроении // Вестник металлопромышленности. 1926. № 1-2; № 7-8.

25. Вологдин В.П. Путевые заметки // Автогенное дело. 1931. № 4.

26. Вологдин В.П. Развитие сварки в СССР за 20 лет // Судостроение. 1937. № 11. С. 795-802.

27. Вологдин В.П. Система условных обозначений электросварных швов. – Владивосток, 1931. – 6 с.

28. Вологдин В.П., Мацкевич В.Д. Современное состояние сварки в судостроении // Труды ВНИТОСС. – 1948. – Т.5; Вып. 3.

29. Вологдин В.П., Мацкевич В.Д. Состояние и перспективы развития сварки в отечественном судостроении // Труды ВНИТОСС. – 1948. – Т.5; Вып. 3.

30. Вологдин В.П. Состояние сварки на судоремонтных заводах и перспективы ее развития // Сб. тез. докл. конф. «Сварка в судостроении». – Л., 1936.
31. Вологдин В.П. Состояние сварочной техники в судостроении. – 1935.

32. Вологдин В.П. Технология дуговой сварки: Конспект лекций. – Л.: Ленингр. электросварочный ин-т, 1934.

33. Вологдин В.П. Условные обозначения электросварных швов // Автогенное дело. 1930. № 2. С. 16-18.

34. Vologdin V.P. Schmelzgtshwindigkeit der Elektroden // Die Electroschweibung . 1933. № 10.

35. Вологдин В.П. Электросварка в судостроении и судоремонте // Красное знамя. 1931. 25 сент. С. 3.

36. Олифиренко К.М., Вологдин В.П. Структура и механическое качества электросварных швов, выполненных при низких температурах. – М. – Л.: ОНТИ, 1936.

37. Татур Т.К., Вологдин В.П. Исследование электросварных соединений, применяемых при постройке паровых котлов. – Владивосток, 1929.

38. Тез. докл. проф. Вологдина В.П. на заседании пленума науч. – техн. о-ва 19 янв. 1929 г. На тему: «Состояние электросварочного дела в СССР и дальнейшие перспективы развития сварки» // Отчет науч. – техн. О-ва при Техническом факультете ДВГТУ за 1928-29 год. – Владивосток, 1930. – С. 71-72.

Работы, взятые из личного дела В.П. Вологдина

1. Вологдин В.П. Автоматические анализаторы газов. – Изд. КВСППИ, 1911-1912.

2. Вологдин В.П. Исследование паровых котлов – анализ дымовых газов. – Петроград: Петрог. политехн. ин-т, 1911-1912.

3. Вологдин В.П. Калориметр для определения влажности пара и паромер системы Вологдина-Ломакова // Труды Всерос. съезда инженеров, 1922. – С. 25.

4. Вологдин В.П. Несчастные случаи от электрического тока и подача помощи // Электротехник. 1916.

5. Вологдин В.П. Обследование Дальзавода. – Владивосток, 1923.

6. Вологдин В.П. Определение влажности пара. – Изд-е КВСППИ, 1911-12.

7. Вологдин В.П. Перевод с немецкого кн. Бауэр и Лаше «Морские паровые турбины». – Изд-во Риккера, 1911-12. – С. 250-300.

8. Вологдин В.П. Применение электрической сварки в мостостроении // Строительная промышленность. 1928.

9. Вологдин В.П. Применение электросварки при судостроении и судоремонте // Вестник металлопромышленности. 1926.

10. Статьи по методике преподавания геометрии и тригонометрии // Ежегодник коммерческого училища в Лесном.

11. Вологдин В.П. Техническая термодинамика: Курс лекций. – Владивосток: Изд. Снабжен. комиссии ГДУ, 1925-1926. – 140 с.

Доклады, сделанные В.П. Вологдиным

1. Исследования эл. сварных соединений и применение эл. сварки при постройке металлической конструкции: Доклад на съезде по сварке в 1928 г.; доклад на НТУ ВСНХ в 1928 г.

2. Методы определения влажности пара: Доклад прочитан на механ. секции Русского технического об-ва в июне 1920 г.

3. Моисей и Арон как первые электротехники: Доклад, прочитанный на курсах рабочих Дальневосточного завода в 1920 г.; в рабочем клубе им. Суханова – в 1920 г.; в Педагогическом ин-те им. Ушинского – в 1920 г.; в клубе металлистов – в 1920 г.; в кружке научных работников университета – в 1924 г.

4. Облегчение железной конструкции при применении эл. сварки: Доклад сделан в Краевом науч. – исслед. ин-те в 1928 г.; на собрании ВАИ в Ленинграде в 1928 г.; на секции сварки ВАИ в Харькове – в 1928 г.; на собрании ВАИ в Хабаровске – в 1928 г.

5. Применение эл. сварки при изготовлении паровых котлов: Доклад на секции металлопромышленности в 1923 г.

6. Принципы, методы и успехи электросварки: Доклад прочитан на мех. кружке политехн. фак-та во Владивостоке в 1923 г.

7. Проект парогидравлической электрической станции на Воткинском заводе Вятской губ. – 1918 г.

8. Успехи электрической сварки эл. сварочной мастерской Дальзавода в 20-24 гг.: Исследования ин-та ГДУ. – Владивосток, 1924.

9. Электрификации Владивостокского р-на: Доклад прочитан на Губ. межсекц. бюро инженеров во Владивостоке (декабрь 1924 г.).

10. Электрификация железнодорожной линии Кангауза – Сучан; Доклад прочитан в кабинете народного хоз-ва (Хабаровск, 1928 г.)

Рукописи

1. Применение электрической духовой сварки при постройке мостов и крупных железных конструкций: Краткая записка (6/УI. 1927 г.).
2.
3. Проект электрификации р-на Владивостока с электрической железной дорогой Владивосток – Океанская. – Владивосток, 1920-22 гг.

Литература о В.П. Вологдине

Автогенной сварке – шире дорогу на производство; Автогенная сварка дает экономию металла, средств, времени и рабочей силы; Обсудить и по-боевому реализовать предложения профессора тов. Вологдина: [Статьи] // Красное знамя. 1931. 25 сентября.

Агрономов С.Н. Краткий обзор развития механизированной сварки на Дальзаводе (1931-1961 гг.) // Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР / Под общ. ред. А.А. Гундобина. – Владивосток, 1967. С. 27-34.

Бельчук Г.А., Мацкевич В.Д. Научная и инженерная деятельность Виктора Петровича Вологдина и его роль в развитии сварки в отечественном судостроении // Труды ЛКИ. – Л., 1956. – Вып. XIX. – С. 5-15.

Борисенко, Коровин, Емельянов. Боевые задачи электросварочного цеха // Красное знамя. 1931. 20 ноября. С. 3.

Виктор Петрович Вологдин (1853-1950) // Судостроение. 1950. № 6. С. 38.

Вологдин В.П. Морской энциклопедический словарь. – Л., 1991. – Т.1. – С. 261.

Вологдин В.П. // Турмов Г.П. Университетское образование в техническом вузе. – Владивосток, 1997. – Кн.1. С.17; С.25; С.175; С.177-178; С.195; С.201.

В университете (Профессор Вологдин освобожден от обязанностей ректора) // Красное знамя. 1928. 24 окт.

В университете (Уход ректора ГДУ В.П. Вологдина) // Красное знамя. 1931. 20 ноября. С. 3.

Гинзбург Э. Революция в судостроении началась во Владивостоке // Океанские вести. 1998. Декабрь. С. 16-17.

Гольян П.С. 50-летие электросварки на Дальнем Востоке // Судостроение. – 1970. – № 8. – С. 54.

Горбачев И.В. Деятельность В.П. Вологдина на Дальнем Востоке. [К 100-летию со дня рождения ученого в области сварки] // Сварочное производство. 1983. № 9. С. 2-4.

Горбачев И. Из истории технического вуза // Очерки истории высшей школы Владивостока. – Владивосток, 1996. – Вып. 2. – С. 10-12.

Горбачев И. Ностальгия по двадцатым // Alma mater. 1993. № 3. С. 44-45.

Горбачев И. Рождение электросварки: [О профессоре В.П. Вологдине] // Красное знамя. 1968. 17 июля.

Горбачев И. С подростками он был на «вы». А со сварочным аппаратом – на «ты» // Очерки истории высшей школы Владивостока. – Владивосток, 1996. – Вып. 2. – С. 13-14.

Гундобин А.А., В.П. Вологдин – основоположник промышленного внедрения электросварки в отечественную промышденность // Дальзавод – пионер промышленного

применения электросварки в СССР / Под общ. ред. А.А. Гундобина. – Владивосток, 1967. – С. 4-9.

Гундобин А.А., Турмов Г. Центр сварки на Дальнем Востоке // Alma mater. 1993. № 3. С. 46-48.

Гундобин А.А., Турмов Г. Центр сварки на Дальнем Востоке: [К 100-летию со дня рождения основателя сварочного пр-ва В.П. Вологдина. 1883-1950] // Наука и жизнь. 1983. № 9. С. 99-103.

Гундобин А.А. Первые в СССР цельносварные суда // Морской флот. – 1951. – № 4.

Гундобин А.А. Дальзавод – родина цельносварных судов // Судостроение. 1987. № 6. С. 51-52.

Гундобин А.А. К 40-летию применения электросварки на «Дальзаводе» // Сварочное производство. 1961. № 4. С. 42-43.

Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР / Под общ. ред. А.А. Гундобина. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 40 с.

Дальзавод. – Владивосток, 1997. – 26 с.

Дальзавод // Приморский край. – Владивосток, 1979. С. 130-135.

Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 40 с.

Дальневосточный государственный университет: История и современность. Ч. 1. 1899-1939. – Владивосток, 1997.

Дальневосточный политехнический институт // Приморский край. – Владивосток, 1958. – С. 342-344; С. 346-348.

Дальневосточный политехнический институт за 40 лет (1918-1958 гг.) – Владивосток, 1958. – 72 с.

Доценко В.Д. Морской биографический словарь. – СПб., 1995.

Доценко В.Д. Морской биографический словарь. – СПб.: LOGOS, 2001. – 456 с. (о В.П. Вологдине – С. 87).

Дюборг И. Новый опытный катер // Красное знамя. 1931. 20 ноября. С. 3.

Ивашкевич Б.А. Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918-1922 гг. – Владивосток: Свободная Россия, 1922. – 72 с.

Илюшина С.С., Слободенюк Л.П. Дальзаводцы. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. – 400 с.

Иофик В., Боташов Г. Товарищ Дальзавод. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. – 24 с.

Кочешков Н.В., Турмов Г.П. Дальневосточные профессора: К 100-летию высшего образования на Дальнем Востоке // Тр. профессорского клуба. – 1998. – № 4. – С. 4-88. (о В.П. Вологдине С. 18-20).

Мацкевич В.Д. Вологдин В.П.: К 100-летию со дня рождения // Сварочное производство. – 1983. – № 9. – С. 1-2.

Мацкевич В.Д., Соколов В.Ф. Развитие сварочного производства в отечественном судостроении // Судостроение. – 1998. – № 5-6. – С. 95-97.

Мацкевич В.Д., В.П. Вологдин: К 100-летию со дня рождения // Сварочное производство. 1983. № 9. С. 1-2.

Мацкевич В.Д. От клепаных корпусов судов – к сварным // Судостроение. Год № 6. С. 52-54.

Мацкевич В.Д. Основоположник сварного судостроения в СССР // Судостроение. 1983. № 9. С. 57-58.

Наш Дальневосточный технический. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 165 с.

Овчаров О.Д. Научно-практическая школа сварки В.П. Вологдина: Дис…. канд. техн. наук. – Владивосток, 1999. – 183 с.

Одиннадцать лет электросварки на Дальзаводе // Красное знамя. 1931. 13 дек. С. 3.

Памятник и памятные места Дальзавода им. 50-летия СССР. – Владивосток, 1998.

Первое в СССР опытное целиком сварочное судно-катер «Ж-1», построенное в 1930 году под руководством профессора В.П. Вологдина // Памятники и памятные места Дальзавода им. 50-летия СССР. – Владивосток, 1988.

Пионеры электросварки // Приморский край. – Владивосток, 1947. – С. 259-260.

Плисов Б.В. Их помнят корабли. – СПб.: Судостроение, 1992. – 128 с.

Плисов Б.В., Быховский И.А. Вологдин Виктор Петрович // Морской энциклопедический словарь. – Л.: Судостроение, 1991. Т. 1. – С. 261.

Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1997. – 596 с.

Продолжение дела В.П. Вологдина // Наш Дальневосточный политехнический. – Владивосток, 1971. – С. 218-223.

Профессор В.П. Вологдин и дальневосточная школа сварки // Наш Дальневосточный политехнический. – Владивосток, 1971. – С. 206-217.

Пустынцев П.П. Применение сварки на Дальзаводе в 1920-1945 годах // Дальзавод – пионер промышленного применения электросварки в СССР / Под общ. ред. А.А. Гундобина. – Владивосток, 1967. – С. 16-26.

Сварка в СССР. – М.: Наука, 1981. Т. 1. – 34 с.; Т. 2. – 494 с.

Страницы истории вуза // Наш Дальневосточный технический / ДВГТУ. – Владивосток, 1993. – С. 21-27.

Товарищ Дальзавод: Ордена Ленина, Ордена Трудового Красного Знамени Дальзавод им. 50-летия СССР: [Сб.] / Сост.: В. Иофик, Г. Баташов. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. 240 с.

Турмов Г.П. Первые шаги применения электросварки в судоремонте и судостроении // Российский флот на Тихом океане: История и современность: Материалы Тихоокеанской конф., посвященной 300-летию Российского флота (17-20 окт. 1996 г.). – Владивосток, 1996. – Вып. 4: Кораблестроение. Энергетика. Судоремонт. Экология. – С. 18-23.

Хренов С. Автоматическая электросварка – последнее слово сварочной техники // Красное знамя. 1931. 20 ноября. С. 3.

Холодилин А.Н. Ленинградский кораблестроительный. Факультет – институт – университет. – СПб.: Судостроение, 1992. – 400 с.

Чехранова Л.И., Горошенко Д.Ю., Парамонов А.В. Пионеры электросварки // Российский флот на Тихом океане: История и современность: Материалы Тихоокеанской конф., посвящ. 300-летию Российского флота (17-20 окт. 1996 г.). – Владивосток, 1996. – Вып. 4: Кораблестроение. Энергетика. Судоремонт. Экология. – С. 18-23.

Содержание

1. Основные даты жизни и деятельности В.П. Вологдина……

2. Работы В.П. Вологдина…….

3. Работы, взятые из личного дела В.П. Вологдина……

4. Доклады, сделанные В.П. Вологдиным……

5. Рукописи……...

6. Работы о В.П. Вологдине……

7. Статьи из газет о В.П. Вологдине…….

8. Дальзавод……...

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие……
Введение к сказу о дедушке нашем……...
Пращуры……..
Отец …….....
Братья, сестра и повести о старых письмах …….
Тётя Глаша…….....
Сергей……
Владимир…….....
Борис……..
Валентин……
Надежда…….
Виктор……....
О том, что было до появления у деда внуков …….....
«Кратковременный» отпуск во Владивосток……...
Славянов и его преемник……...
Как вспыхнула дуга во Владивостоке……...
Сварщик – ректор……
Партия шахмат и судьба сварки ……...
Жизнь на Динамо …….....
Виктор и Валентин …….
Дачи, любимые дедовы дела и забавы……..
Эвакуация. Пермь ……...
О книгах, о славе и кое-о-чём ещё …….....
Пермь-Ленинград-Пермь ……...
Новая жизнь в Ленинграде ……
Дед и потомки ……
Что же такое жизнь?……...
Послесловие……